

"...идеальное праздничное лакомство!

Как жаль, что нас всех не может
заменить снегом вместе с Джейсоном Парсом!"

• Барбара Воллэс

Рождественская
Малышка миллиардера

Ему нужен был только фиктивный брак...

Виктория Джеймс

Перевод группы vk.com/bambook_clubs

ПРОЛОГ

Ханна ненавидела вечера четверга.

Все, что она хотела делать после консультации с одинокими, неработающими матерями — это переодеться в свою фланелевую пижаму с пингвинами, выпить два бокала вина и съесть большую упаковку жирных и высококалорийных картофельных чипсов во время просмотра нудных телепрограмм.

К счастью для её талии, она бросила эту привычку по истечении двух месяцев семинара, когда заметила формирующиеся складочки над поясом её любимых джинсов. Теперь она позволяет себе подобную роскошь только раз в месяц, переключившись на полужирные органические чипсы. Не было никакого смысла каждый раз ограничивать себя чипсами, когда она не могла спасти мир и каждого ребёнка, который оказывался в приюте — или так она продолжала себе говорить. Подобные ночи тестировали эту теорию.

Ханна поворачивала ключ до тех пор, пока не услышала, как щёлкнул замок на древней церковной двери. Она забросила сумку себе на плечо и спустилась по невысокой лестнице, по две ступеньки за раз, её мысли занимала Луис, женщина, которая сегодня не пришла на встречу. На последней ступеньке она притормозила и, несмотря на холодный ветер, остановилась. Что-то было не так. Она вытащила из кармана свой Blackberry, и посмотрела на экран. Никаких сообщений. Прикусив нижнюю губу, пристально вглядываясь в светящийся экран, она ждала звонка от Луис. Возможно, по дороге домой она заглянет к ней на квартиру.

Ханна подняла воротник, но, вместо того, чтобы пойти к своей машине, она положила ключи и Blackberry обратно в карман и, медленно обернувшись, посмотрела на церковь. Старая каменная постройка стояла как маяк утешения, освещённый жёлтым сиянием старомодного фонаря. Снег падал, словно провеиваемая через сито сахарная пудра, а прохладный ветер позднего ноября был пронизан слабым запахом кедра. Она прекрасно знала эту картину.

Но сегодня что-то было по-другому.

Промозглую тишину нарушил раздавшийся слабый крик, как пение птицы на рассвете. Ханна посмотрела в сторону звука. Её сердце дрогнуло, когда она заметила оставленную на каменном крыльце «корзину Моисея» с розовой подкладкой. Неужели она прошла мимо неё? Массивные дубовые двери возвышались над крошечным младенцем, как гигантское дерево защищающее гнездо с птенцами. Ханна пыталась проглотить возникший в горле болезненный комок страха.

Она узнала эту корзинку. Ведь её купила она.

Надрывные крики ребёнка, лежащего в корзине, выдернули её из настоящего и отправили назад в прошлое, в которое она редко осмеливалась возвращаться. Она пристально смотрела на ту корзину, образ которой из-за слез расплывался. На трясущихся ногах, подойдя ближе к ступенькам, она каждой клеточкой своего тела и каждой мурашкой, что пробежала по её рукам, знала, чей это ребёнок. И что это значило.

Ханна сделала глубокий вдох и, борясь за контроль, посмотрела вниз на корзину. Она

упала перед ребёнком на колени, её капроновые колготки, соприкоснувшись с каменными ступеньками, разорвались, но она этого не заметила и ничего не почувствовала, ведь её глаза были устремлены на ребёнка. Розовое одеяло, розовая пушистая детская пижама, розовая шапочка — вещи, которые она выбрала для неё, и подарила, когда малышка родилась.

Эмили.

Её кожа была бледной, с красными пятнами из-за рыданий и холода зимнего воздуха. Ханна с трудом одеревеневшими пальцами сняла свои перчатки. Взяв её на руки, почувствовала прилив облегчения, когда Эмили прекратила плакать. Ханна, трясущимися руками прижала её ближе, укутывая в складках пальто. Она потёрла спинку ребёнка, прижимаясь лицом к нежному месту невозможно мягкой кожи у основания её шеи. Глубоко вдохнув, позволила ангельской чистоте ребёнка успокоить её.

Пока Ханна укутывала и согревала ребёнка, вокруг них кружился снег. Минуты буквально тянулись, пока Ханна, наконец, не прекратила укачивать Эмили и не посмотрела в её огромные фарфорово-голубые глаза, задаваясь вопросом, что же её сюда привело, хотя глубоко внутри она уже знала. Луис больше нет. Мамы Эмили больше нет.

Ханна медленно поднялась, понимая, что ей придётся уведомить полицию и её ожидает адский бой со службой защиты детей. Но в этот раз, она не будет играть по правилам. Она была рядом, когда Эмили родилась, и она сделает все, что в её силах, дабы ей не пришлось проходить через систему приёмного попечения.

Она держала младенца одной рукой, и была уже готова вытянуть свой Blackberry и связаться со своим контактом в полицейском участке, когда увидела что-то прикрепленное к внутренней стороне корзины. Она присела и прочла записку. Та была написана на обратной стороне чека из продуктового магазина толстым чёрным маркером:

«Прости, Ханна. Я так больше не могу. Это слишком трудно. Жизнь слишком трудна. Пожалуйста, найди моего брата, Кристофера Джеймса. Найди дядю Эмили. Он вырастит её».

Кислота прожигала горло и Ханна боролась с подступающей к нему желчью. Этого не может быть. Она только вчера говорила с Луис. *Как она могла пропустить предупреждающие знаки?*

Ханна прижала младенца ближе к груди. Дыхание Эмили стало спокойным, её ритмичное сердцебиение было полной противоположностью хаотичному сердцебиению Ханны. *Что ты наделала, Луис?*

Она уткнулась лицом в мягкие волосы ребёнка и слезы, которые грозились подступить, наконец, вырвались наружу из-за той боли, которую Эмили испытает, узнав, что её бросили. Она знала глубину этой боли. Ханна знала, что подобная боль никогда не исчезнет.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

«Желаю Вам счастливого Рождества...»

Ханна нажала кнопку громкости на приёмнике так сильно, что её указательный палец болезненно прогнулся. Она потёрла пульсирующий палец, глядя на теперь чёрный дисплей. Это будет совершенно несчастливое Рождество. Шансы на счастливое Рождество были невелики и гораздо выше в пользу несчастливого.

Она солгала своему боссу, коллегам, и нарушила некоторые основные правила в службе защиты детей, чтобы быть здесь. В то время как другие украшали свои дома, совершали

рождественские покупки и посещали праздничные вечера, она сидела в холодной машине и, со спящим ребёнком на заднем сидении, из-за сугроба шпионила за человеком.

Но она, после трёх несчастных, долгих недель, наконец-то, выследила и нашла дядю малышки Эмили. Теперь все, что она должна была сделать — постучать в дверь и представить его Эмили.

О, а затем убедить его её удочерить.

Верно. Прекрасный план, Ханна.

Есть ли бы у неё было чувство самосохранения, то она развернула бы свою машину в обратном направлении и мчалась со всех ног из Северного Онтарио.

Она бы лучше мужественно справилась с ужасными дорожными условиями, чем убеждала человека, который отворачивался от своей семьи в течение более десяти лет, бросить все и признать свою племянницу. Но она знала, что не могла этого сделать. Ханна повернулась в кресле, чтобы проверить Эмили, счастливо сопевшую в детском кресле.

Ханна взглянула на деревенскую хижину перед собой. Она все отрепетировала. Она подойдёт к ситуации с состраданием и честностью. Она могла это *сделать*. Она *должна* была это сделать. Ханна, прикусив нижнюю губу, посмотрела в проталину, которую сделала на замерзшем лобовом стекле. Её наполовину полная чашка праздничной смеси Starbucks, давно остывшая, стояла в подстаканнике рядом с пустой бутылкой младенца.

Она пригнулась, когда заметила движение в доме. К счастью, Ханна была почти уверена, что человек не заметил её серебристую Jetta, скрытую за сугробом на дороге. Как только она съехала с шоссе и потащилась по просёлочным дорогам, то начала ощущать себя движущимся на колёсах снеговиком. И когда наконец, в этом *глушвилле* нашла его хижину, она, спускаясь по нечищенной дороге, тихо молилась, чтобы не врезаться в припаркованный Range Rover.

Агуканье с заднего сиденья встряхнуло её. Ей нужно пойти туда до того, как проснётся Эмили. *Сейчас или никогда, Ханна*. Она завела двигатель, чтобы хорошенько прогреть салон, прежде, чем ей придётся покинуть машину.

Надев свою счастливую красную вязаную шапочку с большим помпоном и решительно за него потянув — ей нужна была вся удача, которую она могла получить. По-хорошему у неё было десять минут, прежде чем ей придётся побеспокоиться о том, что Эмили замёрзнет, но она укутала ребёнка ещё парочкой одеял, которые уже шли в комплекте с сумкой с бантом, шапкой и варежками. Ханна потянулась к пассажирскому сидению, она вслепую искала сумочку и рукавицы, пока её глаза оставались прикованными к хижине. Она зажала под локтем свою старинную, в виде Санты, жестянку для печенья, наполненную домашним сахарным печеньем. Никто не мог устоять перед её рождественским печеньем.

Она надеялась, что брат Луис, когда-то Кристофер Джеймс, теперь Джексон Пирс, относился к той категории мужчин, которые способны по достоинству оценить домашнее печенье. Из-за того, что он сменил имя, поиск длился на несколько дней дольше, но, благодаря своим друзьям в полиции и немного своей собственной изобретательности, она нашла его в этом домике. Когда служба защиты детей искала его, то не обнаружила никаких следов Кристофера Джеймса, но Ханна знала подробности его прошлого и знала, что этот человек не захочет иметь ничего общего с ребёнком Луис. Она была шокирована его личностью. Он был основателем и главным исполнительным директором одной из крупнейших в Северной Америке компаний занимающихся компьютерными технологиями.

Ханна открыла дверь, и ветер снегом хлестнул её по лицу, когда она старалась как

можно быстрее выйти из машины, чтобы холодный воздух не проник внутрь. Она ступила в, как минимум, метр снега и поборола желание громко взвизгнуть, когда он соприкоснулся с её ногами. *Вот тебе и непромокаемые сапоги.* Осторожно, чтобы не упасть и не уронить печенье, она шла так быстро, как только могла, и её ноги, когда она добралась до крыльца, были словно налиты свинцом. Она осмотрела дом и подтвердила то, о чем подозревала, когда находилась внутри машины — на двери нет Рождественского венка или рождественских гирлянд. Или чего-нибудь отдалённо напоминающего Рождество.

Это был знак. Плохой.

Она мысленно встряхнулась, заставляя себя успокоиться. *Скорее, Ханна.*

Сделав глубокий вдох ледяного воздуха, постучала. Из-за её толстых красных рукавиц звук был более похож на удары лап пушистого животного, стучащего в дверь... может быть, он не услышал приглушённый звук из-за звука шторма. Она собиралась уже снять рукавицу, когда дверь распахнулась. Её рука застыла в воздухе, и единственная мысль, которую она могла переварить, была, почему, ну почему она должна была надеть эту отвратительную красную шапку?

Джексон Пирс был, по крайней мере, два метра чистой мужественности — именно тот тип мужчин, которые выглядят так, будто никому не принадлежат, и ни с кем не делятся. Тот тип мужчин, которые, как правило, заставляют тебя бежать в другом направлении. Его волосы были цвета дорогого коньяка, слегка всклокоченные, но аккуратные, а глаза на несколько оттенков темнее. Он был загорелым, естественным, а не загар-из-салона образом, с тёмной щетиной на жёсткой челюсти и подбородке. Джексон оказался не таким, каким она ожидала его увидеть.

Определённо с хорошим телосложением и определённо аппетитным... *если вам нравится подобная внешность.*

А ей *не* нравилось.

Он нахмурился. — Вы потерялись?

Ханна поняла, что, должно быть, выглядит как идиотка, стоя на крыльце и не проронив ни слова. Она опустила руку, распрямила плечи и попыталась спроецировать изображение спокойствия и невозмутимости собранного профессионала, которым она обычно и была. — Нет, нет. На самом деле, нет.

За шесть часов езды и двадцать минут преследования в своей машине на улице, она все отрепетировала. Она даже практиковала свою речь перед Эмили и заработала несколько восторженных булькающих звуков. Но теперь, перед ним, она не могла заставить себя произнести слова, которые были так тщательно продуманы. Он вскинул брови, и прислонился плечом к дверному косяку. Его приталенная тёмно-синяя рубашка Хенли обтянула его мускулистые руки и широкую грудь. Холодный воздух, очевидно, совершенно его не беспокоил.

— Вам нужна помощь? — Его голос. Нечто вроде гладкого шелка и жёсткой замши. К сожалению, его тщательно сформулированный вопрос также подразумевал, что он считал её умственно отсталой.

Сейчас или никогда. Она откашлялась и убедилась, что поддерживает визуальный контакт.

— Вы Кристофер Джеймс? — выпалила она, в последнюю минуту решив использовать его настоящее имя.

Нахмурившись, он оттолкнулся от дверного косяка, и выпрямился. Внезапно он стал

гораздо более пугающим и вовсе неприятным.

— Кто вы?

— Меня зовут Ханна Вудс. Послушайте, извините, что беспокою вас, — она сделала глубокий вдох. — Я здесь из-за вашей сестры Луисы. — Самосохранение было привычкой, которому она в своей жизни научилась очень рано, и сейчас её инстинкты говорили ей бежать в другом направлении.

— У меня нет сестры.

Ханна прочистила горло. — Простите. Я знаю, что — ...

Он нахмурился. — Что? Что ты знаешь?

— Я знаю, что вы изменили своё имя и —

Он захлопнул дверь перед её лицом и Ханна была в недоумении. Она стояла неподвижно и смотрела на чёрную дверь. Одно было ясно наверняка — Джексон Пирс или Кристофер Джеймс или как его там зовут на самом деле, был определённо не тем типом мужчин, которые предпочитают рождественское сахарное печенье. О чем она вообще думала? Что она сможет засунуть печенье ему в глотку, пока они говорят по душам о его сестре и брошенной племяннице?

Навернувшиеся слезы размывали картинку, пока она пялилась на голую дверь, осознавая реальность своего положения. Временное размещение Эмили в приюте под наблюдением миссис Форд скоро закончится и, после этого, у Ханны будет очень мало контроля над тем, что случится с ребёнком. Ханна активно боролась за то, чтобы эта женщина стала временным опекуном Эмили. Миссис Форд была одной из лучших приёмных родителей, с которыми она когда-либо сталкивалась. Ханна каждый день после работы приходила навещать Эмили. Проведённое время с ребёнком стало главным событием её дня. Ханна могла спокойно спать по ночам, зная, что ребёнок был в хороших руках, пока она искала её дядю. Именно вера миссис Форд в неё позволила Ханне взять Эмили, чтобы найти её дядю минуя офис социальной защиты детей. У неё не было ни малейшего шанса получить одобрение босса.

Ханна крепко прижала коробку с печеньем к груди и попыталась проигнорировать комок в горле, который появился, как она подозревала, отчасти от того, что она чувствовала себя идиоткой, а отчасти из-за отчаяния. Она не будет плакать. Она совсем не плакала. Ровно до той ночи, когда она нашла Эмили, она не плакала уже много лет. Что она собирается делать? Человек, на которого она сделала ставку, оказался куда неприятней, чем человек, имеющий право быть настолько привлекательным. И в довершение ко всему, она посреди этой глуши, во время метели, находилась с двухмесячным ребёнком и только своей машиной в качестве укрытия.

Глядя на автомобиль, она прищурилась от ветра. Она должна что-то предпринять и сделать это быстро. Представив, как маленькую Эмили забирают из-под опеки миссис Форд, её сердце сжалось. Что, если они не найдут постоянного места проживания для неё? Эмили может годами переезжать с места на место, так никогда и не обретя своего собственного дома. Ханна об этом знала всё. И она не позволит такому случиться с этим ребёнком.

В ту минуту, как только она за пределами церкви взяла этого ребёнка на руки, она знала, что это произошло неспроста. Луис верила в неё. И Луис верила в своего брата. В нём должно быть что-то большее, чем то, чему она только что стала свидетелем. Она в долгу перед Луис. Она должна была исполнить последнюю волю Луис, независимо от того, каким несчастным человеком был дядя Эмили. Она не могла сейчас струсить.

Ханна сделала глубокий вдох, поправив свою вообще немодную шапку, и снова постучала в дверь. Она не знала, что собирается сказать, но Джексон Пирс не избежит от неё так легко. Адреналин и паника переплетаясь пронесли по её телу, когда она мысленно себя подбодрила. Она не была трусихой. Эмили нуждалась в ней.

Ответа не было.

Она сняла свою варежку и постучала. Сильно. Но все ещё не было никакого ответа.

Ладно. Джексон Пирс считал себя упрямым? Ну, он получит достойного соперника. Она подняла ногу и быстро и сильно пнула дверь. В тот момент, когда она собиралась дать ещё один достойный чемпиона по футболу пинок, он резко открыл дверь. Она изо всех сил старалась не упасть, потому что чуть не потеряла равновесие. Быстро опустив ногу, успокоилась и заставила себя улыбнуться.

Он не улыбнулся в ответ.

— Послушайте, мистер Пирс, это вопрос жизни и смерти.

Он поднял брови, абсолютно не впечатлённый. — Чьей смерти?

Она нахмурилась. — На самом деле, это действительно вопрос жизни.

— Как вас зовут, ещё раз?

— Ханна, Ханна Вудс. — Она ощутила облегчение от его более рассудительного тона. Фраза «жизни и смерти» всегда срабатывала, когда ей нужно было, чтобы её воспринимали всерьёз.

— Вы понимаете, Ханна Вудс, что вы вторглись на частную собственность?

Ладно, возможно, эта фраза не работает на мистере Пирсе. Она чувствовала, как её внутренности скрутило в узел, пока она смотрела во враждебные карие глаза.

Она осторожно кивнула. — Да, я понимаю это. Я обычно не делаю вещи подобного рода, но ваша сестра Луис умерла...

Он громко выругался. — И дайте угадаю, она оставила кучу счетов?

Она покачала головой. Она собиралась объяснить, когда он прервал её.

— Я не связываюсь с жадными до денег друзьями-наркоманами своей сестры. Так что тащите свою задницу прочь из моего дома и — ...

— Я не подруга вашей сестры.

Он наклонился вперёд так, что его лицо было в нескольких сантиметрах от её. — Мне все равно, — прошипел он. — Мне все равно, были ли вы её подругой или подругой самого чёртового Папы Римского. Мне. Все. Равно. Так что убирайтесь прочь из моего дома.

Он отступил и на этот раз захлопнул дверь так сильно, что она на самом деле вздрогнула. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что произошло.

Джексон Пирс был придурком.

Каждый раз, когда она думала о том, как все может повернуться, то, как он орёт на неё и хлопает дверью ей в лицо, но дважды, было не тем, что она себе представляла. Она думала, что он, по крайней мере, выслушает её. Но он даже не дал ей шанс сказать ему об Эмили. Она знала в глубине души, что под всем этим противным характером должен скрываться хороший человек. Луис рассказала ей все о нем и о том, каким хорошим братом он был. Но это было очень давно и Луис совершила столько ошибок. Очевидно, что он её не простил. Когда он не появился на похоронах, Ханна предположила, что это произошло потому, что он не знал, о её смерти. Но теперь, став свидетелем его ощутимого гнева по отношению к чему угодно связанному с Луис, ей было интересно, может, он просто не потрудился появиться. Так, что же это значит для Эмили?

Ханна неподвижно стояла на крыльце, из-за сурового ветра снег и ледяные крупинки врезались в её тело, как будто по очереди пытались сбить её с ног. Её автомобиль уже был скрыт под снегом и, должно быть, потерял большую часть своего тепла. Она не была трусихой, но уже явно пришло время придумать план «Б». Ей нужно было выдвигаться. Но куда, черт возьми, они собираются поехать в восемь часов вечера в такую метель?

Счастливого Рождества, мистер Пирс, проворчала она про себя, осторожно спускаясь по ступенькам, все ещё сжимая наполненную печеньем жестянку в виде Санты. Она могла сидеть в машине съесть печенье, пока будет обдумывать новый план. К счастью, у неё в багажнике было две упаковки детского питания.

Вот тебе и счастливая шапка. Может быть, она должна сорвать её, а затем станцевать на ней. Она была замерзшей, обессиленной и теперь, благодаря Джексону Пирсу, несчастной. Она продвигалась по сугробам так быстро, как того позволяли ей ветер и снег, её взор был направлен на автомобиль. Эмили в течение часа снова нужно поесть, и последнее, что она хотела бы делать, это съехать с дороги, черт знает где, чтобы покормить её. Может быть, попытаться постучать в дверь этого очаровательного бунгало в конце улицы, которое было украшено сверху донизу рождественскими украшениями и гирляндами. Несомненно, кто бы там не жил, не отвернется от женщины с ребёнком во время метели.

В любом случае, какой придурок позволит женщине остаться на улице одной во время метели?

Какой осел кричит в лицо женщине, а затем позволяет ей уехать из этой глуши в Северном Онтарии ночью во время метели?

Джексон смотрел из окна на миниатюрную брюнетку, пока она пыталась очистить лобовое стекло от снега. Но каждый раз, когда она это делала, ветер наносил снега ещё больше. Глядя на неё, было очевидно, что одним сильным порывом её тоже может унести прочь. Даже бабушкина шапка, что была на ней надета, сплошь была покрыта белым снегом.

Он продолжал смотреть в окно, его кулаки в карманах джинсов сжались. Его разрывала вина, оставляя в животе рваные раны пока он вспоминал её шокированный взгляд. Он был задницей. Он редко терял хладнокровие и, все же, несколько минут назад, он у своей передней двери стоял и кричал на эту крошечную женщину. Будет ли это такой плохой идеей позволить этой Ханне провести здесь ночь? Может ли женщина, которая в шапке с помпоном едва достигает его подбородка, представлять собой большую угрозу? Он узнает, чего она хотела, а потом ясно даст понять, что он не имеет никакого намерения говорить с кем-либо о своей семье. А завтра утром, когда шторм утихнет, она уйдёт. Легко. Уже сделано.

Джексон покачал головой, когда она исчезла в гигантском сугробе снега. После грубого вздоха, и некоторых своих наиболее любимых ругательств, он натянул кожаную, сделанную из овечьей шкуры куртку и включил наружное освещение. Так или иначе, женщины всегда усложняли его жизнь. Даже когда он пытался убежать от них, они его находили.

— Эй! — крикнул он, подходя к ней. Снега насыпало уже выше его голени, и он не собирался замедляться. Он прищурился когда, снег и холод хлестнули его по лицу и глазам. Она либо не услышала его из-за ветра или же намеренно его игнорировала.

Она не стала смотреть на него, когда он подошёл к ней. Продолжая со вспышками гнева смахивать снег.

Ему в лицо, ударило облако снега. Он не был уверен, что это было случайностью.

— Послушайте, вы можете провести эту ночь здесь. Уедете утром, когда закончится шторм.

Она остановилась, а затем вновь вернулась к безуспешной очистке одной рукой лобового стекла, сжимая как футбольный мяч под другой рукой жестяной контейнер. Он заметил прикрепленный к переднему бамперу её машины Рождественский венок. Постаравшись не застонать громко из-за абсурдного украшения. Фактически, он никогда не встречал того, кто бы потрудился на Рождество украсить свою машину. Она занималась боковыми окнами, все ещё не обращая на него внимания. Упрямство было последним, что ему нужно прямо сейчас.

— Ну, мы оба знаем, сегодня, при такой погоде, вы никуда не сможете добраться. — Он почувствовал, как ледяные крупинки, словно куча гвоздей барабанили в его затылок. Она продолжала его игнорировать. Пора с этим заканчивать. Он подошёл и выхватил скребок из её рук. Она посмотрела на него и дёрнула его назад.

— Я не останусь здесь. Вы психически неуравновешенный.

— О чем вы думали, приехав сюда в одиночку, ночью? Очевидно, что вы планировали остаться. — Он снова попытался вырвать щётку из её руки, но эта проклятая вещь, как будто, была приклеена к гигантской красной рукавице.

— Перестаньте издеваться. Я не думала, что мне понадобится более шести часов, чтобы сюда добраться. Я никогда не планировала оставаться здесь, так что не льстите себе. Вы мне не нравитесь. Я вам не доверяю. Так что оставьте меня в покое и отпустите мою щётку!

Последнюю часть она прокричала и он отпустил её, подняв руки в воздухе в знак капитуляции. Он не собирался умолять её остаться здесь.

Джексон наблюдал, как она, оступившись, упала назад в кучу снега. Жестянка пролетела в воздухе, и из неё выпало что-то похожее на печенье. Ой.

— Моё печенье! — пролепетала она, изо всех сил стараясь удержаться на снегу в сидячем положении.

Он наблюдал, как она из белого снега подбирает множество ярких, цветных печенюшек и его охватило странное чувство сожаления. *До чего же нелепо...* Джексон чувствовал, что ему ничего не оставалось, кроме как встать на колени и помочь.

Он откашлялся, на мгновение, забыв о холоде. — Простите, я не хотел...

— Не стоит, — отрезала она, и он проигнорировал слезы, которые ему послышались в её голосе. *Только не слёзы, пожалуйста, не надо.* Он нашёл печенье и со страхом заметил, что оно было сделано в форме рождественской ёлки, и покрыто зелёной блестящей посыпкой.

Джексон попытался аккуратно положить собранные печенья в жестянку, как будто ещё была какая-то надежда их спасти. Она же, с другой стороны, бросала их с силой, исходя из чего, можно было предположить, что она очень сильно злилась. По крайней мере, она не плакала. Наконец, она крышкой накрыла жестянку, стукнув счастливое лицо Санты своими гигантскими красными рукавицами.

Джексон встал и протянул ей руку. Она же, посмотрела на его руку и поднялась самостоятельно. Он не должен быть удивлён. Он мог бы поклясться, что услышал слово *придурак*, но из-за ветра не был в этом уверен.

— Я сожалею о... печенье, — сказал он неловко.

— Не важно. В любом случае, вы всё равно не из тех парней, которым нравится печенье с молоком. Вы из тех парней, кто отдаёт предпочтение мышьяку и гвоздям.

Он должен был сдерживать своё желание, улыбнуться на её оскорбление. Печенье было сделано для него. Тот факт, что он обидел её, был, как ни странно, тревожным. К этому следует добавить тот факт, что она испекла его для него. Никто, конечно же, никогда ничего не выпекал для него, если тому за это не было заплачено. Он не собирался анализировать свою внезапную сентиментальность на коробку печенья. Кроме того, он хотел вернуться в дом.

— Ханна, вы можете провести ночь здесь.

Она, нахмурившись, посмотрела на него. — Я предпочла бы спать в своей машине.

Джексон стиснул зубы. Это было чертовски раздражающее иметь дело с кем-то более упрямым, в чем всегда обвиняли его. Печенье или нет, но это должно было быть его время вдали от стресса... от цивилизации. Этот коттедж был его анти-рождественским святилищем, местом, где не могло быть никакой речи о семье. Никаких разговоров о Рождестве. Единственные ветки ели находились снаружи и ни на одной из них не было ни единого проклятого огонька, именно так, как ему нравилось. Но теперь, он вынужден был приютить какую-то странную женщину, которая знала о нем чертовски много и как-то связана с его сестрой.

Он наблюдал, как она продолжала одной рукой стряхивать снег со своих штанов, другой придерживать жестянку. — Послушайте, я не позволю вам во время метели спать в машине.

Она прекратила отряхиваться и склонила голову набок. — Ну, я думаю, вы должны были подумать об этом, когда захлопнули дверь перед моим носом. Это не самый лучший способ заставить кого-либо почувствовать себя желанным гостем.

Джексон открыл рот, а затем снова закрыл его, не зная, что сказать. Он не привык к тому, что с ним спорили. Он привык к быстрым ответам «Да, сэр», которые он получал от своих сотрудников.

Пройдя мимо, она бросила на него злобный взгляд. Он схватил её за руку. Мгновение ничего не происходило, а затем под его руками она превратилась в сталь. Её глаза расширились, когда она на него посмотрела. Он пытался расшифровать выражение её лица, когда она выдернула свою руку из его. Он обратил внимание на её быстрое и поверхностное дыхание. Эта уверенность, которую она показывала только секунду назад, испарилась. Эта женщина почувствовала от него угрозу. Его подопечные могут многое сказать о нем, но «жестокий» — было не тем прилагательным, которое используют при его описании. Он ненавидел физическое насилие и никогда не прикасался к женщине в гневе.

— Я не могу позволить вам остаться здесь. У меня есть комната для гостей, — сказал он, изо всех сил стараясь казаться терпеливым и спокойным.

Она смотрела на него ещё минуту, затем приподняла брови, когда сказала. — Собираетесь ли вы снова на меня кричать?

Он застенчиво покачал головой. Он чувствовал, что его отчитали, как маленького мальчика. Её лицо расслабилось и она ответила ему лёгким кивком. — Хорошо. Я встречала людей безумнее вас и я знаю, как о себе позаботиться. Я останусь.

Он смотрел на неё с недоверием. Она назвала его сумасшедшим.

— При одном условии, — сказала она, подняв подбородок и складывая руки.

Условие? Она ворвалась к нему, нарушив его уединение, и теперь ещё и ведёт переговоры об условиях её пребывания здесь?

Она кивнула, что привело в движение помпон.

Он резко кивнул, черт возьми, почему бы и нет? В любом случае, казалось, что у него

осталось очень мало контроля над ситуацией этим вечером.

— Не кричать в присутствии ребёнка, — сказала она через плечо, когда открыла заднюю дверь своего автомобиля. Её голова исчезла в машине, и он тупо уставился на неё. Может быть, он ослышался, но потом он услышал странный шум.

— Ребёнок? — ему, наконец-то, удалось выдавить через горло, которое, казалось, было заполнено дёгтем, когда она вынырнула из машины, держа детское кресло.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Ханна сделала самый лучший покерфейс, пока ветер хлестал прядями её волос вокруг головы, а Джексон смотрел на неё. Она знала, что её колени, только отчасти дрожат от холода. Джексон Пирс смотрел на неё таким взглядом, который любого может заставить удрасть. Она видела, как его взгляд переместился на сиденье автомобиля, где находилась Эмили. Видеть ребёнка, укутанного в розовое одеяло он не мог, потому что наброшенное сверху, оно защищало от холода.

— Я не кричу на детей, — проворчал он, засунув руки в карманы.

Она на мгновение закрыла глаза. Я сделала это. Ей дали второй шанс, и она завтра утром не собиралась уезжать отсюда без какого-либо обещания Джексона.

— У вас есть сумка или что-нибудь ещё?

— Только моя сумка, сумка с подгузниками, и две упаковки детского питания, — выкрикнула Ханна через плечо, стараясь смягчить голос.

— Вы можете секундочку поддержать это? — Ханна толкнула автокресло к его груди. Он с ворчанием схватил его. Чем раньше он познакомится с Эмили, тем лучше.

Ханна шарила в своей машине, чувствуя, что Джексон за ней наблюдает. Она достала старинную вышитую сумку цвета падуба, быстро запихивая в неё несколько выпавших книг. Она проигнорировала его преувеличенный вздох, закинув на плечо нагруженную подгузниками сумку. Затем подойдя к багажнику, вытащила упаковку с детским питанием.

— Вы, э-э, хотите, чтобы я взял что-то? — Ханна почти улыбнулась, увидев весь ужас, отразившийся на его лице. Глядя на все её сумки, и неловко держа автокресло.

— Я в порядке.

— Следуйте за мной и поторопитесь.

Ханна отсалютовала бы ему, если бы её руки не были заняты детскими вещами. Она ощутила крошечный всплеск удовлетворения, решив не говорить ему, что он мог бы держать кресло за ручку, что гораздо облегчило бы задачу. Он несколько раз оглянулся, без сомнения, убедившись, что она не упала в сугроб вниз головой. Когда они добрались до крыльца, он удерживал дверь и ждал, пока она пройдёт. Ханна, войдя в дом, быстро положила тяжёлые сумки, пока Джексон, преодолевая натиск сильного ветра, все же закрыл дверь, затем, не проронив ни слова, они, топая ногами по ковру цвета травы, стряхнули с обуви снег.

Её окутало тепло, принося успокоение, как будто она была в доме друга, но это все сводилось на нет вселявшим тревогу присутствием Джексона.

— Что я должен с этим делать?

— О, давай сюда, я возьму её, — сказала Ханна, медленно взяв у него автокресло с Эмили, и поставив его на пол. Она присела и сняла одеяло, а Джексон в это время наблюдал за ней. Она никогда не могла сдержать улыбку, появляющуюся на её лице всякий раз, когда видела Эмили. Ребёнок в розовой пушистой детской пижаме все ещё крепко спал.

Она вскочила, видя, что на неё, на полной скорости несётся огромная, лохматая собака. Эмили даже не дрогнула.

— Чарли, сидеть. Пёс со всей ответственностью выполнил команду и только его хвост, виляя из стороны в сторону, стучал по полу.

Ханна засмеялась, когда он проигнорировал Джексона и принялся беззастенчиво лизать протянутую ему руку, и прыгать вокруг.

— Кто это? — усмехнулась она, похлопывая пса по чистому, но очень безобразному меху.

— Чарли. Мой не очень дисциплинированный пёс. — Джексон снял пальто, напряжённость в нем чувствовалась ещё больше. Чарли был не той собакой, какую она представляла, глядя на её хозяина. Джексон больше принадлежал к типу мужчин, у которых ротвейлер. Она продолжала его изучать. Он был пугающим в *Я-так-уверен-в-себе-что-мне-не-нужно-быть-хорошим* плане, с жёсткой, плохо сдерживаемой враждебностью.

Черты его лица были резкими. Нос был идеальным за исключением горбинки, которая говорила о том, исходя из её опыта социального работника, что он был сломан один или как минимум два раза. Она могла понять, что кому-то все же понадобилось ему врезать. Он был в отличной физической форме. Широкие мускулистые плечи, широкая грудь обтянутая тёмно-синей рубашкой Хенли. Не совсем то телосложение, которое она рассчитывала увидеть у программиста. Он был уверенным и высокомерным мужчиной, который не сдаётся. Не тот тип мужчины, которого она представляла с младенцем. Но Луис, в своих требованиях выразилась предельно ясно и она, очевидно, верила в Джексона. Ханна должна была помнить об этом.

— Ладно, Чарли, оставь её в покое. Джексон подошёл ближе, чтобы отогнать Чарли подальше от неё.

— Он очень милый, — пробормотала она, пока Чарли лежал у её ног, по-прежнему глядя на её лицо так, словно хотел облизать его, как стаканчик мороженого.

Джексон лаконично кивнул, глядя на собаку, а не на неё. — У него очень спокойный нрав.

— Давно он у вас?

— Почти десять лет.

— Он, кажется, очень дружелюбным.

— Он был бродячим псом, дворняжкой. Увязался за мной и все никак не оставлял в покое.

Её сердце переполнилось чувствами. В её голове завертелись колёсики. Это было хорошо. Отлично. — В самом деле? Он был бродячим?

Джексон прищурился. *Ой*. Она, очевидно, сказала это слишком восторженно. И слабо улыбнувшись ему, сняла промокшие насквозь рукавицы. Она с уверенностью могла сказать, что он не знал, что и подумать о её реакции, и особо не горел желанием что-либо ещё рассказывать о Чарли. Все равно это была хорошая новость. Тот, кто из сострадания, взял брошенную собаку и приютил её, не может быть *полностью* злым. Ладно, значит Джексон был немного сдержанным и, очевидно, высокомерным, но, может быть, не вся надежда была потеряна. Если лохматый пёс смог растопить его сердце, то, маленькая очаровательная девочка, конечно, не была бы проблемой.

— Позвольте мне взять ваше пальто.

— Конечно, спасибо. Ханна расстегнула пальто и вложила в его протянутые руки, тщательно избегая любых контактов с ним. Она, пока стягивала промокшие сапоги, осмотрела комнату. Прекрасно осознавая, как сильно замёрзли у неё ноги, и теперь, когда

снег на её джинсах растаял, было ощущение, что они приклеены к её ногам.

Пока она осматривалась, Джексон пошёл к камину, чтобы раздуть огонь. Высокий остроконечный потолок с деревянными балками, визуально делал комнату гораздо больше, с огромным периферийным каменным камином по центру. Большой стол, из красного дерева, находился в окружении восьми шоколадно-коричневых кожаных кресел, размещённых в диалоговом порядке перед огнём. Ей было трудно представить его, принимающего у себя много друзей, или, если на то пошло, даже одного друга. Но для ребёнка тут было много места. Ханна посмотрела на Эмили и пообещала ей. *Я сделаю это, Эмили. Я собираюсь сделать так, чтобы твой дядя полюбил и удочерил тебя.*

Джексон немного резковато бросил в огонь журналы и приглушил кашель, когда ему в лицо ударило облако дыма. Он пытался быть спокойным и естественным, осознавая, что позволив этой женщине и ребёнку войти в свой дом, оказался в затруднительном положении. Как он оказался в этой неразберихе? Он мог с уверенностью сказать, что Ханна пыталась его понять, её взгляд был тревожным и она была рада, когда он рассказал ей о том, что Чарли был бродячим. Он посмотрел на неё в тот момент, когда она стянула красную шапку и из-под неё высыпалась копна волос карамельного цвета. Он не хотел замечать, какими мягкими и блестящими они выглядели. Сосредоточив своё внимание на камине, он краешком глаза наблюдал, как Ханна поправляла свою одежду.

Ханна определённо была красива, не из разряда накрашенных и капризных девиц. У неё были высокие скулы и полные, яркие губы. И, несмотря на то, что он не хотел замечать, её глаза были похожи на тёмные изумруды, большие и миндалевидные, с невероятно густыми чёрными ресницами. Ещё более удивляла не их бесспорная красота, а эмоции и тепло, которые они в себе скрывали. Взгляд совершенно не был отсутствующим или кокетливым, и это не был взгляд человека, который бы дружил с его сестрой. Он был серьёзным и внимательным, а не пустым, как у того, кто постоянно находится под кайфом. Нет, она была слишком собранной, чтобы быть подружкой Луис. Так, черт возьми, кто же она тогда?

Он заставил себя не смотреть ниже подбородка. *Проклятье.* Слишком поздно. Она была соблазнительной и стройной во всех нужных местах. Он чувствовал, что сдерживает волну абсолютно нежелательной страсти, охватившей его вдруг. Да что с ним происходит? Должно быть, это естественная реакция на женщину, которая не была тоньше прутика. Последняя женщина, с которой он спал, была такой тощей, что ему было очень интересно, она когда-нибудь за всю свою жизнь ела хоть раз пищу, содержащую углеводы. Но эта Ханна была недоступна. Он не встречался с женщинами, у которых есть дети или которые были связаны с его семьёй. И, несмотря на то, что на её руке не было обручального кольца, у неё, вероятно, был парень. Не то, чтобы это имело значение. Ни в коем случае, потому, что он не хотел иметь с ней ничего общего. Любой, кто был связан с его семьёй, считался врагом.

— Послушайте, мне на самом деле очень жаль, что я вот так вломилась.

Она сложила перед собой руки и слегка прикусила нижнюю губу. Почему её губы были так привлекательны? *Сконцентрируйся, приятель, сконцентрируйся.* Он пожал плечами, отводя взгляд от её рта. — Не беспокойтесь об этом.

— Я действительно не планировала попасть сюда так поздно — ...

— Как вы узнали, что я буду здесь? Никто не знает об этом месте, кроме моего делового партнёра и личного секретаря. — Он определённо увидел момент, когда её смущение переросло в дискомфорт.

Она пренебрежительно махнула рукой, хотя её голос звучал напряжённо. — О, нынче в Интернете вы можете найти все что угодно.

Джексон скрестил перед собой руки. Сейчас она не выглядела так уверенно. — Нет, не можете. Вы об этом коттедже ничего не можете найти онлайн.

Она отвела глаза. — Это была не её вина. Я, вероятно, была чуточку более драматичной. Может быть, все дело было во внезапной смене тона или том, как смягчилось выражение её лица и это заставило его занять оборонительную позицию.

Джексон чуть прищурился. — Чья вина?

— Я думаю, что её зовут Энн, — сказала она, кусая губы и глядя в сторону. Джексон пытался скрыть свой шок. За все годы, что Энн на него работала, она никогда не обнародовала о нем никаких личных данных.

— Что вы ей сказали? — Ему очень хотелось узнать, как, черт возьми, эта женщина смогла получить адрес его коттеджа.

— Я, возможно, сказала, что это вопрос жизни или смерти.

Он закатил глаза. Он был удивлён, что Энн попала на это. — Вы, кажется, используете это как всеобъемлющую фразу, не так ли?

— Ну, мне на самом деле нужно было вас найти. И она была весьма обеспокоена, когда я упомянула часть о смерти, — задирая подбородок, сказала она. Что-то в том, как она стояла, то, как она не прекращала смотреть на него, заставило его почувствовать себя не в своей тарелке.

Но, несмотря ни на что, он знал, что она здесь, чтобы сказать ему что-то, чего он не хотел знать. Не то, что бы это должно было иметь для него хоть какое-то значение. Она не могла сказать ему ничего из того, что могло бы заставить его изменить своё мнение о его семье.

Он повернулся к ней спиной, сосредоточив своё внимание на огне, который в нем не нуждался. Сначала он услышал, как она шаркает, а затем тихим неслышным шагом идёт по деревянному полу.

— Мне жаль, что я донимаю вас этим.

Он проигнорировал её попытку завести разговор. Повернувшись, он посмотрел на её пропитанные снегом штаны. — Хотите снять свои джинсы?

Её зелёные глаза стали комически большими. — Прошу прощения?

Из-за её выражения лица, он чуть не расхохотался. — Я имею в виду, вы промокли. Я могу принести вам одеяло или что-то в этом роде, и вы сможете высушить свои джинсы в сушилке.

— Э-э, нет, я буду стоять здесь в течение нескольких минут. Я уверена, что возле огня они быстро высохнут. Её лицо все ещё было красным, когда она ближе подошла к огню.

Почему это должно его волновать, если она хочет оставаться в мокрых джинсах всю ночь? — Почему бы мне не показать вам и эмм... — он указал на ребёнка своим подбородком, — ребёнку вашу комнату?

Она кивнула, но прикусила нижнюю губу. — Можно мне немного горячей воды?

— Горячей воды?

— Мне нужна небольшая ёмкость и немного воды, чтобы на плите подогреть её бутылочку. Я могу сделать это? — спросила она, видя его замешательство.

— Нет, все нормально. Я сейчас вернусь.

Ханна смотрела на спину Джексона, когда он выходил из комнаты. Сначала, она была уверена, что он был злобным людоедом, и что она совершила ошибку, пытаясь отыскать дядю малышки Эмили. Но как только он рассказал ей историю Чарли, она знала, что у него под всей этой броней, должно было быть доброе сердце. Инстинкты её никогда не подводили. Теперь, все, что она должна была сделать — это поднажать, чтобы разрушить эту броню. У неё не было и двадцати четырёх часов, чтобы это осуществить.

После того, как она узнала его новое имя, информацию о Джексоне найти было легко. Джексон основал свою собственную компанию программного обеспечения после окончания колледжа, и со своим партнёром в течение десяти лет превратили её в миллиардную. Его достижения были впечатляющими, особенно учитывая то, через что подростком ему довелось пройти. Они были немного схожи, но он не узнает об этом. Также она знала, что, несмотря на свой успех и все деньги, ему, как всем было известно, нравилась неприкосновенность его личной жизни. Так что, появившись здесь и заявив, что она кое-что знает о его прошлом, должно быть, мягко говоря, его обескуражило.

— Почему бы мне не показать вам гостевую комнату и найти для вас вещи, которые вы смогли бы надеть, пока кипит вода? — спросил он, возвращаясь в комнату. Его слова и тот факт, что она собралась остаться на ночь с ним, вызвало волну неуверенности прокатившуюся сквозь неё. Она была уверенной, независимой и успешной женщиной, так почему же он заставляет её чувствовать себя неуверенной, застенчивой пятнадцатилетней девочкой? Потому что он, совершенно не был похож на мужчин, к которым она привыкла. Не то, чтобы она много с кем встречалась, но когда это происходило, они не были столь пугающими. Её тянуло к мужчинам, которые были не такими высокими, с таким телосложением... такими...

Джексон прокашлялся, напоминая ей, что он её о чем-то спросил. *Верно. Одежда?* Он собирался предложить ей свою одежду? Или же у него остался запас от его бывших подружек?

Она заставила себя улыбнуться, прикладывая все свои усилия, чтобы казаться равнодушной, как всегда это делала. — Да, это было бы здорово.

Кивнув, он прошёл мимо неё, по коридору, примыкающему к кухне.

— Пойдём со мной, — сказал он, не дожидаясь её. Ханна быстро взглянула на Эмили, а затем последовала за ним. Там было три двери. Джексон, ничего не сказав, прошёл в первую, и она предположила, что та принадлежала ему. Ханна поборола желание заглянуть внутрь. То, как все здесь выглядело, она могла бы поспорить, что комната была безупречной. Он остановился у второй двери, и Ханна, прежде чем в неё вошла, резко остановилась.

— Это ванная. Он щёлкнул выключателем и Ханна заглянула внутрь. Это была просторная, квадратная уборная, и выглядела так, словно недавно была отремонтирована, так же, как остальная часть коттеджа. Мраморные в грубом деревенском стиле полы в сливочно-землистом тоне были отличным фоном для большой, отдельно стоящей глубокой ванны. Массивное, игристое стекло душевой кабины и душ с сильным напором, выглядели потрясающе, как в программе о дизайне ванн, которую она недавно смотрела по телевизору. Сероватая мраморная столешница, с двумя раковинами, возвышалась над шкафчиками из красного дерева.

Глаза Ханны остановились на бритве и зубной щётке Джексона на столешнице. Увидев его вещи она, как ни странно, почувствовала себя интимно и уединённо.

— Одобряете?

Ханна заставила себя улыбнуться. — Она прекрасна. На самом деле, я сожалею о том, что я вот так вторглась к вам.

Полуулыбка, играющая на его губах, слегка ослабла, а в его тёмных глазах читалось удивление. Ханна сделала шаг назад. Она не знала, как они, в конечном итоге, оказались так близко, достаточно близко, чтобы увидеть крошечные крапинки цвета коньяка в его глазах, и тёмную щетину на его лице. И запах свежий, с древесной ноткой в его лосьоне после бритья, который он использовал...

— И?

— Мы честно никогда не собирались оставаться здесь на ночь.

— Какая разница. — Он вошёл в ванную и открыл тёмный ящик, вытащил зубную щётку, которая была в упаковке и завёрнутый в прозрачный целлофан квадратный набор, наполненный женскими туалетными принадлежностями. Его, должно быть, навещает много гостей женского пола.

— Пользуйтесь всем, что вам понадобится, хотя у меня нет ничего, что может понадобиться ребёнку. Он выключил свет и, не дожидаясь её ответа, пошёл в соседнюю комнату, находящуюся напротив. Открыв дверь, он нащупал выключатель.

— Эта комната такая красивая. Там была кровать королевского размера в виде саней, сделанная из красного дерева с бархатным шоколадно-коричневым одеялом и такими же разбросанными подушками, это выглядело так великолепно и комфортно, что Ханна подавила желание подбежать и поудобнее устроиться на ней. Каменный камин на внешней стене, с двумя кожаными креслами перед ним, гармоничными боковыми столами и антикварным ковром.

— Спасибо, — сказал Джексон, пройдя мимо неё, и включая прикроватную лампу.

Ханна заправил волосы за одно ухо. — У вас хороший вкус.

Он улыбнулся высокомерной, скучающей улыбкой. — Для этого я нанял дизайнера по интерьеру.

Конечно, он это сделал, Ханна. Как будто бы он недели проводил, выбирая ткани для штор и пододеяльников. — О. Ну, что же. Она, или кто бы это ни был, проделал великолепную работу.

Ханна подошла к кровати и открыла свою сумку. Она почувствовала себя идиоткой из-за того, что потеряла бдительность, пытаясь вести с ним разговор. Почему он не мог быть стереотипным компьютерным задротом с бледной кожей, очками с толстыми стёклами, и тощим телосложением? Может быть, если она начнёт устраиваться, он поймёт намёк и в течение нескольких минут оставит её в покое, достаточно надолго, чтобы связаться с миссис Форд и дать ей знать, что она собиралась задержаться.

— Я принесу вам что-нибудь, во что можно переодеться для сна, — сказал он, выходя из комнаты.

Через минуту, Джексон был рядом с ней, держа сложенную тёмно-синюю футболку.

— Вот, она немного великовата, но для одной ночи сгодится.

Ханна, не глядя на него, взяла футболку и положила её на кровать. Это была его футболка. — Благодарю.

— Я буду на кухне, если вам понадобится горячая вода.

— Конечно, — пробормотала она. Это будет самая долгая ночь в её жизни. Она надеялась, что Эмили сегодня вечером будет хорошо спать. Она могла в любое время и в любом месте.

— Я оставлю вас, чтобы вы могли устроиться. Рядом с кроватью есть телефон, если вам он нужен. Я бы использовал его как можно скорее. Я не удивлюсь, если связь пропадёт. Связь по сотовому здесь порой обрывается в самое неподходящее время.

— Отлично. Я, э-э, спущусь через несколько минут.

Он вышел из комнаты, ничего не сказав.

Джексон облокотился на кухонную столешницу, глядя на спящего ребёнка в детском автокресле. Чего бы он только не отдал, чтобы вот так же хорошо спать ночью. Он передвинул её ближе к огню. Даже идиот знал, что нельзя держать ребёнка возле двери во время снежной бури. Он провёл рукой по волосам, испуская глубокий вздох. Его вечер проходил идеально, пока маленькая-мисс-с-острым-язычком не разрушила его ежегодную попытку рождественского побега.

Он взглянул на часы. Почему она так долго? Что делать, если ребёнок проснётся?

Он решил, что у неё было более чем достаточно времени, чтобы устроиться, направляясь по коридору в её комнату. К тому же, она оставалась здесь всего лишь на ночь, а не на месяц.

Перед тем, как войти в её комнату, он остановился, дверь была слегка приоткрыта, и был слышен её голос. Он бы постучал, но услышав своё имя, он подумал, что было бы разумно сначала послушать.

— Я нашла Джексона Пирса. Я нашла дядю маленькой Эмили. Спасибо, что позволили мне сделать это, миссис Форд. Я так благодарна... это выходные, так что никто из социальных служб не будет связываться с вами... да... спасибо. Я позвоню вам, когда буду знать больше... Берегите себя, миссис Форд.

Джексон смотрел на её спину, пытался понять, о чем она говорит, но мерзкое чувство, которое всегда появляется, когда кто-то что-то говорил о его семье, вновь поднялось внутри.

Джексон чувствовал, как страх струится по его венам. *Эмили? Дядя Эмили?* Как будто почувствовав его присутствие, Ханна обернулась. Её ярко-зелёные глаза были наполнены слезами. *Её дядя. Её дядя.* Эти тихо произнесённые слова эхом отдавались в его голове и отражались на прекрасном лице женщины, стоящей напротив него. Джексон не мог пошевелиться, его охватил озноб, когда до его сознания дошла истинная причина визита Ханны.

Малышка.

Эта малышка не принадлежит ей. Она принадлежит его сестре.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Джексон все слышал.

Выражение его лица заставило её на минуту забыть об Эмили. Все, что она могла чувствовать, было биение её сердца и едкий привкус слез, горящий в горле. Не таким способом он должен был об этом узнать. Она тщательно отрепетировала речь.

Их глаза встретились и он, казалось, в два шага пересёк комнату. Между ними не осталось никакого пространства, а комната неожиданно стала маленькой и душной. Началась паника.

— Я хочу точно знать, кто ты такая и что, черт возьми, ты здесь делаешь. Все. *Сейчас же.* Его голос был хриплым. Суровым. Гнев, который исходил от него, был вопиющим. Его челюсть сжалась плотно и глаза, в которых она не так давно видела теплоту, излучали

ненависть.

Ханна презирала поднимать в жесте свою руку. Ненавидела показывать, что она чего-либо или кого-либо боится. Ненавидела дать понять, кому бы то ни было, что она может быть слабой. Но, когда он, придвинулся к ней на шаг ближе, ожидая её ответа, она шагнула назад, потому что он, напомнил ей другого человека, другой мир, когда у неё не было никого, когда она была беспомощна. Но она больше не была той девушкой. Она была взрослой женщиной. Она противостояла своим демонам давным-давно. Она подняла подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. *Не показывай свой страх. Не показывай свой страх.*

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать, но мне нужно, чтобы ты отошёл от меня, и я хочу, чтобы ты успокоился, — прошептала она, подняв руку между ними.

Он медленно кивнул.

— Я спокоен. У меня все под контролем. У меня никогда ситуация не выходила из-под контроля. Я не буду прикасаться к тебе. Я не причиню тебе вреда. Прямо сейчас я адски зол, но я не хочу, чтобы ты хоть на секунду думала, что я физически для тебя опасен. Я никогда, никогда не поднимал руку на женщину.

Он был удивлён тем, как звучал его хриплый голос. Он наблюдал, как она пыталась выяснить, может ли она доверять тому, что он говорил. Она посмотрела ему в глаза, и он мог поклясться, что она в них увидела то, что ему удалось сохранить втайне даже от тех, кто был к нему ближе всех. Отступив на шаг, он засунул руки в карманы, заставляя себя выглядеть расслабленным.

Она наконец-то слегка улыбнулась, и это, зацепило его гораздо больше, чем должно было. Он едва её знал, но это выразительное красивое лицо, несомненно, заставило его внутренности сжаться. Это заставило его забыть на мгновение, почему он был на неё так зол. На секунду, чувство облегчения от того, что она не испытывает страх, затмило его ярость.

Она сложила руки перед собой и кивнула.

— Хорошо. Спасибо.

— Не благодари меня, ради бога. — Джексон грубо провёл руками по лицу, пытаясь взять под контроль ситуацию, которая разрывала его на куски. Ему нужно было выйти из комнаты, подальше от неё и всего, что она представляла. Ему нужно было собрать остатки своего хладнокровия. Он повернулся и вышел. Когда он достиг большой комнаты, подошёл Чарли, виляя своим потрёпанным хвостом, чтобы его поприветствовать. Джексон рассеяно похлопал его по макушке.

Он услышал её приближающиеся шаги.

— Джексон...

Её голос был взволнованным, едва слышным из-за ветра и ледяной крупки, что барабанила по окнам. Ему совсем не хотелось оборачиваться. Он старался не смотреть туда, только прямо перед собой, потому что остро осознавал, что ребёнок в комнате спит. Он не хотел признать, чем или кем она могла бы быть.

— Я работник службы защиты детей.

Голос Ханны, остановил его режим автоматического выключения эмоций. Ему, на протяжении некоторого времени не приходилось использовать этот механизм защиты, но это инстинктивно срабатывало всякий раз, когда в дело была вовлечена его семья.

— Хочешь выпить?

Прямо сейчас, он думал, что мог бы опрокинуть целую бутылку своего любимого виски.

Он взглянул на неё, когда она не ответила. Она покачала головой. Её лицо было бледным, но она не выглядела напуганной. Он прошёл мимо неё к шкафчику из красного дерева, где хранился виски и налил себе двойную порцию. Когда он обернулся, Ханна, сложив руки на коленях сидела перед камином. Его нелояльная собака удовлетворённо растянулась у неё в ногах. Вот тебе и лучший друг человека.

Джексон сел в мягкое кресло напротив неё. Он смотрел на огонь, держа холодный стакан в своей ладони, контраст по отношению к жару, который бушевал внутри него. Он сделал ещё глоток и потом заговорил.

— Значит, ты социальный работник.

Она кивнула, отводя взгляд от искрящегося пламени, чтобы встретиться с его. Он легко прочёл выражение её лица, и это заставило его напряжённые мышцы немного расслабиться. Его интуиция говорила ему, что Ханна не была лгуньей. К несчастью для неё, он был не в настроении, чтобы стесняться в выражениях.

— Я терпеть не могу социальных работников.

Он не был уверен, как она собиралась на это ответить. Через несколько секунд она нарушила молчание.

— Это значит, что тебя подвела система.

Она, очевидно, знала о его детстве. Да, его подвели. Бросили. Он не стал смотреть на неё.

— Каждый социальный работник, который когда-либо встречался на моем пути, для меня был совершенно бесполезен. Полон пустых обещаний и ложных надежд. Надежда это последнее, что вы даёте детям, к которым не имеете никакого отношения.

В первый раз, когда он рассказал кому-то о сумасшедшем человеке, который называл себя отцом, он на самом деле думал, что им могут помочь. Не для себя. Если бы это зависело от него, он бы ушёл, но его сестра отказалась покинуть свой дом. Так что он застрял рядом ней. Они жили в тёмном, жалком подобии дома, который отражал психическое состояние их отца. Это человек, который имел власть, и вселял ужас одним взглядом, чтобы над ними править, как диктатор, уничтожил его сестру. Но не его. Джексон закрылся эмоционально, а затем он вырос. Он стал выше и сильнее, и человек, который когда-то думал, что он был таким могущественным, когда отец и сын сталкивались друг с другом лицом к лицу, научился прятать кулаки в карманы.

Мягкий мелодичный голос Ханны, словно молния прорвался во мрак насилия его воспоминаний.

— Я знаю, что ты ничего обо мне не знаешь. Я выбрала ужасный способ, чтобы обратиться к тебе. Мне очень жаль, что это приносит тебе столько боли -

— Это не приносит мне боль.

Он ненавидел, что она читает его, ненавидел, что она была права.

— Ты должен поверить мне, что я пришла с самыми наилучшими намерениями. У меня не было выбора. Я рисковала всем, чтобы приехать сюда.

Её слова были произнесены быстро, и это звучало почти неистово, вероятно, потому, что она была напугана, что он её выгонит

Он сделал ещё один глоток виски и встретился с ней взглядом. Она была бесстрашной. Он проигнорировал блеск в её глазах, обеспокоенный тем, что он в них прочитал. Он не хотел чувствовать её сострадание. Из-за этого он сжал зубы, как будто бы мог таким образом

сделать себя невосприимчивым к этому, но обратно не было никакого пути. Она припёрлась сюда и отправила его обратно в прошлое, которое он так старался забыть. Сейчас он может с этим справиться, а затем, утром, отправит её и ребёнка собирать свои вещи. Он может справиться с одним крошечным социальным работником и ребёнком, а затем вернётся к своей распланированной жизни. У него была собака, и бизнес. Что ещё ему нужно?

Он, сидя в кресле, подался вперёд, упёршись локтями в колени, и плотнее обхватив пальцами прохладный, гладкий стакан.

— Почему бы тебе не сказать мне, почему ты здесь?

Ханна откашлялась.

— Твоя сестра, когда она была беременна, была одной из тех, кем я занималась. Она была наркоманкой, из тех, которые, для своего ребёнка пытаются очиститься.

Джексон почувствовал, как его желудок скрутило от отвращения, в то время как воспоминания о сестре, одуревшей от наркотиков, падающей в его объятия, снова вернули его в прошлое. Он ненавидел слабость Луизы. Он терпеть не мог, что она не достаточно ему доверяла, чтобы защитить её. Он терпеть не мог, что Луиза выбрала лёгкий путь. Она оставила его и реальность их жизни, и сделала выбор в пользу дурманящих препаратов. Она продала свою душу, своё тело, для дешёвого и временного решения проблем. Звук голоса Ханны протянул руку и привёл его обратно.

— Мы нашли для неё приют, и она очень хорошо справлялась. Она родила красивую, здоровую маленькую девочку, которую назвала Эмили.

Джексон смотрел прямо перед собой, избегая её анализирующего взгляда. *Не смотри на ребёнка.* Она назвала ребёнка в честь их матери, которая умерла, когда они были детьми. Когда они ещё были друзьями. Пока они носились по лесу, граничащему с их домом, играя в Бэтмена и Робин, до тех пор, пока мать, всегда с улыбкой, не позовёт их на обед, всегда приготовленный ею. Это все было, очень давно. Такой другой мир, что иногда он задавался вопросом, а было ли это на самом деле.

Он смотрел на колени, видя улыбку своей матери, такую же, как и у его сестры. Это был образ, о котором он редко позволял себе думать потому что, если и есть что-то, что может поставить его на колени, это была мысль о его матери, его сестре, о той, которая у него когда-то была. По его мнению, это была слабость, и он ненавидел слабость в себе и других.

— Я слышал, что Луис умерла. Я не знал, что у неё был ребёнок.

— Ты не пришёл на похороны.

— Я не думаю, что на самом деле в этом был смысл.

— Она покончила с собой.

Он кивнул, не обращая внимания на скручивающиеся внутренности.

— Я знаю.

— Это было шоком для всех нас. Я нашла ребёнка на пороге церкви. Её ребёнок. Эмили. Ей был всего один месяц. Твоя сестра оставила записку, с просьбой найти дядю ребёнка, Кристофера Джеймса.

Ему не нужно было смотреть на неё, он и так знал, что у неё в глазах стоят слёзы.

Кристофер Джеймс. *Крис*, как его мать и сестра называли его. Он взболтнул виски в стакане, наблюдая, как пламя от огня танцует в янтарной жидкости. Он не знал, какое его количество смогло бы облегчить эту боль. Он понял, что ничто не может прекратить выворачивающую наизнанку боль или болезненные воспоминания. Луис не усвоила этот урок.

Эмили. Его сестра родила ребёнка. *Этого ребёнка.* Может быть, ей было лучше без её брата. Он не понаслышке знал, что кровь ничего не значит, когда человек злоупотребляет наркотиками. Он пришёл к этому трудным путём. Джексон посмотрел на Ханну.

— А как насчёт отца ребёнка?

Её зелёные глаза, которые не вращались, были полны боли. Часть его ненавидела это — ненавидела, что сострадание и боль были настолько подлинными. И маленькая, крошечная часть его, которая не хотела, признать это, чувствовала себя утешенной ею.

Ханна покачала головой.

— Она не знала, кто отец. Ты — единственный родственник Эмили. Ты зарегистрирован как её ближайший родственник.

Ему нужно было прекратить это, прежде чем в её голове возникнут сумасшедшие идеи.

— Так чего ты от меня хочешь? Подписать какие-то документы? -

— Я хочу, чтобы ты её удочерил.

Джексон почувствовал, как кто-то одним сильным рывком вырвал его изнутри. Это было смешно. Абсурд. Одно дело — сообщить ему о том, что у него была племянница, и совсем другое — ожидать, что он её примет.

— Ты шутишь?

Он подавил брань, которой, как он думал, не хватало в этом заявлении, чтобы попытаться вести себя культурно.

Она медленно покачала головой.

Он лишился дара речи. Она на самом деле хотела, чтобы он оставил ребёнка своей сестры. Сестра, которая отвернулась от него, предала все, что он когда-либо для неё делал, и пыталась его погубить. Он с отвращением отвернулся от Ханны. Ханна была ответственна за то, что свалила все это на него. Он не просил этого дерьма. Он должен был позволить ей уехать. *Удочерить малышку.* Сама идея того, чтобы удочерить малышку была настолько безумна для него, что он даже не пытался её осмыслить.

— Джексон?

В тихом голосе, который пытался вернуть его к разговору, он услышал озабоченность. Он точно знал, что она сейчас делает. Она хотела, чтобы он говорил, чтобы открылся. Ещё чего. Его мышцы напряглись ещё сильнее. Он уставился в огонь.

— Ты ничего обо мне не знаешь. Я руковожу компанией. Я работаю по двенадцать часов в день и живу в пентхаусе в центре Торонто. Я ничего не знаю о младенцах. *Я не хочу ребёнка.*

Это её не смутило. Она сложила руки на коленях и смотрела на него спокойно.

— Она твоя плоть и кровь, Джексон. Это было последнее желание твоей сестры.

— Моя сестра была наркоманкой. Я предлагал ей помощь сотни раз и она отказалась. Если бы она хотела сделать лучше для своего ребёнка, то она приняла бы предлагаемую помощь и протрезвела. Кровные узы для меня ничего не значат.

Она указала своим подбородком на выпивку.

— Я передумала. Могу ли я выпить стакан того, что ты пьёшь, пожалуйста?

Её просьбой он был удивлён. Он кивнул, проходя через комнату. Через мгновение она взяла стакан виски и, когда он сел, сделала глоток. Он не хотел быть впечатлённым, когда она все проглотила, и даже не закашлялась.

— Я знаю, что вы с сестрой не были в хороших отношениях, но Эмили просто ребёнок, — подавшись вперёд, сказала она.

Он пожал плечами и скрипнул зубами. Это была не его проблема, независимо от того, насколько сильно она пыталась заставить его думать, что это было не так.

Она нахмурилась, когда он не ответил.

— Она будет отдана в приёмную семью, если её не удочерить.

Он старался не чувствовать ничего, особенно уродливых эмоций, которые поглощали его в течение многих лет. Горечь, гнев... нет, он хотел продолжать ничего не чувствовать.

Ханна скрестила ноги перед собой и нервно наблюдала, как Джексон переваривал эту последнюю часть информации. Она пыталась не паниковать. Это совершенно не походило на то, что она до него достучалась. Единственное, что указывало на то, что он обдумывает сказанное ею, было напряжённое тело. Если она его полностью разозлила, то провалила свой шанс, получить на это его согласие. Но если сейчас она остановится, поднять этот вопрос вновь, он ей не позволит, и завтра она уедет.

— Система приёмного попечения — место для детей, которые не имеют никакой семьи, способной о них заботиться. Твоя сестра думала, что могла доверить свою дочь тебе.

Ханна отдала бы все что угодно за то, чтобы её удочерил давно потерянный родственник, который бы объявился, чтобы её спасти, чтобы она знала, что была с кем-то связана.

Она задержала дыхание. Он посмотрел на дно пустого стакана, а затем на неё снизу вверх.

— Ну, я уверен, что есть много замечательных людей, которые там хотят ребёнка.

— Есть, но также нет никаких гарантий. И в то же время она будет находиться в приёмных семьях. Ты не знаешь, где она окажется —

— Это не моя проблема. Если моя сестра хотела, чтобы у меня было что-то общее с этим ребёнком, она бы связалась со мной, когда та родилась.

— Она сказала, что в прошлом много раз пыталась это сделать, но ты отказался её видеть. После того, как Эмили родилась, я думаю, что с ней что-то случилось. Она снова стала ранимой. Я не думаю, что она смогла бы справиться с твоим отказом.

Ханна не могла отфильтровать обвинение в своём голосе. Она несла свою собственную вину, с которой нужно было справляться, из-за того, что не заметила каких-либо признаков того, что Луис, также как и её брат потерпела неудачу. Ханна знала, что она была слишком эмоционально близка в этом деле, но её прошлое столкнулось с малышкой Эмили, и она отчаянно хотела почтить желание Луис.

Он сердито посмотрел на неё.

— А она сказала тебе, что после того, как я несколько лет её защищал, она от меня отказалась? То, что я искал её и пытался помочь ей? Что она и её друзья наркоманы, ворвались в мой дом и разгромили его, похитив все ценное, что у меня было? То, что я чуть не потерял все, когда я начинал, потому что я ей доверял?

О, уж это Луис ей рассказала. Когда Луис была трезвой, она доверилась Ханне во многом. И всякий раз, когда она говорила о своём старшем брате, её голос был наполнен такой болью. Она перестала искать его после той ночи взлома. Она рассказала ей об их детстве, до и после того, как их мать умерла.

Ханна смотрела на красивые, сильные черты лица Джексона и пыталась представить себе весёлого, энергичного мальчика, которого описывала Луис. Она пыталась увидеть подростка, который всегда вмешивался, чтобы защитить сестру от своего отца. Тот, кто принимал побои, чтобы избавить от этого свою младшую сестру. И она могла видеть его, она

увидела мальчика, который стал сильнее, выше и, наконец, был в состоянии осилить своего отца. Она могла видеть все это — Джексон был сильным и верным. Если он, в своё время, счёл необходимым защищать свою сестру, несомненно, он сделает это и для её невинного ребёнка.

Ханна поставила пустой стакан на столик.

— У твоей сестры было много сожалений. То, что стало с вашими отношениями в конечном итоге, было её самым большим сожалением. Она была унижена. Луис сказала, что как только она получит контроль над своей жизнью, она собирается попытаться восстановить с тобой связь. Она была опустошена тем, как она к тебе относилась. Ты был её защитником.

Её голос затих, когда она смотрела, как на его челюсти играли желваки. Она с уверенностью могла сказать, что он боролся со своим контролем. Джексон, наконец, нарушил молчание, его голос резко нарушил тишину.

— Немного поздно для сожалений, не так ли?

— Ты не можешь изменить прошлое. Твоя сестра умерла, но у тебя есть племянница, которая нуждается в тебе. Эмили не сделала ничего плохого. Она не виновата в том, что её мать покончила с собой.

Ханна смотрела, как его губы скривились в улыбке, которая должна была казаться насмешливой, но боль на его лице была выгравирована так отчётливо, что Ханна сама её почти почувствовала.

— Нет, и я чертовски уверен, что и не моя. Ей будет лучше с кем-то, кто хочет ребёнка.

Ханна сжала потные ладони у себя на коленях.

— Это так не сработает. Никто волшебным образом не может попасть к лучшим родителями в мире. Она нуждается в тебе. Ты её дядя. Ей нужен кто-то связанный с её прошлым. Ей нужен кто-то, кому доверяла её мать. Кто может быть лучше?

Джексон запрокинул голову назад, а она изучала сильную линию его подбородка и шеи. Он зажмурил глаза.

— Мне не нужен её ребёнок.

— Прекрати думать о себе.

Он резко мотнул головой, чтобы встретиться с ней взглядом. В его глазах она могла прочесть удивление и гнев.

Ханна сконцентрировалась на звуках потрескивающего камина и мягкого храпа Чарли. Напряжённость, исходящая от Джексона была заразной. Воздух казался горячим и раздражающим.

— Ты думаешь, что холостяк, который никогда даже не держал ребёнка в руках, является хорошим выбором для роли отца — человек, который бросил свою семью и изменил своё имя, чтобы забыть о них? Я отвернулся от своей сестры. Я отказался видеть её, я отказался разговаривать с ней.

Он выпил остаток виски, резко опрокинув стакан. Ханна почувствовала боль его сожаления, даже если он в этом не признался. Оно было воплощено в каждой напряжённой мышце его тела, в чертах его лица. Он выразил сожаление по поводу того, что случилось с Луис, и это дало Ханне надежду, что шанс все ещё есть. Она хотела ему рассказать все о своём прошлом, о другой причине, по которой она стремилась, чтобы он принял Эмили. Но она не могла сказать об этом и остаться неподвинутой в сложившейся ситуации. Она уже прыгнула выше своей головы.

— Ты её дядя.

— Прекрати это говорить.

Ханна посмотрела ему в глаза, а затем кивнула.

— Луис совершала ошибки, Джексон. Её ребёнок не должен страдать из-за них.

— Какого черта ты так сильно заботишься об этом?

Она стиснула руки, чтобы не задрожать.

— Я не хочу, чтобы она попала в систему, — прошептала Ханна, почти давясь словами.

Она на мгновение зажмурилась, пытаясь заблокировать образ, как этого ребёнка передают какой-то приёмной семье, не зная, что случилось бы с ней потом. Она нарушила главное правило: она очень сблизилась с Луис и Эмили. Она не сможет защищать Эмили, как только та выйдет из-под опеки миссис Форд. У неё не будет неограниченного доступа к ней, как сейчас. Она затаила дыхание, в ожидании, что он что-то скажет. Было очевидно, что бы она ни сказала, слышать этого, он не хотел.

— Ты будешь жалеть об этом, — тихо сказала она, заставляя себя подойти к нему в то время, как её ноги были словно желе. Она смотрела, как из-за её слов он стиснул челюсти. Она почувствовала на своём лице жар от огня, пламя сжигающее груды поленьев, так же сгорала и надежда, что Джексон на это согласится.

Но она должна была сказать ему.

— Это решение будет преследовать тебя. Оно не сотрёт твоё прошлое, и это определённо не заберёт твою боль. Эмили уже не будет, но этот гнев, обида, что ты чувствуешь по отношению к своей сестре, не уйдут. Они изо дня в день будут разъедать тебя, но ты уже не будешь прежним. Ты будешь продолжать жить дальше, а затем ты будешь время от времени останавливаться и задаваться вопросом, что же случилось с той маленькой малышкой. Тебе будет интересно, приглядывает ли за ней кто-то так, как ты это делал для Луис. Тебе будет интересно, не подвела ли её система так же, как и тебя.

— Хватит!

Он зарычал в огонь, что больше походило, на звук раненого зверя, а не человека. Ханна не двигалась, не дышала. В конце концов, он повернулся, чтобы посмотреть на неё, его карие глаза были тёмными и пустыми.

— Ты ни черта обо мне не знаешь, Ханна. Я не знаю о чем, черт возьми, ты думала, если решила, что имеешь право найти меня и приехать сюда, и это была твоя первая ошибка. Ты ни черта не знаешь о моей жизни, так что не применяй свои идеалы ко мне. Завтра, когда дорога расчистится, уезжай домой.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Ханна пыталась не допустить, чтобы её улыбка померкла, пока Эмили погружалась в мир грёз. Она решила, что последней вещью, которую видит Эмили, прежде чем уснёт, должна быть улыбка.

Эмили глубоко вздохнула, сделала небольшое посасывающее движение своими розовыми губками и наконец, крепко уснула. Ей нужно было позвонить Эллисон. Она знала, что её лучшая подруга и коллега по социальной работе будет вне себя от беспокойства. Через несколько секунд голос её подруги раздался на другом конце линии.

— Элли? Это я, — прошептала Ханна в телефон.

— О, мой Бог! Я звонила тебе последние четыре часа!

— Я знаю, я знаю, здесь плохая связь, прости, что...

— Почему плохая связь? Ты живёшь совсем недалеко от офиса.

Ханна откашлялась, готовясь к натиску, который ей придётся вытерпеть от своей подруги.

— Ну, прямо сейчас, я не совсем в Кроссинг Хоуп.

— Боже мой, ты же не...

— Я сделала это. Я здесь.

— Ханна, я думала, что отговорила тебя от этой безумной идеи. Тебе может быть предъявлено обвинение в похищении.

— Миссис Форд дала согласие на то, чтобы я привезла Эмили сюда.

— Хорошо, но как насчёт Джин? Она порубит тебя на кусочки и вышвырнет твою задницу из отдела.

Джин, их босс, всегда играла по правилам. Она терпеть не могла, что Ханна рисковала и возмущалась, что Эллисон не боялась использовать свои контакты и друзей, чтобы помочь ребёнку. Эллисон выручала Ханну не один раз, так что Джин разбиралась с ними обеими.

— Нет, если я уговорю дядю Эмили удочерить её. У меня не было выбора, Элли. Ты знаешь это. Я облажалась с Луис. Меньшее, что я могу сделать, это убедиться, что Эм находится со своим дядей, — сидя на большой кровати сказала Ханна.

— То, что случилось с Луис, было не твоей виной. Я знаю, что вы с ней были близки, и я знаю вашу историю, но сейчас ты все поставила на карту. Луис не будет винить тебя, если ты отступишь.

— Этого не произойдёт, — глядя на Эмили сказала Ханна. Она для ребёнка, рядом с собой, сделала импровизированную кровать, тщательно продумав, чтобы та не была слишком мягкой, и чтобы Эмили не могла упасть.

— Я когда-нибудь говорила тебе, что ты самый упрямый человек, которого мне когда-либо доводилось встречать? Со своей стороны, я сделаю все, что понадобится, чтобы сдержать эту охоту на ведьм. Итак, ты познакомилась с братом Луис? И я предполагаю, что он встретил Эмили?

Ханна завозилась с подолом длинной футболки, которую Джексон ей одолжил.

— Технически да, мы все встретились.

— Что ты имеешь ввиду, технически встретились?

Ханна посмотрела через плечо, и понизила голос.

— Ну...

— Что он сказал? Он это сделает?

Нет. И это раздавило её, потому, время от времени, проводя вечер вместе с ним, она мельком видела человека, которым, как она думала, он может быть. Но все, что выходило из его уст, противоречило этому. Может быть, она была мечтательницей, безнадёжным романтиком, который хотел верить, что красивый миллиардер затворник, бросил бы все, чтобы спасти свою невинную племянницу. Но Джексон совершенно не был таким. Поправка. Он *был* красивым, гораздо больше, чем он этого заслуживает, учитывая его отношение. И он *был* миллиардером, создавшим сам себя, что делало все только хуже, потому что это означало, что у него было стремление, талант и мозги.

— Эй, что же он сказал? Он собирается удочерить её?

В голове всплыл образ Джексона Пирса, говорящего ей убираться к черту из его собственности.

— Он ещё не совсем согласился, — сказала Ханна, желая, чтобы её телефон потерял

приём.

— Он сказал *нет*?

— Я уверена, это из-за шока. Слушай, я позвоню тебе, когда буду возвращаться назад. Здесь зверская погода, так что я застряла на ночь. Но он отличный... — Ханна старалась не подавиться своей ложью. — ... Отличный хозяин и все будет в порядке. Ах, боже мой, я думаю, что Эм просыпается. Я поговорю с тобой позже, Элли. Ты самая лучшая.

— Ханна, — простонала её подруга. Она могла только представить её голубые глаза, наполненные беспокойством.

— Пока, — прошептала Ханна, не давая Эллисон возможности задать больше вопросов. Ханна чертовски сильно надеялась, что произойдёт какое-то чудо между сегодняшним днём и завтрашним утром.

Свежим, ранним утром, за которым, несомненно, последует пурга, возможно, он испытает своего рода осознание... Станный шум прервал завывающий звук ветра снаружи. Она посмотрела на Эмили. Это была не она. Что это было?

Она, прислушиваясь привстала.

Просто ветер.

Потом она услышала это снова. Звук доносился из коридора. Её сердце учащённо забилось, и она спустила ноги с кровати. Босыми ногами она прошла через всю комнату, и, остановившись у двери, снова прислушалась.

Ничего.

Медленно открыв дверь, она и выглянула в коридор. Было очень темно, освещение давал только маленький ночник, который она оставила включённым в своей комнате, в комнате Джексона свет не горел. Она включила свет в коридоре и на цыпочках подошла ближе к большой комнате... а потом она услышала это бормотание, почти стон. Она повернулась и пошла к комнате Джексона. Это определённо был он.

Пока она размышляла что ей делать, у неё вспотели ладони. Не то, чтобы они были друзьями. На самом деле, его последними словами, сказанными в её адрес, были, убираться завтра к чертям из его дома. Она не могла просто вторгнуться в его комнату. Но опять же, если он был болен, не было ли это её долгом, как человека, помочь ему? Она всё-таки *была* социальным работником. Разве это не её работа помогать людям? Она прикусила нижнюю губу, взявшись за дверную ручку. *Ладно, Ханна, если ты в течение минуты ничего не услышишь — уходи и направляйся в свою спальню. Если услышишь его снова, тебе придётся войти.*

Конечно же, через несколько секунд она снова его услышала. Она сделала глубокий вдох, и медленно открыла дверь, половицы зашуршали, когда она переступала через порог. Она задержала дыхание и не двигалась. В комнате было темно, поэтому, чтобы пропустить достаточно света из коридора и видеть, куда она шла, она полностью открыла дверь. Джексон был в постели. Тёмное одеяло было сброшено, он лежал на спине, его голова была повернута в другую от неё сторону.

Единственное, что она чётко могла различить, что Джексон спал только в боксёрах. И каждый дюйм его тела был твёрдым и мускулистым. Эта сила, которая была настолько очевидна, даже когда он спал, заставила её слегка нервничать. После проведённого вместе времени, и его слов, что он в гневе никогда не поднимал руку на женщину, она поверила ему. В этом отношении, она ему доверяла.

Она наблюдала за ним несколько секунд. И действительно должна была перестать

плялиться на него. Честно говоря, он был не первым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела. Ладно, ну, может быть, самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела. *Приди в себя, Ханна.* Это вторжение в его пространство, и сейчас он прекрасно выглядит.

Она на цыпочках начала выходить из комнаты, морщась во время каждого скрипа пола, который звучал громче, чем буря снаружи. Уже практически у открытой двери, её настиг наполнивший комнату гортанный крик, вызвавший мурашки на её спине. Она резко повернула голову, чтобы посмотреть на Джексона. Он все ещё спал. Его глаза были закрыты. В его чертах, она видела боль, а на лбу проступивший пот. Ему снился какой-то кошмар.

Она должна была разбудить его, но это значило, что ей нужно к нему приблизиться. Что делать, если он набросится на неё, не понимая, что он делает во сне? Или когда он проснётся, он может быть ужасно рассержен тем, что она вторглась в его спальню. Она не могла стоять здесь и ничего не делать.

Лихорадочно осмотрев комнату, она остановила свой взгляд на стопке книг, на столике у кровати. Может быть, она могла бы его разбудить, толкнув книгой. Книга в твёрдой обложке. По крайней мере, она будет находиться на расстоянии и ей не придётся касаться его голой кожи. Отлично.

Когда она увидела, как он сжал простынь, а его предплечье и рука напряглись, она наконец-то начала действовать. Быстро схватив из стопки верхнюю книгу, она подошла ближе. Прикусив нижнюю губу, она несколько раз ткнула книгой его в плечо. Затем быстро отступила назад, почти споткнувшись о собственные ноги.

Ничего. Он до сих пор не просыпался.

Она, с книгой в руке снова медленно двинулась вперёд и, затаив дыхание толкнула ею в плечо. Вдруг рука, словно сталь, крепко схватила её запястье и дёрнула, перевернув на спину и прижав к кровати. Сильные, мускулистые ноги Джексона оседлали её, зафиксировали её руки рядом с головой. Глядя ему в глаза, она поняла, что он ещё не совсем проснулся. Она оставалась совершенно неподвижной, её сердце до боли колотилось в груди, ожидая момента, когда он осознает, что делает.

— Джексон.

Его сбитые с толку глаза вернулись к реальности. Он громко выругался, опустил голову, и, оттолкнувшись от неё, перекатился на спину рядом с ней.

Ханна неподвижно лежала рядом с ним. Она пыталась отдышаться, но пока ещё не могла двигаться. Её тело было, как дрожащая масса желе.

— Прости, я не знал, что я делаю. Я не знал, что это ты, — сказал Джексон мгновение спустя, его голос был грубоватым и слегка хриплым. — Ты в порядке?

Ханна изо всех сил пыталась восстановить самообладание. Она взглянула на него, его неподвижность безошибочно угадывалась в тусклом освещении.

— Я должна тебя спросить об этом.

Он грубо провёл руками по лицу.

— Мне иногда, эм, снятся ночные кошмары.

— Я слышала тебя из своей комнаты, я думала, что ты болен иначе я никогда бы сюда не вошла, — сказала она нерешительно, не зная, злился ли он на неё.

— Боже, я не хотел тебя пугать.

Он зажмурил глаза, прежде чем повернуться и посмотреть на неё. Ханна почувствовала, что её сердце неожиданно подпрыгнуло из-за мягкости в его голосе. Он совсем не злился.

Он не был тем же человеком, который кричал на неё перед камином, чтобы она уезжала домой. Посмотрев ему в глаза, она увидела, какими мягкими и тёплыми, они могли быть. Она заметила форму его губ. Они были чувственными, идеальной формы. Он лёг на бок так, чтобы полностью повернуться к ней лицом. Она все ещё лежала спине, и не могла повернуться также... это было слишком... интимно.

Когда она подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, то увидела, что он все ещё на неё смотрит. Она вспомнила, что он спросил, напугал ли он её.

— Нет. Я не боюсь тебя, — она, наконец, ответила, её голос даже для неё звучал странно. — К тому же, — сказала она, заставляя себя казаться легкомысленной, — Я посещала достаточно уроков самообороны. И могла бы сбросить тебя на пол одной ногой, если бы это потребовалось.

Звук глубокого смеха Джексона наполнил комнату и заставил её невольно улыбнуться в темноте. У него был богатый и глубокий смех. Она не хотела замечать и это.

— Я обязательно учту это, — сказал он, в его голосе все ещё чувствовалась улыбка.

Они шептались в темноте. Интимность ситуации не осталась незамеченной для неё. Его тело было так близко, что она могла чувствовать тепло, исходящее от него. Чувствовался запах мыла в сочетании с его собственным мужским ароматом, и она обнаружила, что таким образом отвечает ему, и это было вовсе не платоническим. И это не было хорошей идеей. Она нахмурилась и посмотрела вниз на свою одежду. У них было слишком мало одежды на двоих, едва знающих друг друга. Ей нужно было срочно обратиться с кровати.

— Ты уверена, что я не сделал тебе больно?

Она судорожно кивнула, когда увидела, как он протянул руки, чтобы мягко взять её за запястья. Он осмотрел их. Она ничего *не могла* сказать, потому что потеряла голос. Его руки были тёплыми, большими и приятное, тепло плаваясь начало просачиваться сквозь неё, пока он её удерживал. Его большой палец задел мягкую, бархатистую тыльную сторону её запястья и невинное прикосновение ощущалось каким угодно, только не невинным. Она быстро высвободила запястья из его рук, опасаясь их контакта, но вовсе не была готова к ощущению потери, когда больше не почувствовала его прикосновение.

Нехорошо. И она все никак не могла принять во внимание тот факт, что он был первым мужчиной, прикосновений которого, как она обнаружила, она желала... уже достаточно давно.

— Ты не сделал мне больно.

Почему её голос звучит с таким придыханием? Она не могла отвести глаз от его пристального взгляда. Воздух был тёплым и как кокон, захватил их в ложное чувство фамиллярности. Ей нужно выйти из комнаты подальше от манящего полуголого Джексона. Потому что прямо сейчас, больше всего на свете, она хотела протянуть руку, и коснуться его голой кожи. Её тянуло к нему, а этого не должно происходить. Как только она вернётся в безопасность своей комнаты, она собирается перечислить каждую презренную черту этого мужчины, а затем сделает список сравнения его личности с Эбенезером Скруджем. Это должно подавить какое-либо неуместное страстное желание, которое у неё было.

— Все равно мне жаль.

Он оперся на локти, внимательно за ней наблюдая. Она могла разглядеть светлые оттенки коньяка в его глазах, мягкость и тепло все ещё были там. Она ничего не сказала. Не могла. Она должна сосредоточиться на списке.

— Все нормально.

— Спасибо.

— За что?

Почему она спросила это? Почему она не двигается? *Слезь с чёртовой кровати, Ханна.*

— Что разбудила меня.

Его взгляд метнулся к её губам, и она почувствовала, как тепло расцветает глубоко внутри неё. Затем его взгляд блуждал до её глаз и путешествовал вдоль её тела. Внезапно она почувствовала, что на ней практически ничего не надето. Она резко потянула футболку, чтобы чуть больше закрыть свои голые ноги. А потом он снова улыбнулся, своего рода сексуальным, довольным оскалом. Таким, который сказал ей, что он точно знал, почему ей было так некомфортно и что ему это нравилось.

Ей нужно было отсюда выбраться. Опять же, её тело, не реагировало на импульсы, лихорадочно посылаемые её мозгом, поэтому она не двигалась.

— Ханна?

— Да?

— Почему, на самом деле ты сюда пришла?

Она повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Сюда? В твою комнату?

Он покачал головой.

— В коттедж.

Она нахмурилась.

— Я говорила тебе, я хочу, чтобы ты удочерил ребёнка своей сестры.

Он кивнул и мягко пожал плечами. Она отказывалась поддаваться очарованию его мышц, выставленных напоказ, и лишь одно маленькое движение заставляло их перекачиваться на верхней части его тела. *Сконцентрируйся.*

— Я знаю, ты говорила это, но ты не можешь это делать в каждом случае. Ты ехала через пургу. Ты разыскала парня, который изменил своё имя, ради чего ты, чтобы сделать это, должно быть, использовала множество связей. Это выходит за рамки преданности работе, ты так не считаешь?

Она смотрела в потолок, стараясь не показывать какие-либо эмоции. Она не могла точно объяснить то, в чем она сама с трудом разобралась.

— Я чувствую ответственность, понимаешь? Я знала твою сестру. Я никогда не думала, что она, — Она на мгновение остановилась. — Покончит с собой, а потом, когда я нашла Эмили на пороге церкви, я, — Она пыталась скрыть эмоции застрявшие горле, но не смогла это контролировать. — Я знала, что я должна поступить так, как будет лучше для неё. В ту ночь я принесла её домой и не выпускала из рук до утра. Она такая крошечная, совершенная, невинная маленькая девочка. Она заслуживает лучшего, а не быть отброшенной и оставленной с незнакомыми людьми. Ей нужен кто-то, кто её защитит и подарит ей замечательное, счастливое детство.

Она перестала говорить, иначе не смогла бы больше сдерживать свою боль, или остальную часть правды. Лежа вот так в постели, она осознала, как много в жизни ей не хватало. В темноте ночи, в теплом убежище, укрывавшем от шторма, загадочный мужчина рядом с ней, заставил её жаждать более чем кого-то, с кем можно поговорить в глухую ночь и разделить постель.

— Мне нужно идти спать.

Он схватил её за руку. Она не хотела поворачиваться и смотреть на него. Она сделала

вдох, чтобы успокоиться и собрала все своё самообладание, которое она усовершенствовала давным-давно.

— Ты застала меня врасплох, — медленно сказал он. Она не знала, имел ли он ввиду новость об Эмили. Когда она подняла глаза, чтобы встретиться с его, они были полны желания, которое она не хотела признавать. Быстро встав и все ещё удерживая край футболки, она шла к открытой двери так быстро, как только могла, а половицы скрипели так же громко, как и грохот её сердца. Ей нужно сразу же заняться этим списком.

— Ханна, — крикнул он, и в его голосе присутствовали нотки изумления.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, стараясь выглядеть спокойной, невозмутимой, и собранной. Не смотри ниже его подбородка. *Не смотри на пресс и мышцы, выставленные напоказ, Ханна.*

— Да?

Она поморщилась от пронзительного звука своего голоса. Её голос звучал как у трусихи, которую она стала напоминать.

— Ты *ткнула* в меня книгой?

ПЯТАЯ ГЛАВА

Буря не закончилась.

Дороги не расчистились.

Сегодня, Ханна и малышка не собирались ехать домой.

Джексон наклонился вперёд, упёршись руками о мраморную столешницу на кухне. Было настолько темно и ветрено, что это едва было похоже на утро. Даже если бы он и хотел, чтобы она собралась домой сегодня, это было невозможно. Погода совершенно не собиралась улучшаться.

После того, как прошлой ночью Ханна покинула его комнату, он почувствовал отчётливое, и очень неожиданное, ощущение потери. Он больше не злился. Он знал, как это, для кого-то вроде неё, войти в его комнату, особенно учитывая, как закончился их вечер, когда он сказал ей убираться домой. Он увидел страх и почувствовал дрожь в её теле, когда она была под ним. И ощущение её в его руках, привело к совершенно другому набору проблем. Его влечение к ней было неоспоримым, и оно было гораздо больше, чем просто физическое, что было совершенно новым для него. Он восхищался, какой бесстрашной она была, какие бы проблемы у неё ни были с мужчинами. Она, сквозь метель, ехала сюда столько часов, чтобы столкнуться лицом к лицу с незнакомцем. Черт, это требовало мужества.

Он собирался сделать себе кофе, когда услышал мягкие шаги, приближающиеся к кухне. Он обернулся на звук её нерешительного «привет», и его внутренности сжались. Боже, как же она была красива. Её волосы спадали ей на плечи и он вспомнил, какими мягкими они чувствовались прошлой ночью, касаясь его голой груди. То, как изгибы её тела тесно прижимались к нему, он не забудет в течение ещё длительного времени.

— Доброе утро, — сказал он. Улыбнулся и увидел, как напряжение покинуло её лицо. Кто знал, что она думает о нем? То, что он отправил бы её домой в метель или накричал на неё?

— Я сделал свежий кофе. Хочешь чашечку?

— Пожалуйста, — сказала она и сделала ещё несколько шагов.

— Садись, — сказал он. И, указывая на кухонный стол, вручил ей одну из гончарных кружек, которую выбрал его дизайнер. Она сидела напротив него, подогнув одну ногу под

себя. Добавила молоко в свою чашку, а затем посмотрела на него снизу вверх. У неё были великолепные глаза, большие и чёткие. И тёплые. Тот вид глаз, которые заставляли подумать, что ты можешь рассказать все что угодно этой женщине и, что она поймёт и не осудит. Он мысленно встряхнулся. Он должен быть милым, и все.

— Я сожалею о прошлой ночи. И очевидно, что я не жду, что ты уедешь сегодня.

Она сделала глоток кофе, обхватив руками негабаритную чашку. У неё были тонкие руки. Её ногти были не длинными, но красиво оформленными. У неё не было французского маникюра или ужасно кричащего цвета... секундочку, когда, черт побери, он даже смотрел на руки женщины... кроме того, чтобы увидеть было ли у неё на пальце обручальное кольцо? Она смотрела в свою чашку. И ничего не сказала, и он понял, что очень хочет услышать её ответ. Будучи встревоженным таким образом, он понял, что заботился о её чувствах. Дерьмо. Сначала ногти, теперь чувства.

— Я немного волновалась о том, как мы в такую погоду доберёмся обратно домой, — сказала она с искоркой в глазах, её губы сложились в очаровательно заманчивую улыбку. Ему нужно было выпить, но для этого было ещё слишком рано.

— Слушай, давай заключим перемирие, ладно? Я думаю, что я уже ясно дал понять, что твой план на самом деле не... устраивает меня. Если мы снова будем говорить об этом, мы, в конечном итоге, поссоримся. Ты должна понять, что я не имею никакого намерения когда-нибудь соглашаться с этим.

Тепло в её глазах исчезло, и вместо него полыхнул огонь. Черт, она, вероятно, была столь же упряма, как и он. Её полные губы были плотно сжаты, и он был уверен, что она сдерживала длинную череду проклятий. Очень жаль. Он встал и принялся рыться в шкафах, понимая, что она, в ярости наблюдает за ним.

— Что бы ты хотела на завтрак?

Он пытался казаться беспечным.

— Как насчёт ножа? Ты можешь воткнуть его прямо мне в сердце.

Он не знал, хотелось ли ему засмеяться или простонать от недовольства. Он собирался проигнорировать приманку.

Ты давно не ела. Хлопья подойдут? У меня так же есть кексы.

— Не голодна.

Он повернулся, чтобы посмотреть на неё. Одна её нога была переброшена через другую, и она барабанила пальцами по столу. Он вздохнул.

Нет смысла голодать, потому что ты злишься на меня.

Она вскинула брови.

— Прекрасно. Я разогрею кексы. Лимонные с клюквой, — сказал он, пока она как партизан, продолжала молчать.

Ты печёшь?

Он покачал головой, безумно радуясь тому, что она снова разговаривает с ним.

— Этим занимается моя домработница. Она замораживает и приносит сюда для меня кучу еды, когда я приезжаю сюда.

Значит, содержать дом в порядке тебе помогают? — Спросила она, невинно, аккуратно сложив руки на коленях. Он уже знал её как облупленную.

Я занятой человек. Я работаю допоздна. Очень допоздна. Не до часов *семейного* мужчины, — сказал он, подчёркивая каждое слово, чтобы дать понять, что он точно знал, к чему она клонит. Микроволновка запищала, и он поставил кексы перед ней. Он сел и стал

ждать, когда она возьмёт кекс прежде, чем сделать это самому.

Ах, значит, в таком случае, у тебя есть все.

Он лаконично кивнул.

У тебя есть деньги, пентхаус, компания, коттедж, — сказала она, кладя кусочек кекса в рот.

— Да.

Я имею в виду, что ещё может быть в жизни, кроме денег, активов, и работы?

Она положила ещё один кусочек кекса в рот, и он потерял аппетит. Кто она такая, чтобы судить его?

Звук крика младенца помешал ему остроумно ответить. Ханна вскочила, вытащила бутылку из холодильника, и бросила её в небольшой горшок уже наполненный водой на плите. Малышка. Эта малышка была его племянницей. Ответственность его сестры. Не его.

Он встал так быстро, что его стул почти опрокинулся.

— Ты не возражаешь, если я пойду, займусь кое-какой работой?

Он мог сказать, что она была удивлена его внезапной заминкой. Она покачала головой и снова облизала губы. Да, ему срочно нужно было отсюда свалить. Он налил себе чашку кофе и вышел из кухни.

...

Ханна рассмеялась, когда посадила Эмили в раковину в ванной комнате. Малышке нравились её ванны, и она восторженно ахнула, когда её тельца коснулась тёплая вода. Ханна бережно держала её голову одной рукой и потирала кожу Эмили мыльной мочалкой. Эмили пинала её ногами и громко булькала. Она взвизгнула, когда Эмили обрызгала её водой.

— Здесь все в порядке?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда Джексон вошёл, Ханна повернула голову, и не могла понять выражения его лица. Он посмотрел на Эмили, и на секунду она подумала, что он собирается улыбнуться, но вместо этого, она увидела, как его челюсти сжались. Она старалась не показать своего разочарования. И вовсе не ожидала, что он, глядя на ребёнка, растает, но, хотя бы, намёк на улыбку...

У нас все в порядке, — сказала она, смывая мыло со скользкой кожи Эмили. — Каждый раз, когда я купаю Эмили, я намокаю.

Она завозилась, собираясь вытащить Эмили из воды, в уже расстеленное полотенце, и делала вид, как будто не замечает пристального взгляда Джексона. Его молчание приводило её в замешательство. Её больше устраивали его саркастические комментарии, чем молчание. Заметив, что ночной комбинезон, который был приготовлен, выглядывал из-под полотенца, была почти уверена, что Джексон не заметил, как она уронила его в раковину.

— О черт!

— Что такое?

Она избегала смотреть ему в глаза и теперь сосредоточилась на намокшем комбинезоне, держа при этом закутанную в полотенце Эмили.

— Её комбинезон промок! Держи, — сказала она и вложила Эмили ему в руки. ¡Я скорс вернусь. Я возьму новый. — Она не потрудилась подождать его ответа и выбежала из ванной, её сердце колотилось, как будто она только что совершила тяжкое преступление. Я ужасная лгунья, думала она, пока искала единственной сухой комбинезон, который у неё

был. Прежде чем вернуться обратно в ванную, она подождала несколько минут. Растает ли сердце Джексона после того, как он подержит свою маленькую племянницу?

Он, в своих руках неловко держал Эмили. Улыбался ли он ей? Задыхался ли он от волнения?

Джексон поднял голову, как только она подошла к нему и на секунду она могла поклясться, что видела что-то тёплое в его выражении. Но потом он передал Эмили ей, и ничего не сказав, вышел из комнаты.

Ханна смотрела в большие голубые глаза Эмили. Вот тебе и план.

Джексон говорил себе, что все дети были симпатичными. Эмили не была особенным ребёнком. Взрослые были биологически запрограммированы реагировать на младенцев. Это было то, как человеческая раса размножается. Его желание держать малышку было естественным. И связь, которую он чувствовал, когда смотрел в эти большие, любопытные глаза была совершенно смешной. Вот так. Причуда его воображения. Ему нужно было приступить к работе и считать часы до того, как Ханна и его... малышка уедут.

Он уселся за стол в большой комнате и открыл свой ноутбук и портфель. Он приезжал сюда каждый год не для того, чтобы избегать работы, потому что он любил свою работу, и он любил компанию, которую построил со своим лучшим другом. Нет, он приезжал сюда, чтобы избежать сезона, год за годом наполненного плохими воспоминаниями. Здесь на него не оказывалось никакого давления, из-за чего ему приходилось бы вести себя так, как будто Рождество означало нечто большее, чем любой другой день в календаре. До тех пор, конечно, пока Ханна не ворвалась в его мир.

Он сделал вид, что сильно сконцентрирован на своём компьютере, когда часом позже, услышал, как Ханна вошла в комнату. На её плече висел гигантский мешок с книгами, который готов был лопнуть, а в руке свежая кружка кофе. Не обращая внимания на запах лаванды, пока проходила мимо него, чтобы сесть на противоположном конце стола.

— Я надеюсь, ты не возражаешь, если я посижу здесь. Я уложила Эмили спать, и хотела бы попытаться и разобраться с кое-какой работой, — сказала она, поставив свою сумку на стол.

— Совсем нет, — сказал он и снова посмотрел на экран своего компьютера.

— Она очень быстро выпила свою бутылочку, — сказала она со смехом. — После купания, она всегда голодная.

Он вежливо ей кивнул. Он не собирался участвовать в дискуссии о младенцах. Он сосредоточился на таблице на экране своего компьютера, радуясь тому, что наконец-то она поняла намёк, что он больше не хочет говорить.

Через десять минут он пытался игнорировать напевание песни, исходящее с другого конца стола. Звучало что-то похоже на звенящие колокольчики, чуть немного не попадавшее в ноты. Он взглянул с преувеличенным вздохом. Она не поняла намёк, так как начала постукивать ногой в такт своим напевам. Она подчеркнула, что-то из книги.

— Над чем ты работаешь?

Она оторвалась от книги, очевидно, поражённая.

— О, я учусь.

Он нахмурился.

— Для чего?

Она снова склонила голову.

Чтобы получить свою степень доктора философии.

— Степень доктора философии?

Она кивнула.

— В социальной работе?

— Нет. Психология.

Она сделала глоток кофе и затем склонилась назад к своей книге. Он смотрел на её макушку, а она тем временем возобновила свои рождественские напевы. Он старался не быть настолько впечатлённым ею, но, черт побери, чем больше он узнавал эту женщину, тем больше он был заинтригован ею и его к ней влекло. Это было чертовски неудобно.

— Почему ты получаешь степень в области психологии?

— Ну, в следующем году, когда я накоплю достаточно денег, я хотела бы получить свою степень, а затем, в конечном счёте, я хотела бы стать детским психологом.

Он не сказал ни слова, пока смотрел на великолепную женщину, которая находилась на другом конце стола. *Беги, Джексон, беги далеко.* Она была красива, мила, и умна. Это была адская комбинация. Женщины, с которыми он встречался, и близко не были столь же опасными, как Ханна.

— У тебя есть рождественские компакт-диски?

Ханна посмотрела на него через стол, казалось бы, не обращая внимания на его мысли.

— *Рождественские?*

Её увлечение всеми рождественскими штучками и на толику не было привлекательным.

Он закатил глаза на её театральное вдохновение и на то, как она опустила руку себе на грудь.

Он снова отказался взглянуть на её грудь, зная точно, куда приведут эти мысли.

Даже ни одного?

Он самодовольно улыбнулся.

— Неа.

— Я должна была догадаться, — сказала она в свою кружку, прежде чем сделать глоток.

— В самом деле? Что меня выдало?

Он слишком сильно наслаждался разговорами с ней. Впервые за очень, очень долгое время, ему нравилось наслаждаться чьей-то компанией и не заниматься работой. За последние десять лет, он жил и дышал своей компанией. По ночам он ложился спать, иногда с женщиной рядом с собой, иногда в одиночку, но всегда с работой в голове. Когда он не работал, он думал о работе. Он ненавидел праздники, потому что это означало, что работа не будет сделана. Работа была его спасением. Работа была всем. Но сейчас он мог позволить себе короткую передышку с красивой, интригующей женщиной, не так ли?

— Прошлой ночью я поняла, что тот, кто не имеет ни одного рождественского украшения, должно быть несчастный человек, типа Эбенезера Скруджа, — сказала она, ткнув своим фломастером в его направлении.

С его губ сорвался сдавленный смешок.

— Только потому, что у меня нет украшений, ты пришла к выводу, что я несчастен как Скрудж?

Она подняла брови и скрестила руки на груди.

— Затем твоё последующее поведение подтвердило мою гипотезу.

— *Снова это.* Я уже объяснил своё поведение.

— Что бы ты ни говорил, ничего не может оправдать такое поведение, Джексон. Но не волнуйся, я понимаю, что в мире есть люди, которые не затронуты духом Рождества -

— Ты получаешь комиссионные от Санта-Клауса?

На лице Джексона появилась улыбка, когда она нахмурилась.

— Так получилось, что это мой любимый праздник, вот и все.

— Ханна, Рождество, такое, каким оно существует в Северной Америке, является коммерчески управляемым праздником. Нам говорят, что мы должны потратить сотни или тысячи долларов на близких, чтобы показать, что заботимся о них. Люди получают хорошую выручку на тысячах потребительских кредитов, и оправдают это, рассказывая, что они должны это делать в честь Рождества. Посмотри на себя, ты приравниваешь Рождество к чему-то, для чего тебе нужно купить что-то вроде компакт-диска, чтобы почувствовать дух Рождества.

Он понял, что его своевольный тон не оценили, когда её хмурый взгляд превратился в сердитый. Она не ответила, когда посмотрела на свою книгу. Он был удивлён, что почувствовал разочарование, когда она больше не вступала с ним в дискуссию. Он сделал вид, что сосредоточился на таблицах, которые не интересовали его вообще.

Голос Ханны прервал молчание спустя несколько секунд и он проигнорировал всплеск счастья, который ощутил.

— Не возражаешь, если я взгляну на твоё стерео?

Он поднял брови.

— Пожалуйста.

Она встала и подошла к развлекательному центру. Он позволил своим глазам пробежаться по её очень заманчивой фигуре в очень подходящих джинсах, что она носила. Если бы она немного сбавила обороты в отношении разговоров о празднике и его семье, они могли бы не ссорясь, дожидаться завтрашнего дня.

Через мгновение весёлый голос Бинга Кросби пронёсся по комнате, и звуки *Белого Рождества* заполнили коттедж. Ханна сидела напротив него. Её зелёные глаза искрились, а улыбка была заразительна.

— Рождественская радиостанция, — сказала она самодовольно, поднимая свой BlackBerry.

Он запрокинул голову и рассмеялся.

Она надела маленькие очки в черепаховой оправе. Ему они казались необыкновенно привлекательными.

— Я попробовала уже несколько раз и никак не могу поймать сигнал, — сказала она, прокручивая его в руке.

— Да, мой тоже пропал.

Она посмотрела на него снизу вверх, беспокойство отразилось на её лице.

— А стационарный телефон работает?

Он покачал головой.

— Когда я проснулся, уже не работал.

Она прикусила нижнюю губу, но кивнула.

— Мне, возможно, придётся достать дрова из сарая на случай, если некоторое время не будет электричества.

— Такое часто случается?

— Здесь, это довольно типичная ситуация, но электричество обычно появляется в течение дня или около того. У меня заготовлено более чем достаточно дров на случай, если такое произойдёт.

Он хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности, и совсем не хотел задумываться, почему это вдруг стало так важно.

Он был вознаграждён облегчённой улыбкой, которую она ему подарила, прежде чем склониться над своей книгой. Он не хотел, чтобы разговор заканчивался.

— Так что же заставило тебя заниматься социальной работой?

Она не ответила ему сразу же, как будто бы она тщательно подбирала слова, прежде чем поднять взгляд.

— Я знала, что хочу заниматься чем-то, что поможет детям, в основном потому, что дети не могут помочь себе. Мы живём в безумном мире, и у них должен быть кто-то, кто защитит их и убедится, что они находятся в безопасности.

Джексон с трудом сглотнул, когда она через стол, посмотрела ему прямо в глаза.

— Должно быть, это тяжёлая работа.

— Если я могу что-то изменить в лучшую сторону в чьей-то жизни, то это того стоит.

— Так почему же ты хочешь уйти?

Она глубоко вздохнула.

— Я выбрала эту карьеру из-за детей. Я не рассчитывала на бюрократию, постоянную бумажную волокиту, которая всегда не даёт мне делать то, что, я думаю, должно быть сделано.

— Таким образом, я предполагаю, что отслеживание меня, изменившего своё имя и твой приезд сюда и попытки заставить меня удочерить мою племянницу — это не совсем то, как это делают в бюро службы защиты детей?

Он совершенно не хотел, чтобы это прозвучало как своеобразная подколка, но это явно присутствовало в его голосе, и он был не единственным, кто это услышал. Румянец, который он находил привлекательным, залил её лицо, хотя он знал, что он появился из-за того, что она была оскорблена.

— Я сделаю что угодно, чтобы помочь детям, *особенно* ребёнку. К тому же, я делаю то, что должна — мать ребёнка просила найти тебя.

Он знал, когда нужно отступить от разгневанной женщины, и прямо сейчас Ханна выглядела, как будто была готова прыгнуть через стол и ударить его. И ещё знал, что она не оценила бы его комментарий, как мило она выглядит, когда сердится. Он восхищался её страстью и не мог не задаться вопросом, перетекала ли она в спальню. *Ладно...* кажется, ему придётся сражаться с этой мыслью в течение всего дня.

Он поднял руки в знак капитуляции. Она откинулась на спинку стула, в такой позе она не выглядела столь суровой.

— Мне нечего терять, некого, кроме детей, которые от меня зависят, так что меня не волнует, какие мосты мне нужно сжечь, чтобы сделать свою работу.

В этом заявлении, которое было произнесено, как ни в чем не бывало, было, нечто такое, что его раздражало. Это прозвучало так, словно у неё была только работа, и что у неё никого не было. Как бы он ни возмущался из-за того, почему она была здесь, он не мог отрицать тот факт, что она его впечатлила. Женщина как она, не должна быть одна. У неё должно быть больше, чем просто дети, которым она помогает с помощью своей работы, больше, чем её карьера.

Она снова зарылась в свою книгу, и через несколько минут, в течение которых он таращился на погасший экран компьютера, его осенило. Они были очень похожи. У него не было никого, о ком бы он заботился, и его работа, его компания были для него всем. Он

никому бы не позволил встать между ним и его работой, в том числе и ребёнку. Он стиснул зубы, потому что это начинало выглядеть неправильно, эта линия мышления. Он сердито посмотрел на свой компьютер. Перед тем как она разрушила его попытку на рождественский побег, его мир был простым. Чёрное и белое. Теперь через все это просачивался чёртов цвет. И Ханна. Он не хотел, чтобы она нравилась ему. Он не хотел быть заинтригованным ею.

Ханна раскрыла молнию сумки, прекрасно понимая, что Джексон бродит по комнате. Ей все равно не удастся заняться учёбой. Так что она искала свою любимую книгу, чтобы устроиться с ней перед камином. Она подняла голову, когда услышала грубый вздох.

— Что это?

— Ты о чем?

Она посмотрела вниз, чтобы увидеть, что одна из её книг выпала из её сумки и теперь находится в больших загорелых руках Джексона.

Она схватила её. Или пыталась вырвать её.

— Отпусти.

Он отодвинулся на шаг назад, забрав книгу с собой. Она почувствовала, как её щеки вспыхнули, как факел. Он перевернул её и начал читать аннотацию на обратной стороне. Это была её любимая книга, которую она любила читать во время праздников, но это было настолько личным для неё, как и её прошлое. Книги помогли ей пройти через многие годы одиночества. Они хранили её мечты в её душе и научили любви, которая всегда казалась вне её досягаемости. И до этого момента она была рада, что она находилась с ней. С тех пор как она научилась читать, она никогда не была без книги, особенно в ночное время, когда все разочарования преследовали её разум, пока она пыталась заснуть. Она ютилась под изношенным одеялом, в комнате, в которой она действительно никогда не чувствовала себя в безопасности, и позволяла себе уноситься в те места, где мечты становились реальностью. Слова в её книгах заглушали бесконечные голоса, в каком бы доме она ни жила. Её простенький красный чемодан был наполнен любимыми книгами, каждая из которых обещала ей побег от реальной жизни, и она приносила его с собой в каждый дом.

Наличие книги в руках Джексона, беспокоило её. Это было слишком личным. Она снова потянула книгу. Она думала, что увидела, как уголок его рта дёрнулся с намёком на улыбку. И поэтому уперев руки себе в бедра, использовала свой суровый тон.

— Верни мне книгу.

Он поднял голову.

— Романтика, да? Никогда бы не посчитал тебя читательницей романтики.

Она прищурилась.

— Так вышло, что это — одна из моих самых любимых книг, так что с твоего позволения. — Она выхватила книгу из его рук. — Я хотела бы, чтобы ты вернул её в мою сумку.

Он поднял руки и по-мальчишески улыбнулся, с выражением, которое полностью расходилось с тем гневным, сдержанным человеком, к которому она привыкла.

— Не нужно стесняться этого.

Она нахмурилась. То, как он это сказал, дало ей ясно понять, что он думал, что она должна быть очень, очень смущена.

— Тебе, вероятно, следует прочитать эту книгу и взять несколько советов о том, как

вести себя с женщиной.

Она не могла поверить, что сказала это вслух.

Он запрокинул голову и рассмеялся.

Она боролась, с возникшим из ниоткуда желанием улыбнуться. Но это было трудно, потому что его смех, был глубоким, немного хриловатым и очень сексуальным. Он преобразил его.

Он перестал смеяться, но улыбка осталась на губах, его идеальные белые зубы блестели. — Правда? Значит, ты думаешь, что мне не хватает навыков, необходимых для того, чтобы привлечь женщину?

Она скрестила руки перед собой.

— Ну, ты *захлопнул* дверь перед моим лицом.

Он перестал улыбаться.

— Я не *захлопнул*. Я закрыл её.

— Дважды. Ты *захлопнул* её дважды, — сказала она, подняв и пошевелив двумя пальцами.

Он сердито посмотрел на неё и засунул кулаки в карманы.

— А потом ты заорал мне в лицо и использовал свой рост и... э-э... *габариты*, чтобы запугать меня.

— Я не пытался запугать тебя.

— И отправил меня в метель.

Он потёр затылок, а затем посмотрел на потолок. Она могла поклясться, что он, молча, досчитал до десяти.

— Я вернулся за тобой.

— А потом позволил мне упасть, потому что должен был отобрать скребок для лобового стекла.

Он прищурился, сжал и разжал челюсти.

— Я не пытался отобрать скребок, я пытался убедить тебя войти внутрь.

— И рассыпал все моё рождественское печенье.

— Я помог тебе его собрать. Я понятия не имел, что там было печенье.

— Как бы там ни было, Джексон, ты определённо не знаешь, как относиться к леди.

Она схватила сумку, и бросила книгу обратно. Она почувствовала силу и энергию, которая исходила от него, и которую было невозможно игнорировать.

— Ханна, если бы ты не была связана с моей семьёй, у тебя не было бы никаких сомнений в том, знаю ли я, как относиться к леди.

Она знала, что её шея и лицо покраснели. Очевидно, что Джексон был мужчиной, у которого не возникало проблем с тем, чтобы привлечь женщину, но, сказанное им, прозвучало восхитительно, по-декадентски.

— Хорошая реплика.

Она продолжала дёргать молнию своей сумки, пытаясь её закрыть.

Она проигнорировала его и то, что прозвучало как приглушённый смех. Ей нужно было повернуть этот визит в нужное русло. Ей нужно было, чтобы он находился с Эмили, чтобы заставить его медленно растаять чувствами к своей очаровательной племяннице. Так или иначе, в ближайшие двадцать четыре часа, ей нужно было сломать, казалось бы, непробиваемые стены... *колокола* Джексона Пирса. Она услышала колокола. Ханна посмотрела на Джексона, который все ещё смотрел на неё.

— Ты это слышал?

Он покачал головой.

— Слышал что?

— Колокола! — Завизжала Ханна, когда они снова зазвенели.

— *Колокола?*

Она кивнула и побежала мимо него к окну. Ханна резко вдохнула, когда сани, запряжённые двумя лошадьми, подъехали к передней части дома. И кучер, ну...

— Джексон? — Прошептала она с недоверием глядя через плечо.? Я думаю, что здесь мистер и миссис Клаус.

— Ты думаешь, что я поверю, что Санта и его жена бродят по моему двору перед входом? — Спросил он, присоединившись к ней у окна.

— Они не *бродят*.

— О, Боже, — прошептал он, его лицо побледнело, когда он посмотрел сквозь стекло. В конце концов, она пробилась через него! Ханна побежала к двери, но он опередил её и заблокировал вход. Скрещённые на груди руки и очень хмурый взгляд на его красивом лице совсем не поколебали её решимость.

Ханна стукнула ногой.

— Я впущу их.

— Нет, не впустишь.

— *Нет*, впущу, — сказала она, пытаясь оттолкнуть его в сторону. Вся эта гора мышц не сдвинулась ни на дюйм. Он просто испустил раздражённый вздох. Она отступила назад и посмотрела на него.

— Ты не можешь отказать им войти!

— Это не Санта, — простонал Джексон, потирая виски.

— Ну, кто это?

— Это мои сумасшедшие соседи, что живут ниже по улице, — сказал он, его голос был напряжённым, а звон становился все громче.

— Дом со всеми украшениями? — Спросила Ханна, думая о маленьком домике, мимо которого она проезжала прошлой ночью. Он был освещён и украшен с такой заботой, что Ханна на секунду притормозила, чтобы полюбоваться огнями.

Джексон кивнул, его лицо было мрачным.

— Он самый.

Они оба подпрыгнули от громкого стука.

Ханна улыбнулась ему.

Джексон закрыл глаза и пробормотал что-то себе под нос, поворачиваясь, чтобы открыть дверь. Порыв арктического ветра и шум неистовых колоколов поприветствовали их.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Ханна налила Сэмпсонам вторую чашку кофе, с восторгом слушая их рассказ о времени, когда они в метель спасли белку. Джексон, развалившись на диване рядом с ней, скрестил ноги в лодыжках и выглядел так, будто ему невероятно скучно. Он поймал её взгляд и поднял палец к виску, изображая, что нажимает на воображаемый курок большим пальцем. На что Ханна неодобрительно нахмурилась. Как ему могла не нравиться эта пара?

— О, Ханна, ты просто прелесть, моя дорогая. Мы были взаперти в течение нескольких дней, не с кем было даже поговорить! Мы всегда беспокоимся о Джексоне, когда он приезжает в этот коттедж, — сказала миссис Сэмпсон, ворча на Джексона. — Это совсем не

хорошо, быть одному в праздники. А знаешь ли ты, — сказала миссис Сэмпсон, наклонившись вперёд и понизив голос до лихорадочного шёпота, — Что это одно из самых сложных времён года для многих людей?

— Я даже не могу себе представить, почему, — сказал Джексон, глубоким голосом растягивая слова. Ханна пыталась не расплескать содержимое своей кружки.

Пожилая женщина кивнула, совершенно не обращая внимания на сарказм Джексона, её вьющиеся белые волосы своеобразно подпрыгивали при каждом движении.

— Одиночество, милый. И именно поэтому мы зашли, чтобы навестить тебя. Мы столько раз приезжали сюда, искали тебя, и на расстоянии казалось, что мы видим свет, но потом, когда мы подходили ближе, в доме всегда было темно. Какая жалость, что мы никогда не застаём тебя!

Ханна ахнула и нахмурилась глядя на Джексона, который слегка пожал плечами. Как он мог на самом деле делать вид, что его нет дома?

— Действительно жаль, миссис Сэмпсон. Я предлагаю вам в следующий раз стучать сильнее. Джексон немного глуховат, как я заметила. Иногда я думаю, что он слышал, что я сказала, но на самом деле он, не услышал ни слова! — сказала Ханна, игнорируя громкий кашель Джексона.

— Я могу заверить вас, что с моим слухом все в порядке, — сказал Джексон, уголки его губ слегка дёрнулись.

— Ну, вот и хорошо. Похоже, эта маленькая леди беспокоится за тебя, — сказал мистер Сэмпсон подмигнув. — Я могу сказать, что у неё золотое сердце, как и у моей Харриет. — Ханна посмотрела в свою кружку. Она подняла голову, чтобы прояснить их отношения, но Джексон заговорил первым.

— У неё действительно золотое сердце, Гарри. Она даже испекла кучу рождественского печенья и проехала через пургу, чтобы увидеться со мной.

Ханна слышала улыбку в его голосе, когда он продолжал разыгрывать этот спектакль. Она проигнорировала тепло, которое распространилось по всему телу от его слов, зная, что он говорил это не всерьёз.

Мягкий крик Эмили прервал её ответ.

— Это ребёнок? — выдохнула миссис Сэмпсон, садясь прямо.

— Нет, — огрызнулся Джексон.

— Боже мой, Джексон. Тебе действительно нужно проверить свой слух, это определённо ребёнок! — Сказала миссис Сэмпсон, поднимаясь, пока Эмили продолжала кричать. Миссис Сэмпсон выглядела так, словно она собиралась взорваться, если крики ребёнка не будут услышаны. Ханна пыталась сдержать улыбку, пока пересекала большую комнату.

— Я прослежу, чтобы он проверился у специалиста, миссис Сэмпсон. И я сейчас вернусь, я хочу, чтобы вы познакомились с кем-то очень важным, — сказала она, произнеся про себя благодарственную молитву. Это было именно то, что ей нужно. Ханна неслась через коридор к своей комнате.

Она вернулась через мгновение и обнаружила миссис Сэмпсон ожидающей в конце коридора, и заламывающей руки.

— Миссис Сэмпсон, я хотела бы познакомить вас с Эмили.

Миссис Сэмпсон бросилась к ней.

— О, она прелестна, просто прелестна! Я могу её поддержать, Ханна? — спросила

женщина с такой радостью в глазах. — Смотри Гарри, она такая маленькая. — Миссис Сэмпсон медленно вошла в большую комнату и села рядом с мужем, словно она держала самую хрупкую драгоценность в мире.

— Она настоящая милашка, — сказал мистер Сэмпсон, касаясь маленького пучка волос Эмили. — Маленький ангел, — прошептал он.

— Да, ангел, — сказала миссис Сэмпсон, кивая.

Ханна украдкой посмотрела на Джексона. Его спокойная, весёлая манера поведения исчезла, и она видела напряжение в его теле. Теперь он стоял перед камином, держа в руке кочергу, вороша парочку журналов.

— Мы не имели ни малейшего представления о том, что у вас двоих есть ребёнок, — прошептала миссис Сэмпсон, в то время как Эмили смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Ну, — сказала Ханна, сложив руки вместе, — она на самом деле не наша.

— Это ребёнок моей сестры, — сказал Джексон, неестественным хриплым голосом. — Моя сестра умерла, и это её ребёнок.

Ханна пыталась скрыть свой шок, что он вообще что-либо скажет Сэмпсонам по поводу Луизы или Эмили. Он пытался. Он пытался быть честным, и её сердце наполнилось сочувствием, когда она посмотрела на складки вокруг его рта.

— О, Джексон, нам так жаль, — сказал мистер Сэмпсон, поднимаясь и похлопывая Джексона по руке. Выражение Джексона смягчилось, когда щуплый пожилой человек выразил такое сострадание.

— Спасибо, — сказал Джексон с лаконичным кивком.

— А как насчёт её отца? — спросила миссис Сэмпсон, её голос был напряжённым из-за непролитых слез.

— Нет отца, — сказал Джексон с хмурым взглядом.

Тело Ханны напряглось. Эти люди были здесь, и она собиралась воспользоваться этой возможностью в полной мере.

— Я хочу, чтобы Джексон стал её отцом, — тихо сказала Ханна, хотя её голос прозвучал слишком громко, даже для её ушей. Она смотрела Джексону прямо в глаза, бросая ему молчаливый вызов, который не вызвал в нем совершенно никакой реакции. Он не был удивлён её заявлением, он лишь мрачно скривил рот.

— Это, должно быть, такая честь. Она является ценным даром. Нет ничего более особенного, чем ребёнок. Ничего на земле, — сказала миссис Сэмпсон, её глаза наполнились слезами, когда она смотрела то на Джексона, то на Эмили. Глаза Ханны не покинули его лица. Сжав челюсти, он коротко кивнул женщине. Ханна заметила, что он не смотрел на Эмили.

— У вас самих есть дети? — спросила Ханна, отводя глаза от напряжённого взгляда Джексона.

Миссис Сэмпсон продолжала тереть спинку Эмили, и мягкая улыбка коснулась уголков рта, углубляя линии на её лице, она прошептала, — Мы всегда хотели детей. Всегда. Но, мы с Гарри просто не были благословлены этим даром.

Сердце Ханны пронзило болью, когда Гарри побрёл к своей жене, его бледно-голубые глаза заблестели. Она посмотрела на Джексона, стоящего к ним спиной, его плечи напряглись. Она почувствовала свою собственную боль. Чего бы она ни отдала, чтобы иметь таких родителей, как Сэмпсоны. Их любовь была настолько реальной, их поступки

настолько чисты.

— Но мы были благословлены тем, что нашли друг друга, — радостно сказал мистер Сэмпсон. Его жена, кивая, посмотрела на него. Она медленно встала и протянула Эмили Ханне.

— Думаю, мы уже достаточно вас побеспокоили, — сказала миссис Сэмпсон, когда Гарри натянул шапку Санты на голову. Ханна последовал за ними к двери, в то время как Джексон достал их красные пальто.

— Было очень приятно встретиться с вами, — сказала Ханна с улыбкой, поглаживая затылок Эмили.

— Э-э, да. Спасибо, что заглянули, — проворчал Джексон, стоя рядом с ней после того, как помог миссис Сэмпсон надеть её пальто.

— Вы уверены, что нормально доберётесь в такую погоду, — спросила Ханна, когда она выглянула в окно и обнаружила все ещё продолжающуюся метель. Она проигнорировала толчок Джексона.

— О, мы будем в порядке, я разъезжал и в худшую бурю, чем эта! — сказал мистер Сэмпсон, хлопая Джексона по плечу. Джексон пожал ему руку, и Ханна могла бы поклясться, что она увидела его улыбку. Но когда миссис Сэмпсон приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать Джексона, его оборонительная стена дала трещину, и он улыбнулся женщине, отчего она, покраснев, засияла. Спустя несколько мгновений, когда они махали на прощание Сэмпсонам, Ханна подумала, что этот визит сделал. Может быть, это было недостающим пазлом мудрости и понимания всей ситуации, чтобы заставить Джексона решиться.

— Это была забавная ночь, ты так не думаешь? — радостно спросила Ханна, идя с Эмили на кухню, чтобы подогреть бутылочку.

— Я бы предпочёл одеться Сантой в торговом центре и чтобы надоедливые дети сидели у меня на коленях. Доброй ночи.

Ханна стояла в дверях кухни с детской бутылочкой в одной руке, и Эмили в другой, глядя как Джексон уходит по коридору. Она разрывалась между тем, чтобы бросить бутылку ему в спину, и, как ребёнку заплакать.

С Джексона было достаточно. Серьёзно, по самое «не хочу».

Они уже два дня как находились в состоянии этой неприятной и вынужденной договорённости. После адского вечера, и все благодаря соседям, которых ему удавалось избегать в течение последних пяти лет, он проснулся от звука великолепного смеха Ханны, что только ещё больше ухудшило его настроение.

Он поплёлся к окну и обнаружил, что метель не прекратилась. Это был худший шторм, который он видел, по крайней мере, за десять лет. И для парня, который привык ничего не чувствовать, он целых два дня провёл на своего рода, эмоциональных американских горках. Его самая большая проблема заключалась в том, что он переставал ненавидеть тот факт, что он находится взаперти в этом коттедже с Ханной и малышкой. Ханна и его, э-э, эта малышка возились по дому, создавая всевозможный шум и счастливые детские звуки. Куда бы он ни посмотрел, он везде видел Ханну. Как она готовила, пела для малышки, играла с малышкой, переодевала малышку. И она была такой чертовски шумной, что он был вынужден более чем несколько раз взглянуть на них. Когда в очередной раз он это сделал и увидел, что девочка, агукая, смотрит на Ханну, он ощутил в груди странное чувство. А потом он ощутил

совершенно другие, очень неприемлемые чувства, когда посмотрел на Ханну. Её улыбка, её волосы, звук её голоса, она доводила его до безумия. Ему совершенно не удалось сосредоточиться на работе и все благодаря Ханне. И, в конечном итоге, проигрывал игру за игрой в пасьянс на своём компьютере, делая вид, что работает.

И теперь, когда малышка уснула, они в большой комнате снова остались вдвоём. Сцена была раздражающе совершенной. Снаружи бушевал шторм, пока они находились в тепле и уюте своего коттеджа. Даже постоянные рождественские песни становились все менее раздражающим. Он находился с женщиной, которую считал неудержимо сексуальной, которая была чертовски весёлой, и умнее всех тех, с кем он спал или же планировал спать. Но он не мог даже, и допустить мысли быть с ней из-за того, кем она была.

— Ты играешь в карты?

Джексон просто смотрел на неё. Она что-то сказала?

— Ээээй? Земля вызывает Джексона.

Очевидно раздражённая его поведением, она закатила глаза.

— Я сказала, хочешь поиграть в карты?

Как это возможно, что настолько умная женщина совершенно не обратила внимания на то, чем бы они могли заняться сегодня вечером? *Карты*? Последнее, чем он хотел заниматься в уединённом домике с сексуальной, интригующей и невероятно красивой женщиной так это играть в карты.

— Карты? — выплюнул он, наконец.

Его насмешка совершенно никак не повлияла на её энтузиазм. — Да, карты! Может быть, мы могли бы сыграть в сумасшедшие восьмёрки?

— Сумасшедшие восьмёрки?

Она нахмурилась.

— Прекрати повторять все, что я говорю, как будто все мои предложения идиотские.

— Что ещё за сумасшедшие восьмёрки, черт возьми? Это должно быть игра только для провинциалов, — сказал он, нарочно провоцируя её.

Она скрестила руки.

— Откуда ты знаешь, что я из маленького городка?

— Дорогая, у тебя на лбу написано, что ты из маленького городка.

Он улыбнулся ещё шире, когда она нахмурилась.

— Да неужели?

— Книги, бабушкина шапка и сумка —

— Бабушкина шапка! Что бы ты знал, это хорошая...

Он сделал широкий жест рукой, стараясь не смеяться. — Бабушкина.

Она на минуту перестала говорить и перекинула волосы через плечо.

— Ну, да, она *и есть* бабушкина. Только не моей бабушки. Это не важно. Это может быть и небольшой город, но он по-прежнему близко к цивилизации. Хоупс Кроссинг очень очаровательный...

— *Хоупс Кроссинг*? Это ещё что за название?

Она прищурилась и послала ему убийственный взгляд.

— Это город с хорошими старомодными ценностями, а также людьми, которые заботятся друг о друге. Все всех знают...

— Ох, это звучит ужасно.

— К твоему сведению, я выросла в городе.

— Правда?

Она кивнула, но выглядела так, будто она была готова закончить этот разговор. Он понял, что всякий раз, когда она рассказывала ему что-нибудь о себе, она, казалось, сожалела об этом. Он не собирался позволить ей так легко отделаться.

— Почему ты уехала?

— Мне нравятся маленькие города, — сказала она, скрестив ноги, не глядя на него.

— Я ненавижу их.

— Конечно, особенно такой человек как ты.

— Как я?

Она вытянула руку и начала перечислять пункты на пальцах.

— Закрытый, асоциальный, скупой...

— Скупой? — спросил он, смеясь.

— Я думаю, что нам нужно вернуться к разговору о картах, и решить, во что будем играть.

— Мне нравится слушать о тебе, — сказал он, зная, что она больше не хотела ему ничего о себе рассказывать.

Она отвернулась, а затем подалась вперёд в своём кресле.

— Я знаю, в какую игру мы можем сыграть. Как насчёт мудака? Ты определённо должен быть хорошо знаком с мудаком.

Он не знал ни одной женщины, которая бы оскорбляла его так открыто, как это делала Ханна. И он любил звук её смеха, когда она вместе с ним смеялась, и то, как это озаряло её лицо, давало ему представление о женщине, которой она была, когда не боялась и не беспокоилась. Она опьяняла. Это осознание заставило его прекратить смеяться.

— Я не знаком с этой игрой, — протянул он, поднимаясь. Он подошёл к бару. — Хочешь выпить? — ему это действительно было нужно.

— Что ты будешь? — Она смотрела на него с искоркой в глазах и высокомерной улыбкой.

— Скотч.

— Мне то же самое.

Он полу-засмеялся, полу-проворчал. С каких это пор он издавал полу-смех? С Ханной он постоянно находился на грани смеха или крика. Она была полна противоречий.

— Может быть, нам стоит пригласить Сэмпсонов, — предложила Ханна с подозрительно весёлой улыбкой.

Он закатил глаза.

— Я думаю, одного раза за сезон достаточно.

— Ты ужасен. Я не могу поверить, что ты притворялся, как будто тебя нет дома, когда они стучали в твою дверь. — Она выглядела восхитительно, когда пыталась сурово нахмуриться, хотя её глаза сверкали.

— Если бы я впустил их один раз, этого было бы достаточно. Я бы никогда не избавился от них, — сказал он, возвращаясь к ней. Он не хотел думать обо всех вещах, что Сэмпсоны говорили о Эмили как о подарке. Ангеле.

— Я думаю, что они очаровательные, и после стольких лет так влюблены. Какая чудесная забота, надеть одинаковые шапки Санты...

— Мне нужно начать пить.

Ханна откинула голову назад и рассмеялась.

— Раз мы решили выпить, нужно придумать что-нибудь поинтереснее игры в карты, — сказал Джексон, стоя перед ней.

Она подняла бровь и откинула голову в безмолвном вызове.

Джексон передал Ханне её стакан и в тот момент, когда их пальцы соприкоснулись, он почувствовал жар и огонь, который испытывал всякий раз, когда тесно контактировал с ней. Она подняла свой бокал к губам, и он подумал, что увидел, как дрожала её рука.

— Твоё здоровье, — сказала она охрипшим голосом. Джексон сделал глоток и сел на кожаный диван рядом с ней. Он заметил, что она отодвинулась немного дальше, определённо она тоже почувствовала притяжение.

— Так как насчёт игры «Правда или желание»?

— С твоей стороны, Джексон, это немного по-детски.

Он откинулся на спинку и посмотрел на неё через край стакана.

— Я, на самом деле, в глубине души ребёнок. — Он улыбнулся на её взрыв смеха, виски в её стакане, плескалось опасно близко к краю. — К тому же, как только хоть немного этого попадёт в нас, — сказал он, подняв свой стакан, — Игра станет действительно интересной. — Он не мог остановить свою улыбку при мысли о миниатюрной шатенке, пытающейся напоить его до бесчувствия.

— Ещё бы. Хорошо, я согласна. Но должна предупредить тебя, меня нелегко напоить, я знаю, как справиться со своей выпивкой. Кроме того, в другой комнате находится малышка, за которую я несу ответственность.

— Хорошо, да начнётся игра.

— Я первая, — сказала она, наклоняясь вперёд, чтобы погладить Чарли по голове.

— Вперёд, — сказал он, заставляя себя не смотреть на обозримое декольте, когда она наклонилась, чтобы погладить его собаку. Это было впечатляющее декольте. Проклятье.

— Правда или желание? — спросила она, выгибая брови.

Он сложил руки на груди. — Желание.

Она нахмурилась. — В самом деле? Желание?

— Ханна, ты же не думала, что я выберу правду, не так ли?

Она выглядела полностью разочарованной. — Никто никогда не выбирает желание!

— Серьёзно? Я всегда выбираю желание.

— Но я ещё не придумала желание, — сказала она, делая большой глоток. Она лизнула уголок рта, и его внутренности непроизвольно сжались.

— Время истекает, — сказал он, наслаждаясь своим поддразниванием

— Нет. Нет никакого ограничения по времени. Хорошо, я придумала кое-что! — сказала она, выглядя очень довольной собой. — Я *желаю*, чтобы ты рассказал, почему изменил своё имя.

Он засмеялся. — Здорово выкрутилась, но ты уверена, что хочешь потратить желание на что-то столь обыденное как моё имя?

— Так или иначе, я не думаю, что это вообще будет чем-то обыденным. — Она вскинула бровь в немом вызове.

Он театрально застонал, а затем откинулся дальше на подушки. — Прекрасно. Когда я... — он на секунду остановился, чтобы найти нужные слова. Раньше, ему никогда не доводилось это объяснять, и вдруг, это стало очень важно не выглядеть полным идиотом перед Ханной. — Я знал, что если когда-нибудь у меня все получится, мне придётся отделиться от своей семьи. Я больше не хотел с ними связываться. Мне нужно было

двигаться по жизни дальше. Я это сделал не из-за смущения или стыда. Мне действительно наплевать, что люди обо мне думают. — Он выпил свой стакан не глядя на неё. С Ханной было опасно легко говорить.

— Я могу это понять. — Отсутствие сочувствия в голосе испугало его, и он посмотрел на неё. Она толкнула пустой стакан к его лицу. — Повтори, пожалуйста.

— Нам обоим это нужно. — Он встал и прошёлся по комнате. Чувствуя себя немного ущемлённым, что она не оказалась более сострадательной.

— Джексон?

— Да, — сказал он, взглянув через плечо.

— Принеси всю бутылку.

Его плечи задрожали от смеха, и он сделал, как его просили, присоединившись к ней на диване. Она удивила его, подняв свой бокал для тоста.

— За испорченное детство и плохо проведённые праздники Рождества, — сказала она. Он удерживая её взгляд, чокнулся своим стаканом с её.

— В самом деле, плохие праздники Рождества? Испорченное детство?

Это было совершенно не то, что он от неё ожидал.

Она кивнула. Это был первый раз, когда она добровольно что-нибудь поведала о своей жизни.

— У меня были ужасные праздники Рождества, — сказала она, глядя в свой стакан, а затем снова на него.

— Тогда почему ты так сильно его любишь?

Она криво улыбнулась. — Я неисправимый оптимист, Джексон. Я не могу позволить своему прошлому влиять на моё будущее. Я отказываюсь верить, что это является показателем того, на что я имею право. Я надеюсь на что-то лучшее. Я надеюсь на самое лучшее. Я знаю, что однажды в Рождество у меня будет все, что я когда-либо хотела. Все то, что не может быть завернуто в подарочную упаковку, важные вещи... — Её голос сорвался в конце, и он почувствовал, как его собственные внутренности сжались в реакции, на её слова. Как, черт возьми, они оба могут иметь все эти сходства и все же быть полными противоположностями?

Она завозилась со своим стаканом. Он догадался, что она чувствовала себя немного неловко из-за того, что сказала.

— Значит, ты ждёшь появления какого-нибудь принца, чтобы он сразил тебя наповал?

Он поморщился внутри от чёрствости своего тона. Это было сделано не намеренно, но его раздражало то, что она думала, что этот идеальный парень собирался появиться и подарить ей целый мир.

— О, прошу тебя. Джексон, я не наивна. Я видела много ужасных, действительно отвратительных вещей. Я не жду появления мужчины, который сделает меня счастливой.

— Так чего же всё-таки, ты хочешь? Семью?

Она покачала головой. — Нет.

Это был не тот ответ, что он ожидал. Она не хотела супруга, ребёнка?

— Почему нет?

Она пожала плечами. — Мне трудно довериться.

— Мужчине?

Она удерживала его взгляд ещё секунду, а затем резко кивнула, её волосы упали на правое плечо. Если бы она была кем-то другим, он бы протянул руку, чтобы прикоснуться к

ней, чтобы увидеть, была ли она такой же мягкой, как и её кожа, которую он чувствовал в ту ночь рядом с собой в постели.

— Кто тебя обидел?

— Я думала, что мы должны были играть в игру, — сказала она, чуть громче шёпота.

— Мы и играем. И это моя очередь.

Она допила остаток своего напитка, а затем повернулась к нему. — Никто.

— Бред собачий. Ты почти запаниковала, когда я прикоснулся к тебе в ту ночь.

— Мне не нравится грубое обращение.

— Это было нечто большее. Ты была очень напугана, как кто-то, кто был...

— Повтори, пожалуйста.

Он покачал головой. — Ни за что. Я дал тебе полный, честный ответ. Ты никуда с этим не денешься.

— Прекрасно. У меня совершенно точно не было воспитания в стиле Кливера. Скажем, что мне доводилось иметь дело с неправильным типом парней.

Он почувствовал, как его сердце врезалось в грудную клетку. Он внимательно наблюдал за её выражением, когда она отвернулась и уставилась на огонь.

— Что случилось?

— Это уже два вопроса, Джексон.

Она была такой тихой, что ему пришлось наклониться вперёд, чтобы услышать её ответ.

Мысль о том, что Ханна была подвержена жестокому обращению со стороны мужчины, причинило ему боль. Это разозлило его, заставило его внутренности сжаться, и он смутно почувствовал, что его эмоции были гораздо сильнее, чем они должны быть к человеку, которого он едва знал.

Она заправила своенравную прядь волос за ухо и подняла глаза, посмотрев на него, её взгляд был полон тайн и боли. Он знал, как быть настолько закрытым человеком, и как тяжело поделиться с кем-то.

Она улыбнулась, и выражение её лица полностью изменилось. У неё была великолепная улыбка, которая вызывала желание улыбнуться в ответ. Но была часть его, которая была разочарована, ведь он действительно хотел её узнать.

— Мой ход!

Но вместо того, чтобы задать ему вопрос, она вскочила и подошла к столу. Он не отвёл от неё взгляда, когда она вернулась с тарелкой рождественского печенья, испечённого ранее. Ему сложно было сосредоточиться, пока он размышлял, как ей идут джинсы. Она развернулась именно в тот момент, когда его глаза любовались её задом. Она подняла одну бровь и положила руку на бедро. Он невозмутимо улыбнулся.

— Ты слышал хоть слово из того, что я сказала? — спросила она голосом, который заставил его думать, что она могла бы быть отличным школьным учителем.

— Я все слышал, — соврал он.

— Тогда что я только что сказала?

Он сделал ошибку, посмотрев вниз на её грудь, которая растягивала её рубашку. Он не мог не думать о том, насколько хорошо они заполнят его руки, а также...

— Джексон Пирс.

Он не мог ничего с этим поделать. Наклонив голову, он, потирая затылок, засмеялся.

— Ханна, — сказал он, смотря в её блестящие глаза, не в силах остановить усмешку, которая, казалось, появлялась на его лице, когда он был рядом с ней. — Мне очень жаль, но

ты должна войти в моё положение. Ты красивая женщина.

Она сделала шаг ближе и ткнула его в грудь, и, он подавил желание рассмеяться. Он понял ещё кое-что, когда смотрел в её страстные глаза. Когда он впервые встретил её, она бы ни за что не ткнула его, но теперь, она ему доверяла. Она вела себя искренне, пылко и напористо, что заставило его чувствовать себя чертовски хорошо.

— Пожалуйста, сохрани свои фразочки для кого-то, кто действительно на них поведётся, — сухо сказала она.

Он кивнул. — Прекрасно. Почему бы тебе не спросить меня о том, что ты на самом деле очень сильно хочешь узнать?

— И что бы это было?

Он мог сказать, что ей было любопытно, и он не знал, был ли это виски или что его сила воли растаяла после того, как он провёл два дня с этой женщиной, но он прекратил отрицать их притяжение.

— Как это целовать меня.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Что он только что сказал?

Она быстро отвела глаза от его сверкающих карих. Ей нужно было изобразить холодность и легкомыслие.

— Абсолютно *не* то, о чем я думала.

— Но хотела?

Он наклонился к ней.

Её пальчики на ногах поджались, когда она вдохнула запах его лосьона. Как мог человек пахнуть так хорошо в конце дня?

— Хотела?

Джексон Пирс определённо знал, как очаровать женщину.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя.

Он не переставал улыбаться, и она тоже не смогла.

— Я думаю, что ты слишком много выпил.

Ханна рассмеялась.

— Ханна, два виски не смогут изменить уровень содержания алкоголя у меня крови, — сказал он сухо.

Ей нравилось дразнить его. Это было возбуждающим и захватывающим, и это казалось таким естественным. Если обстоятельства были бы иными, и они не были теми, кем они были, может быть, именно такими они могли бы быть. Теперь, когда они больше не говорили об их прошлом, она могла расслабиться. Или должна была быть способной на это, если бы Джексон не начал говорить о том, чтобы поцеловать её. Мысли о прикосновении её губ к губам Джексона было достаточно, чтобы заставить её сбежать куда подальше, потому что она знала, что это было бы греховно хорошо.

— А вот ты, с другой стороны, совершенно не выглядишь так, как будто можешь справиться с очередной порцией алкоголя, — сказал он самодовольно и налил себе ещё порцию. Ханна смотрела, как он одним махом проглотил содержимое стакана, любуясь, как сжались мышцы на его загорелой шее. Он был слишком красив. Блеск в его глазах говорил ей о том, что он знал о том, что она осмотрела его с головы до ног, и ей нравилось то, что она видела.

Она поджала губы и использовала свой самый авторитетный тон.

— На самом деле, Джексон, я точно знаю, с каким количеством алкоголя я могу справиться. Я могу выпить четыре с половиной шота виски, прежде чем начать вести себя как дурочка. Так что наливай, приятель.

— Слушаюсь, мэ, — сказал он со смехом. — Но теперь я хочу знать, откуда ты знаешь, что можешь выпить именно это количество, — сказал он, протягивая ей бокал. Когда их пальцы встретились, они оба задержались на несколько мгновений. Она надеялась, что её старые подсчёты по-прежнему были точными. Она была удивлена, что на самом деле рассказала об этом, потому что, конечно Джексон хотел бы это знать.

— Когда я училась в колледже, я думала, что это было бы разумным попытаться напиться в хлам, в уединении своей комнаты. Таким образом, мне не пришлось бы беспокоиться о том, что я могу переборщить с выпивкой, когда я отдыхаю с друзьями. Так что я, наконец, получила нужное количество, и обнаружила, что четыре с половиной шота были достаточными для меня, дабы не потерять голову.

Она пыталась казаться прозаичной, и, опустила любой контекст, который мог намекнуть, что у этого могла быть какая-либо другая причина, помимо этой. Она выпила содержимое стакана, сделав большой глоток. Джексон задумчиво наблюдал за ней.

Его брови нахмурились.

— Так, давай-ка проясним. Ты одна сидела в комнате своего общежития и измеряла то, какой будет максимальная доза алкоголя. Не кажется ли тебе, что это немного странно?

Она покачала головой.

— Мне не нравится чувство, когда все выходит из-под контроля.

— Я могу это понять, — сказал он, кивнув головой. Она понимала, что он догадывается, что это не вся история. Часть её хотела рассказать ему все. — Девятнадцатилетние не занимаются подобного рода вещами.

— Ну, а эта занималась, — сказала Ханна и подняла свой бокал. — Теперь, если ты не возражаешь, я выпью следующий шот. И, кажется, мы играли в игру «Правда или Желание».

— Ты была одна в течение длительного времени, не так ли?

Ханна с трудом сглотнула. Почему он спросил об этом? Все дело было в бабушкиной шапке. Книгах. Её праздничном мешке. Он узнал слишком много о ней. Это обескураживает. Его ноги находились на пуфике перед диваном, и он смотрел на огонь прямо перед собой, как будто он знал, что если посмотрит на неё, это будет слишком личным. Когда она не ответила сразу, он повернулся.

Ханна сделала ошибку, посмотрев на его губы. Он на самом деле не должен иметь такие красивые губы. Они должны быть тонкими, не чувственными. У него не должно быть чувственных губ. Но её чувства выходят за рамки от того, как он выглядел. Она не должна наслаждаться его компанией так, как это было сегодня. Разговор с ним был интересным и захватывающим. Находиться в такой непосредственной близости к нему было невыносимо, потому что она хотела от него большего, и это само по себе шокировало. Она никогда не хотела мужчину так, как его. Она никогда не чувствовала желания, как это. Необходимость прикоснуться к нему, обнять его, была настолько сильна, что ей хотелось проигнорировать все причины, почему она не могла когда-нибудь что-нибудь с ним начать.

Его вопрос. В конце концов, она кивнула, прочищая горло, и отвернулась от него и чувств, которые он вызвал в её воображении.

— Да, я действительно была одна в течение длительного времени.

— Ты когда-нибудь хотела отпустить все это? Позволить кому-то позаботиться о тебе?

Его голос был хриплым и мурашки удовольствия поползли по всему телу. Она могла слышать эмоции за его словами, и такое заманчивое представление о том, чтобы позволить кому-то заботиться о себе, кому-то вроде него. Но она знала, что случается, когда ты, заботясь о людях, опускаешь свои барьеры. Всегда была причина, почему кто-то не мог любить её достаточно, чтобы позволить ей остаться. Это был тяжёлый урок, и она не хотела, чтобы Эмили пришлось выучить его. *Эмили*. Она почти забыла о Эмили и почему она была здесь. Она совсем не затронула тему удочерения сегодня, в надежде, что, может быть, если она отложит эту тему, то он заговорит об этом. Но он не сделал этого. Как её мог привлекать кто-то, кто отказывался помочь своей плотью и кровью? Она допила виски и повернулась, чтобы посмотреть на него. Он по-прежнему смотрел на неё с этим я-собираюсь-тебя-поцеловать взглядом, как она сейчас определила. *Сконцентрируйся, Ханна*.

— Так, что тебя действительно сдерживает от того, чтобы удочерить свою племянницу? — выпалила она. Она задержала дыхание, потому что вдруг весь воздух, казалось, покинул комнату. И человек, который смотрел на неё, словно он только что собирался заняться любовью с её ртом, теперь же смотрел, будто готов был сбежать из комнаты.

И, когда она думала, что он собирается сказать ей, чтобы она катилась к черту, черты его лица оставались спокойными. Подозрительно спокойными.

— Ты сделала это нарочно, не так ли?

Его слова прозвучали тихо, но были пронизаны разочарованием.

Она почувствовала, что её сердце забилося чаще.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы приятно проводили время, и ты испугалась. Ты заговорила о дочери Луис, чтобы отвести разговор от себя и убить любое желание между нами.

Она знала, что её лицо ярко горело, но она не ответила ему. Он был только частично прав.

— Ты же не хочешь, чтобы твоя племянница страдала из-за ошибок Луис.

— Луис знала, что делала. Я не собираюсь больше разбираться с её бардаком.

— Ребёнок это не бардак, — сказала она, дрожащим от гнева голосом.

— Остановись, Ханна, — сказал он, отходя от неё, чтобы встать перед огнём.

— Тебе будет гораздо больнее в долгосрочной перспективе, Джексон, — сказала она, обращаясь к его спине.

— Что-то я сомневаюсь в этом.

— Это будет разъедать тебя. Ты не тот человек, которым пытаешься казаться. Ты дружелюбный, и ты знаешь, как любить. Я чувствую это, я ощущаю это.

— Не путай желание к прекрасной женщине с дружелюбностью и любовью, — отрезал он, повернувшись к ней. — Ханна, у тебя имеется это наивное, идеалистическое представление о том, кто я, но поверь мне, ты не права. Не каждый способен быть совершенным, как ты, и делать правильные вещи.

Она скрестила руки и посмотрела на него укоризненно.

— В самом деле? Тогда почему ты не позволил мне уехать домой два дня назад?

— Я не собирался позволить женщине одной ехать по таким дорогам в ночное время, — сказал он, пожимая плечами.

Она улыбнулась.

— Значит, у тебя есть сердце.

— Обеспечить незнакомцу убежище во время шторма и усыновление ребёнка это две совершенно разные вещи. Смотри, я даже выключаю свет, когда пожилая пара приходит в поисках меня. Это совершенно не подходит для роли отца.

— Не шути, и не позволяй своей неспособности простить свою сестру, помешать поступить правильно.

Он снова повернулся к ней спиной. В комнате было тихо, так тихо, что казалось нереальным. Луны не было видно сквозь снег и ветер. Как и мыслей Джексона.

— Похоже, шторм, вероятней всего, закончится завтра утром, — сказал Джексон, засунув руки в карманы и глядя в окно. Ханна почувствовала, как её внутренности скрутило, когда на горизонте замаячила реальность отъезда. Все было гораздо сложнее, чем раньше, когда она приехала. Она до сих пор не убедила Джексона даже рассмотреть вопрос об удочерении Эмили, и у неё появились чувства к человеку, которого она должна презирать. Прошло несколько минут, и Джексон как будто забыл, что она находилась в комнате. Ханна носилась с идеей выпить ещё один стакан виски, хотя знала, что это ничего не решит. Ей нужно было божественное вмешательство.

— Ханна, я восхищаюсь твоей решимостью и твоей способностью бороться за то, во что ты веришь. Ты очень убедительна.

Выражение его лица не было сердитым. Он выглядел вдумчивым и задумчивым.

Надежда расцвела в сердце Ханны. Ей действительно удалось пробиться к нему? Действительно ли это было чудом, которого она ждала?

— Правда? — прошептала она, встретившись с ним взглядом. Она почувствовала, как её ладони вспотели, пока она ждала, что он продолжит говорить.

— Что если я создам трастовый фонд для своей племянницы? Ей никогда не придётся беспокоиться о расходах или чем-то ещё. Там будет больше денег, чем ей нужно, чтобы прожить безбедную жизнь. Она даже сможет приезжать и навещать меня по праздникам.

Ханна не могла двигаться в течение минуты. Она обдумала все, что он сказал, и подумала о том, что быть может, она как-то неправильно его поняла. Но нет. Она вскочила с дивана, её буквально трясло, а руки по бокам сжались в кулаки.

— Это ещё что за глупый, эгоистичный, заставь-себя-чувствовать-героем план?

Сквозь свою ярость она увидела искреннее удивление на его лице.

— Значит, таким образом, она будет приезжать, чтобы увидеть своего богатого дядю один раз в год, а затем снова возвращаться к своей приёмной семье? Эй, знаешь, если зарегистрируешь Эмили как благотворительность и, может быть тогда, ты сможешь претендовать на все деньги, которые ты ей даёшь, в качестве списания налогов! Я думала, ты умный человек, но ты эгоистичный, безразличный идиот! — Ханна вопила, подавляя желание колотить его грудь кулаками.

— Давай-ка проясним кое-что, — сказал он, наклоняясь, чтобы они были глаза в глаза. — Я никогда не утверждал, что я святой. Ты пришла сюда со своими собственными наивными ожиданиями. О чем ты думала? Что я просто изменю всю свою жизнь ради ребёнка, которого я не знаю? Ради сестры, которой было плевать на свою семью?

Он резко выпрямился, а затем отошёл от неё и, благодаря своим длинным, сердитым шагам, в одно мгновение оказался у входной двери. Она наблюдала, как он накинул своё пальто и не хотела, чтобы последнее слово было за ним, потому что его последние слова не были достаточно хороши.

Она последовала за ним к двери.

— Да. Да, это именно то, что я думала. Потому что если кто-то пришёл бы ко мне и сказал, что у меня была племянница, которая отчаянно нуждалась во мне, я бы все бросила. Я бы изменила всю свою жизнь, если бы узнала, что у меня есть семья.

— Тогда ты, очевидно, ни черта не знаешь о том, какая семья была у меня, — сказал он, застёгивая своё пальто одним сердитым движением.

— Прекрати использовать своё прошлое как оправдание, чтобы оставаться придурком всю оставшуюся жизнь!

Она медленно двигалась к нему, не чувствуя себя хоть сколько-то запуганной, когда он смотрел на неё сверху вниз.

— У тебя может быть своя собственная семья. У тебя есть власть, чтобы изменить все, чтобы сделать что-то действительно значимое. Она была бы твоей *дочерью*. Если бы у тебя была маленькая девочка, которая смотрела бы на тебя и думала, что ты самый лучший папа во всем огромном мире, разве не сделал бы ты для неё все, чтобы защитить её?

Ханна не дала ему возможности ответить, прежде чем продолжила.

— Если бы у меня был отец, который приходил ко мне домой каждую ночь, и брал меня на руки и целовал меня, я бы знала, что я любима, что я нужна. Когда мне было грустно, и я думала, что весь мир был против меня, но у меня не было отца, который любил меня, и был рядом, когда я плакала, или был рядом, чтобы поднять меня, когда я упала, и я бы знала, что все будет хорошо. Это должно быть у каждого ребёнка, Джексон. Если бы это был совершенный мир, то каждый ребёнок был бы сыт, имел тёплую постель, и родителя, который прошёл бы сквозь огонь, чтобы защитить его. Меня не волнует, насколько важна для тебя твоя карьера или, как сильно твоя сестра подвела тебя или сколько раз твой отец сделал тебе больно. Ты взрослый человек и у тебя есть власть, чтобы изменить своё будущее и будущее этого ребёнка. Ты будешь трусом, если отвернёшься от неё. Как ты можешь спать по ночам, не зная, где твоя племянница? Не зная, причиняет ли ей кто-то боль? Как ты *смеешь* ей отказать!

Ханне было все равно, когда она закончила, что по её лицу текли слёзы. Её не волновало, что она только что показала свою сокровенную детскую тоску, её не волновало, что она заметно дрожала.

Он не ответил, и Ханна не двигалась, позволяя ему видеть свои слёзы и надеяться, что она до него достучалась. Он смотрел на неё в течение нескольких секунд, его глаза блестели, а челюсти сжались.

— Я схожу за дровами, мне нужен свежий воздух.

Его слова были произнесены холодным, резким тоном, и он не смотрел ей прямо в глаза. Он резко открыл входную дверь, а затем повернулся к ней, останавливаясь на пороге.

— Если Чарли нужно будет выйти на улицу, убедись, что ты наденешь на него поводок и не ходи дальше веранды в задней части дома.

Она саркастически отсалютовала ему рукой, пока дрожала от ярости. Он пробурчал себе что-то под нос и вышел.

Она заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и рухнула на диван. Ей нужно было вернуть контроль, подумала она, пытаясь отдышаться. Он проигнорировал все. Она хотела достучаться до него. Чарли подошёл и сел перед ней. Она уткнулась лицом в его тёплую шерсть, нежно поглаживая. Через несколько минут она заставила себя восстановить контроль.

— Чарли, я пока ещё не сдаюсь. У меня ещё есть время до завтра, — пробормотала она.

Чарли положил пушистую лапу на её колени и заскулил.

— По крайней мере, ты понимаешь, — сказала она. Он почесался возле её ноги, а потом подбежала к задней двери и, царапая её, повернулся, чтобы посмотреть на неё. — О, я предполагаю, что это то, что ты хочешь, — сказала она со вздохом, вставая и хватая своё пальто.

Войдя в кухню, она натянула ботинки. На автомате надела шапку и варежки, хотя все её мысли были заняты Джексоном. На улице все ещё бушевала пурга, и она знала, насколько опасно это может быть в случае, если они отойдут слишком далеко от дома. Она открыла кладовку и нашла жёлтый ящик с инструментами. Открыла крышку и сразу обнаружила верёвку в прекрасно организованной коробке.

— Так и знала, что он будет таким аккуратным, — пробормотала она. Она на мгновение остановилась, а затем целенаправленно забрала несколько винтов и болтов из отсеков и бросила их в другие. Закрыв крышку, она чувствовала себя немного. Закрепив поводок Чарли за ошейник, она распахнула дверь, холодный поток воздуха в ту же секунду заставил их сделать шаг назад.

— Хорошо, малыш, сделай это быстро, — крикнула она сквозь завывание ветра. Она прищурилась, пытаясь следить за Чарли, когда он потянул за поводок. Было почти невозможно увидеть даже ногу перед собой. Как Джексон мог находиться там в такую погоду так долго? Чарли продолжал тянуть её вниз по ступенькам, отказываясь заниматься своими делами в любом месте рядом с верандой.

— Ты упрям, как твой хозяин, Чарли. Держись, я собираюсь завязать эту верёвку вокруг перил, чтобы мы не заблудились.

Чарли послушно ждал, пока она завязала двойной узел вокруг деревянного поручня.

Ханна попыталась сосредоточиться, чтобы не упасть в глубокий снег. Она потеряла контроль над поводком и выругалась себе под нос, когда Чарли убежал, радуясь своей свободе. Ханна крикнул ему вслед, больше не держась за верёвку, инстинктивно побежав за собакой. Через несколько шагов, снег оказался ей по пояс, свет от крыльца было теперь невозможно увидеть сквозь пургу. Она позвала Чарли так громко, как только могла, стараясь удержать свой ориентир так, чтобы она смогла добраться назад к дому. При звуке лая она обернулась, но никаких признаков Чарли не обнаружила. Она отважилась сделать несколько шагов, зная, что ситуация становится все более и более опасной. У неё не было верёвки, чтобы вернуться обратно, и она знала, как легко человек может дезориентироваться и потеряться в метель. Она повернулась туда, где как она думала должна быть веранда и начала пробираться сквозь снег, чувствуя, как он забивается ей под одежду.

Секунды превратились в минуты, Ханна пыталась не паниковать, потому что единственное, что она слышала и чувствовала, это звук хлыщущей её ледяной крупы и дикий холод, что просачивался сквозь неё. Она продолжала звать Чарли, но не могла услышать ничего, кроме своего собственного голоса, охваченного ветром. Она плелась, но с каждым шагом чувствовала, что двигается все дальше и дальше от ничтожных шансов найти Чарли. Или коттедж.

Никто не найдёт её здесь. Даже если Джексон её искал, было невозможно найти человека в таких погодных условиях. Ей нужно было самостоятельно найти путь обратно. Она бывала в беде и раньше. Она могла сделать это. Она могла самостоятельно найти путь обратно, несмотря на то, что просто пробираться по снегу становилось все труднее и труднее. Пурга все никак не собиралась стихать. Эмили нуждалась в этом затишье.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Джексон положил поленья на крыльцо и потопал ногами, чтобы стряхнуть снег со своих ботинок. Он привык к подобным зимам, так как сам вырос на севере. На самом деле, у него была парочка приятных воспоминаний об отце до того, как умерла его мать. Его отец был добрым и терпеливым. Джексон ходил за ним в сарай и смотрел, как он рубил дрова для камина. В детстве, он не совсем понимал, насколько опасной может быть погода, хотя его отец пытался вбить ему в голову, что это может оказаться смертельным.

Джексон потянулся, широко расставив руки, и почувствовал себя гораздо лучше после того, как выплеснул немного нерастраченной энергии, собирая дрова. Он не думал ни о чем, кроме Ханны и её обвинений. Он никогда с кем-либо в своей жизни не переходил от чувства желания к чистому гневу за считанные минуты. Ханна знала, как задеть его чувства. Она заставила его почувствовать себя подлецом, как только услышала о его предложении перечислять на счёт племянницы деньги. Чем больше он думал о том, что она сказала, тем больше понимал, как она была права. Она достучалась до него. Со всех сторон.

Свет от фонаря на крыльце заставил его остановиться. Он бы мог поклясться, что на мгновение он почувствовал запах выпечки своей матери. И на минуточку, он не знал почему, он позволил себе остаться в прошлом. Он вспомнил, как он мчался в дом после школы, его мать останавливала его улыбкой и, взмахнув рукой, напоминала ему, чтобы он снял обувь. Это чувство любви, которое всегда присутствовало, прокатилось сквозь него. Его маленькая сестрёнка обожала его и всегда следовала за ним по пятам. Когда все пошло не так? Почему их отец не был сильнее ради них? Он мог видеть их всех улыбающимися и смеющимися за обеденным столом.

Прошло много лет с тех пор, как он позволял себе вспомнить те дни. Джексон тихо выругался, зная, что его мать была бы в ужасе, если бы знала, что он отверг свою единственную племянницу, свою единственную семью из-за своего гнева по отношению к своей сестре. Он отверг её внучку. Это не делало его лучше, чем его отца, не так ли? Он топал ногами и так сильно сжал руки, что это стало болезненно. Он знал, что должен был сделать, потому что независимо от того, что изменил он своё имя или нет, он все ещё оставался сыном своей матери, и она воспитала его лучше, чем это.

Джексон сморгнул влагу в своих глазах, которая как он думал, появилась из-за свирепого ветра, а не каких-то чрезмерных эмоций. Он откашлялся и мысленно приготовился к своей следующей встрече с Ханной.

Как только он вошёл в устрашающе тихий дом, он уже знал, что что-то случилось. Он шёл по коридору в спальню Ханны. При взгляде на спящую Эмили он прищурился, Ханны нигде не было. Затем он услышал звук лап, царапающих заднюю дверь, и зашагал к кладовке, не потрудившись снять мокрые ботинки или пальто. Конечно же, Чарли был снаружи на крыльце, скребясь в дверь. Неприятное чувство скрутило внутренности, когда он открыл дверь, Чарли яростно на него лаял. Чарли встряхнулся от снега и продолжил лаять. Свет на крыльце был включён, пальто и сапоги Ханны пропали, а Чарли был снаружи один.

Он, выругавшись, распахнул заднюю дверь, убедившись, что Чарли остался внутри. Настоящий страх за Ханну подтолкнул его действовать быстро, когда он заметил привязанную за перила веранды верёвку. Не было видно совершенно никаких следов, что его нисколько не удивило. Из-за сильно падающего снега и свирепости ветра, было бы невозможно отследить кого-либо в такую погоду. Он закрепил верёвку и решил спуститься

по ступенькам.

Джексон выкрикивал её имя снова и снова, шурясь от сурового натиска снега. Адреналин пронёсся по венам, пока он продолжал её звать, голос охрип от силы его мощного крика. Лучом прожектора он кругами обводил территорию, пытаясь уловить движение. Во дворе, сразу за домом, не было деревьев, но он знал, если она ушла на более чем тридцать футов, начался бы лес и это был бы смертельный лабиринт.

Если она пошла туда... он заставил себя перестать думать о том, как мала была вероятность найти её там, в то время как время уходило.

Он снова посветил прожектором и на секунду остановился, ему показалось, что в мельтешении снега он увидел вспышку цвета. Он медленно передвигал луч, молясь, впервые на своей памяти, о помощи свыше. И вот оно. Красный цвет. Её шапка с помпонами. Он направил луч на клочок красного и передвигался по снегу так быстро, как только мог. Он снова и снова звал её по имени и подходил ближе, пока, наконец, не увидел её лицо. Она выкрикнула его имя, и попыталась продвинуться к нему.

Это был, черт возьми, самый сладкий звук, который он когда-либо слышал.

В тот момент он понял, что Ханна Вудс значила для него гораздо больше, чем он хотел признать. Необходимость защитить её подавила и поглотила его. Он не ставил это под сомнение, он не анализировал почему. Все, что он знал, что ему нужно ощутить её в своих руках. Потому, как медленно она двигалась, он понял, что появился как раз вовремя. Он в несколько шагов преодолел оставшееся между ними расстояние. Когда она была прямо перед ним, он увидел, каким покрасневшим от ветра было её лицо, а губы посинели.

— Ты в порядке? — он обнял её и почувствовал, как её руки вцепились в его пальто.

Она кивнула ему в грудь, но он не был уверен.

— Держись, милая, — прошептал он, ласковое слово так естественно сорвалось с его губ, хотя он никогда прежде никого так не называл. Он наклонился и взял её на руки. Вместо того чтобы протестовать, как он наполовину этого ожидал, она просто уткнулась лицом ему в его шею и обняла его.

С помощью верёвки они направились обратно в дом, и он молился, чтобы у неё не было обморожения. Он осторожно поставил её на крыльцо, придерживая руками, и убеждаясь, что она прочно стоит на ногах.

— Идём, — сказал он, открывая дверь и взяв её за руку, повёл в дом. Он имел опыт с обморожениями и воздействием холодной погоды, но сейчас все было иначе, это была Ханна. Смелая, красивая, умная Ханна. Стоя в нескольких сантиметрах от него в полутёмной кухне, она посмотрела на него своими зелёными глазами, а он разрывался между желанием поцеловать её и кричать за то, что так рисковала. Но от её взгляда у него перехватило дыхание. Он знал, что не только он чувствовал эту сумасшедшую связь. Он видел это в мягкости и полной откровенности, что светилась в её глазах. Она больше не пряталась от него.

— О чем ты думала?

Несмотря на всепоглощающую боль и дрожь, которую она почувствовала, когда тёплый воздух окутал её замерзшее тело, она слышала нежность. Она видела отразившееся беспокойство в его красивых чертах лица, заметила слабую дрожь в сильных, умелых руках, и это согревало её как ничто и никогда до этого. Когда она услышала, как он сквозь пургу

зовёт её по имени, она поняла, что все будет хорошо. Он назвал её милой. Никто никогда не называл её ничем настолько замечательным. Она доверяла Джексону, она раньше никогда никому не доверяла. Но Боже, это было так хорошо опереться на кого-то, доверить кому-то свою жизнь. Прижавшись к сильному телу, находясь в его бережных объятиях, она поняла, что её безопасность была для него важнее своей, собственной. Джексон был единственным человеком из всех, кто когда-либо поставил её на первое место.

— Эмили?

Он кивнул.

— Она в порядке. Спит.

Ханна робко улыбнулась Чарли, который сидел и наблюдал за ней. Если кто и был обеспокоенным, так это был он.

— Ты могла умереть, если бы я не нашёл тебя.

Глаза Ханны наполнились слезами, её горло горело. Она пыталась пошевелиться, но это причинило боль.

— Я все ещё не могу пошевелить пальцами, — сказала она, держа руки перед собой. Он осторожно протянул руку и обхватил их ладонями. Его прикосновение достигло той её части, которой она всегда интересовалась, той части, которая была закрыта на протяжении многих лет, части, которая, как сказал терапевт, откроется для неё тогда, когда в её жизни, если она позволит этому случиться, появится правильный человек. Она смотрела на их переплетённые пальцы, чувствуя тепло и силу, которые исходили от его рук. Из всех людей в мире, как это может быть он? Тот человек, которого она была готова впустить?

Не хотелось думать о том, почему он не подходил ей, как бы она ни пыталась отрицать это, её чувства, её влечение, ей было все равно, почему он не был ей парой. Никто и никогда не подходил ей так сильно. За двадцать восемь лет, она никогда не чувствовала себя по-настоящему в безопасности. До сегодняшнего вечера, когда он нашёл её в пурге и так бережно её нёс — как будто она имела значение, как будто она была важна.

Джексон прижал её пальцы к своему лицу. Она закрыла глаза, и содрогнулась отчасти от боли, а отчасти из-за удовольствия ощущая тепло от его немного колючей небритой щеки. Она посмотрела на него, и её пронзили тепло и огонь в его глазах. Когда он, взяв её руки, поцеловал каждую ладонь, удерживая их возле губ, она почувствовала, что её колени медленно начинают подкашиваться. Она хотела опереться на него, уступить непреодолимому желанию, быть в его объятиях, и ощутить его прикосновения.

— Знаешь, как быстро люди могут потеряться в такую непогоду? — Пробормотал он ей в ладони, его горячее дыхание было таким приятным для её холодной кожи. Ей было трудно сосредоточиться, её мысли отвлекались на его губы и ощущение от них.

— Очевидно. И я знала, что делаю, — сказала она, стук её зубов понемногу ослабевал. Она попыталась сосредоточиться на разговоре, а не на ощущениях, вызванных его губами. — Я смотрела эпизод сериала *Маленький домик в прериях*, где их занесло снегом, и они привязывали верёвку от дома к сараю. — Взгляд, которым он её наградил, заставил её засмеяться. Почти.

— Ханна, только не говори мне, что ты получаешь советы о том, как правильно себя вести в пургу из глупого телешоу.

Она нахмурилась, изображая обиду.

— Это неглупое шоу. Так вышло, что это моё самое любимое шоу.

— Ты могла умереть. Чарли просто собака. — Это звучало так, как будто слова были

вырваны из его сердца. Ханна почувствовала, как каждая часть её тела растаяла и каждая частица смеха, которой он дразнил её секунды тому назад, исчезла.

Она покачала головой.

— Я знаю, кто он. Я знаю, что он значит.

Её голос звучал странно даже для неё самой. Может быть, все дело было в холоде или, возможно, в эмоциях, что застряли в горле, когда она говорила. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя одиноким, не хотела, чтобы думал, что никто не может его понять. Она знала, почему он сейчас боится принять свою племянницу. Она была неправа. Он не был эгоистом, он боялся. Джексон был человеком, который все отдавал людям, которых он любил. Он отдавал им всего себя, а разочарование от того, что он оказался брошенным, было более болезненным, чем он мог вынести.

Его глаза потемнели, а голос напоминал грубоватый шёпот.

— Что ты имеешь в виду?

Она с трудом слотнула. Она не могла отступить, не могла быть трусихой всю свою жизнь. Она хотела прыгнуть в безопасность его рук и остаться там, начать оттуда. Стать женщиной, которой она всегда мечтала быть, но никогда не хотела. До сих пор. Она смотрела в его глаза, принимая увиденное в них тепло, которое было направлено на неё.

— Я знаю, Джексон, я знаю, каково это — чувствовать, что никто не любит тебя, что ты не стоишь того, чтобы за тебя боролись.

Эти последние слова были вырваны из самых её глубин. И, несмотря на все пройденные сеансы терапии, ничто никогда не исцеляло так, как это. Ханна коснулась рукой его щеки, и чувственное тепло согрело её тело.

Ханна сделала к нему шаг, достаточно близко, чтобы почувствовать тепло его груди под своей щекой, стоит лишь наклонить голову вперед. Она хотела ощутить его запах, его тепло, его огонь, и прикоснуться губами к горячей коже, что обнажал воротник рубашки.

Он ладонями обхватил её лицо, и она запрокинула голову, чтобы посмотреть на него.

— Я понимаю твою боль, я *понимаю*...

Она не знала, что плачет, пока не почувствовала, как его губы коснулись её лица и поймали скатившиеся слезинки. Он поцелуями осушил её слезы, и заклеил сладким обещанием. Его губы путешествовали по её лицу и, наконец, скользнули ниже, пока не коснулись её губ.

Они пробовали друг друга на вкус и дразнили, пока она со вздохом не приоткрыла губы. Голос, или даже звук, который она издала, вырвался из горла, когда их языки переплелись. Она ждала его целую вечность. Его язык терзал, мучил и занимался любовью с ней так, что невозможно было дышать. Не разрывая поцелуй, они возились с пуговицами друг друга, спутываясь разгорячёнными пальцами. Когда их пальцы упали на пол, Джексон подхватил её на руки, понёс к дивану и положил с невероятной нежностью. Она потянулась к нему, и он накрыл её тело своим. Все, что она позволила себе чувствовать, было желание, которое прорывалось сквозь неё стремительнее урагана.

Она знала, что ей нужно впустить его, довериться ему.

Когда он ухватился за её свитер, она немедленно помогла ему его снять. И вся застенчивость, которая, как ей казалось, у неё была, в одночасье испарилась из-за желания, что она видела в его глазах, и её собственной необходимости снять его одежду. Она потянула его рубашку вверх, и он, стянув её через голову, бросил на пол, их глаза говорили, о том, что ни один из них не был в состоянии произнести вслух. Она чувствовала, как пульсирующее

тепло нарастает с каждым поцелуем, которым он касался её открытых участков кожи, и вскоре она почувствовала, что Джексон был повсюду.

Она запустила пальцы в его мягкие волосы, когда он, лёгкими поцелуями проложил дорожку к её животу, а затем обратно вверх, пока не достиг её груди. Она выгнула спину, когда почувствовала, как он обнял её, чтобы расстегнуть бюстгальтер. Когда он, нежно прикасаясь губами, двинулся от мочки её уха вниз и осыпал её ключицу поцелуями, она задрожала. Но когда он добрался до её груди, пробуя её на вкус, и посасывая сосок, она закричала. Ханна сжала его волосы в кулаках, прижимая его голову к своей груди.

— Боже, ты такая красивая, намного красивее, чем в моих мечтах, — сказал он, терзая в сладкой попытке другую грудь. Она ощущала себя жаждущей, опьянённой настойчивым желанием.

Он был сильным и напористым, но она не испытывала никакого страха. Из-за света от камина его загорелая кожа казалась более золотистой. Реальность происходящего и того, что она делает начала проникать в её сознание, словно ручеек весенних талых вод после первой оттепели, но с Джексоном не было бы никакой весны. Была бы всего лишь одна ночь.

— Джексон, — прошептала она, его имя походило больше на стон, пока его губы терзали её кожу.

— Ммм, — ответил он, явно не слушая. Она втянула воздух, когда его язык неумолимо кружил вокруг её соска.

— Я не могу это сделать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, поднимая голову. Она не могла понять выражение его лица.

Она почувствовала мурашки, пробежавшие по её обнажённой коже из-за холодного воздуха, несмотря на жар, который начинал её поглощать пока Джексон, опершись на локти, смотрел на неё.

— Я имею в виду, это, — сказала она, махнув рукой между ними, пытаюсь найти хоть какие-то слова, чтобы объяснить причину, почему она внезапно передумала, что могло бы помочь ему понять.

Её голос затих, когда он медленно приподнялся. Она, не отводя от него взгляда, рукой пыталась нащупать свою рубашку. Она разрушила самый глубокий, интимный, невероятный момент, который у неё когда-либо был. Джексон прерывисто выдохнул и провёл руками по лицу.

— Мне жаль, — сказала она, протягивая руку, чтобы прикоснуться к нему, но остановила себя, не зная, отстранится ли он. Почему она не могла просто расслабиться? Позволить Джексону увести её в сладкое забвение? Когда она смотрела на его мускулистую спину, её глаза блуждали по рукам, что боготворили её, она знала почему. Если бы она переспала с ним, она влюбилась бы в него, а любить Джексона было невозможным. Любить кого-нибудь, настолько кому-то верить, дать такую силу, было непостижимо. Она провела всю свою жизнь, пытаясь обрести свободу, и отказаться от неё было бы невыносимо.

— Мне жаль, — снова прошептала она, когда смотрела на его спину. В это время она была уверена, что приняла единственно верное решение, это никогда не должно было пойти так далеко. Он достиг той её части, до которой никто раньше не добирался.

— Я, мне нужна минутка.

— Я сейчас чувствую себя очень, очень глупо, — сказала Ханна, прижав колени к груди и желая, чтобы диван поглотил её целиком. Она ещё крепче обняла себя, с желанием, найти

свою рубашку. Джексон наклонился и поднял свою рубашку, а затем осторожно надел на неё. Она просунула руки, вдыхая его запах, чувствуя, как мягкий хлопок обволакивает её, словно одеяло. Свет от камина мягким, тёплым оттенком освещал его мускулистое тело, из-за чего оно казалось ещё сильнее и красивее, чем у мужчины может быть, как она думала раньше.

— Ты в порядке?

Ханна кивнула, не в силах вымолвить и слова из-за комка в горле. *Объясни ему почему. Скажи ему, что никогда ничего не хотела так сильно, как отпустить прошлое и провести сегодняшнюю ночь в его объятьях... Скажи ему, что хочешь, чтобы он стал первым мужчиной, который мог бы прикоснуться к тебе, обнять и любить тебя.* Ханна смотрела на Джексона, её мысли проносились в её голове, но она не проронила ни слова. Джексона стиснул челюсти, как будто он почувствовал её борьбу. Но она все ещё так и не смогла открыть рот.

— Тогда, спокойной ночи, — сказал он и медленно отвернулся. Он дал ей более чем достаточно времени, чтобы окликнуть его. Более чем достаточно времени, чтобы признать, что она совершила ошибку.

Джексон смотрел в потолок. Прошёл целый час с тех пор, как он покинул Ханну в гостинной. Сейчас ему казалось, что он мог гораздо лучше справиться с бушующим штормом снаружи, чем пытаться понять женщину, что находилась рядом с ним. Он был зол на себя за то, что сдался и позволил себе прикоснуться к ней и поцеловать. В течение нескольких часов его эмоции сменились от ощущения дрожи из-за ярости от её своевольной речи, до унижительного осознания того, что она была права, от мучительного страха, что она потерялась в пурге, к необъяснимому чувству благодарности и облегчения, когда он её нашёл, и наконец от сильнейшего желания, подобно которому он никогда не испытывал ранее, к ощущению, что он остался за бортом.

Он думал, что между ними есть связь, которая была чем-то большим, чем физическое влечение. А потом она все закончила.

Джексон потёр глаза тыльной стороной ладони. Пытаться уснуть было бесполезно. Часть его хотела выяснить, что произошло. Когда они были на кухне, она прошептала, что знала, как это быть в одиночестве, что она всегда была одна. Почему? Где была её семья? Он мысленно прокрутил все их разговоры и не мог припомнить тот, в котором Ханна упоминала свою семью.

Затем ещё была и Эмили, и королевская издевка, которую он получил в ответ, когда рассказал Ханне о своём плане. Теперь это вызывало у него улыбку. Она была права. Как он мог добровольно позволить своей племяннице жить в приюте, когда он был в состоянии дать ей дом?

Его мысли вернулись к их ссоре, перед тем как он выбежал из дома. Он вспомнил ту боль в её глазах, проблески гнева на лице, когда она на него кричала. Джексон сел на кровати, когда его осенило, что Ханна говорила о себе. Все это имело смысл. Её страх перед ним. Её выбор карьеры. И её внезапное отступление. Он не знал подробностей, но его интуиция подсказывала ему, что он был прав, и на этот раз он хотел, чтобы это было не так. Его охватило желание разыскать всех, кто когда-либо причинил ей боль. Он хотел защитить её. И он не чувствовал такую необходимость в течение очень долгого времени.

Он собирался столкнуться со своим прошлым и будущим. Он собирался попытаться

вернуть того себя, когда он был, когда его мать была жива. Он собирался стать дядей для Эмили, в котором она так нуждалась.

Но он не собирался делать это без Ханны.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Ханна давно не чувствовала себя такой опустошённой. Как будто она снова была тем ребёнком, когда думала, что кто-то спасёт её, но возникали какие-то трудности, которые препятствовали этому, и это разбивало ей сердце, это же сейчас происходило и с Эмили.

Она застегнула свою сумку так тихо, как смогла, не желая пока будить малышку. Она загрузит вещи в автомобиль, а затем вернётся за Эмили. Чем меньше времени им придётся провести с Джексонем этим утром, тем лучше. Она подвела Эм, и она подвела Луис. Её инстинкты ошиблись насчёт Джексона. Она позволила своему влечению к нему затуманить свой разум, она никогда не совершала так много ошибок сразу.

Ханна шла по коридору, похлопав Чарли, когда он подбежал к ней. Она не хотела видеть Джексона. Она не имела ни малейшего представления о том, как она сможет смотреть ему в глаза и стараться скрыть своё разочарование. Она не будет плакать, когда он будет прощаться со своей племянницей и с ней сегодня. Она подождёт, пока не окажется в машине, на безопасном расстоянии от коттеджа.

Войдя в большую комнату, она остановилась, а её сердце замерло. Джексон стоял рядом с погасшим камином, его взгляд был направлен на неё, а губы сомкнуты в узкую линию. Её взгляд опустился от его красивого лица на сумку рядом с его ногами. Она смотрела на него, не решаясь спросить о том, на что она надеялась больше всего на свете.

— Я собираюсь удочерить её. — Его голос нарушил молчание в комнате. Его взгляд удерживал её, и в ней все замерло. Она закусила губу, отчаянно пытаясь сдержать свои эмоции. Она не хотела верить, не могла. Его силуэт казался нечётким. Это были слова, о которых она молилась, будучи ребёнком в приёмной семье. Это были слова, которые могли бы спасти её. Она уберегла Эмили и сдержала своё обещание Луис. Облегчение и благодарность пронзили её. Её сумка соскользнула с её плеча, с глухим стуком упав на пол. Она отчаянно пыталась вдохнуть хоть немного воздуха, её дыхание стало прерывистым...

Она наклонила голову, коснувшись подбородком груди, и закрыла лицо руками. Несколько секунд спустя Джексон был рядом, и с той же нежностью, с которой он касался её прошлой ночью, он аккуратно взял её за руки и сжал в объятиях.

— Я не имею ни малейшего понятия, что я делаю, — прошептал он ей в волосы.

— Ты и не должен, — сказала Ханна, уткнувшись лицом в его грудь, а тепло, которое она ощущала от Джексона вызывало привыкание.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Она решительно кивнула. — Я буду рядом на каждом этапе во время процесса удочерения. Я помогу тебе, чем смогу.

— Даёшь слово? — спросил он, откинувшись назад, чтобы посмотреть на неё, странный свет мерцал в его глазах.

Она сделает все что угодно для Эмили. — Обещаю. Я сделаю все, что потребуется, — сказала Ханна, улыбаясь ему снизу вверх.

Ханна открыла дверь в грязном, душном правительственном учреждении, которое было её вторым домом в течение последних пяти лет. Её не было здесь всего лишь пять дней, а

казалось, будто она отсутствовала уже несколько месяцев. Она чувствовала себя более уверенной, более решительной... но более уязвимой. Тщательно выстроенная ею стена давала трещину. Ханна впускала людей в свою жизнь.

Но она сделала это. Она убедила Джексона. Он находился в Хоупс Кроссинг, полностью готовый с головой уйти в бумажную волокиту. Ничто не могло подготовить её к его словам, о том, что он собирается удочерить Эмили. Она не знала, что побудило его передумать, и сейчас ей не хотелось это выяснять.

Они отвезли Эмили к миссис Форд, которая была в восторге от новости, что Джексон собирался удочерить свою племянницу. Ханна попросила Джексона подождать её в машине, пока она разберётся с работой. Последнее, чего она хотела, чтобы он стал свидетелем того, как она получит один из самых серьёзных выговоров от Джин. Во-первых, Ханне нужно взять ситуацию под свой контроль, а затем она позовёт Джексона, начать работу над документами.

— Добро пожаловать, — прошептала Ханна себе под нос, войдя внутрь. Старые металлические столы, которые должно быть выглядели так же некрасиво, даже когда были новыми в шестидесятых годах, затхлый запах старого офисного здания в сочетании со сгоревшим кофе напомнили Ханне, что она, на самом деле, отсутствовала долго. Маленькая мигающая Рождественская ёлка в окне, выглядела печальнее, чем песни Чарли Брауна, которые звучали из оставшегося старенького проигрывателя.

Ханна посмотрела в глаза Эллисон, которая разговаривала по телефону. Глаза её подруги выглядели так, словно они были готовы выскочить, когда Ханна вошла. Эллисон, когда Ханна подошла ближе, сделала жест рукой, будто перерезает горло, явно предупреждая её, что Джин злилась не по-детски.

— Ханна. Как мило с твоей стороны наконец появится на работе, — худощавое лицо Джин вытянулось, а её и без того маленькие глаза превратились бусинки, когда она зашагала по направлению к Ханне. Ничто так не разряжает атмосферу в отделе опеки, как офисная драма. Ханна подумала, что она ещё больше стала похожа на злую ведьму из *Волшебника из страны Оз*, за исключением того, что носила она одежду двадцать первого века, или типа того.

— Привет, Джин, — произнесла Ханна бодрым голосом, улыбаясь. Она не дала своей нервозности взять верх. Это была победа, несмотря ни на что. И никто это не изменит.

Джин внезапно остановилась перед ней, держа кружку с дымящимся кофе в руке. На кружке красовалась надпись «Лучший в Мире Босс» с выцветшими буквами, и Ханна с Эллисон всегда шутили, что Джин, вероятно, купила её себе сама.

— Ханна, на твоём столе стоит коробка со всеми твоими вещами. Забирай её и выметайся.

Ханна проигнорировала её.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я нашла дядю Эмили. Он здесь. Он собирается удочерить её. — Ханна почувствовала, как её внутренности сжались, когда Джин никак не отреагировала на её новости. Взгляд Джин был подобен взгляду мёртвой рыбы.

— Меня это не волнует. Ты перешла границы. Собирай свои вещи. Ты больше не работаешь в сфере социальных услуг.

Она знала, что это могло произойти, но думала, что если она сможет найти Джексона и убедить его согласиться на удочерение, то Джин воспримет это как победу. Она

приготовилась к испытательному сроку или выговору, но не к увольнению. Ханна сделала вдох, чтобы успокоиться. Она пыталась игнорировать Эллисон, которая изображала режущие жесты в сторону Джин с помощью своего пластикового ножа для булочек.

— Ты не понимаешь, Джин, он станет её законным опекуном.

— Я уже выбрала место, куда отправить Эмили. Ты не имела права срывать с места, чтобы разыскать этого человека. Это уже третий раз, когда ты нарушаешь политику в офисе, и ты получала предупреждение каждый раз...

— Я имела *полное* право разыскивать его. Луис хотела, чтобы он был опекуном Эмили. Он её ближайший родственник. Ты знала, что я собиралась сделать все, чтобы найти его. Речь идёт не обо мне. Речь о том, что нужно сделать правильно. Как ты собираешься отказать родственнику в его правах на удочерение?

— Давай-ка чётко разьясним, в какой ситуации мы находимся, — сказала Джин, поставив свою чашку кофе на стол Эллисон. — Ты нарушила так много правил, что я даже не могу их все вспомнить. Даже если у тебя, кажется, есть куча людей, которые покрывают твои грязные делишки, я все знаю про тебя. Это было последней каплей. Тебя чуть не изнасиловали, избили, а теперь ты похитила ребёнка. Ты приносишь слишком много неприятностей. Я должна возиться со слишком большим количеством документов из-за тебя. Твоя работа здесь закончена.

Ханна почувствовала, как её тело задрожало от ярости. Чёртова Джин и её черно-белые правила. Она всегда была в состоянии отделить эмоциональный аспект от работы. Она никогда не принимала никакого решения на основе инстинкта, но опять же, Джин и шагу не ступила за пределы офиса за последние годы. Ханна сделала глубокий вдох, когда Джин передала ей файл. Толстый. Её файл.

Ханна проигнорировала это.

— Джин, речь идёт о члене семьи. Ты знаешь, что это совершенно другое дело, как и то, что он получит приоритет. Ему не придётся и пальцем шевелить, чтобы удочерить её, — сказала она, стараясь казаться спокойной и логичной, несмотря на то, что соблазн вылить эту чашку кофе на худое тело Джин и посмотреть, растает ли она, был очень велик.

— Существуют шаги и процедуры, которые должны быть соблюдены, — она снова толкнула файл в её сторону. Ханна оттолкнула его обратно.

— И это в твоих силах, чтобы ускорить процесс и добиться этого. Это не одолжение. Луис была моим делом, и она оставила меня со своим желанием, чтобы дядя Эмили удочерил её!

Джин расхохоталась, но её смех быстро превратился в приступ кашля заядлого курильщика.

— Она, вероятно, была под кайфом, когда писала эту записку, Ханна.

— Не начинай, Джин.

— Может быть, если бы ты лучше за ней смотрела...

— Отвалите, леди.

Ханна чуть не подпрыгнула при звуке голоса Джексона. Она понятия не имела, когда он вошёл. Она медленно обернулась, смутно осознавая, что все остальные в офисе наблюдали за ними. Кроме того, она не пропустила удивлённую улыбку Эллисон. Она уже видела раньше этот тяжёлый взгляд Джексона, но сейчас его глаза были гораздо холоднее, чем в тот раз, когда взгляд был направлен на неё. Его спина была прямой, и глаза безошибочно сверкали гневом. Было странно знать, что это было сделано, чтобы защитить её. Самым шокирующим

было то, что её совершенно не раздражал тот факт, что он проигнорировал её просьбу и зашёл сюда. Её даже почти не волновало, что он слышал, что сказала Джин. Вот, значит, как это, когда кто-то встаёт на твою защиту?

— Я не должна отчитываться перед вами, сэр, — сухо сказала Джин.

— Ну, вы можете быть чертовски уверенной, что я найду того, перед кем вам придётся это сделать. Ребёнок поедет домой со мной.

Ханна почувствовала, как её гнев рассеивается. Джексон знал, как получить то, чего он хотел. Карие глаза, которые могли быть тёплыми, прямо сейчас сверкали враждебностью, которую невозможно было не ощутить, а его челюсть была сжата. О да, Джексон не на шутку разозлился. Он выглядел так неуместно в этом сером, плохо обставленном металлическом офисе. Так или иначе, даже в джинсах, мужчина излучал силу и богатство.

— Дерзайте, но когда её постоянное место размещения будет подтверждено, вас будет ожидать глубокое разочарование. Письмо вашей сестры не будет иметь никакой юридической силы в суде, а одинокий мужчина совершенно точно не является лучшим кандидатом для создания семьи, — самодовольно сказала Джин.

— Ты ей ещё не сказала Ханна? — мягко спросил Джексон, глядя на неё сверху вниз, улыбка появилась на его лице, но не отразилась в его глазах.

Ханна могла бы поклясться, что увидела, как все наклонились вперёд в своих креслах. А волнение, исходившее от её лучшей подруги, могло бы зарядить весь офис.

— Я... э-э...

О чем говорил Джексон? Ханна почувствовала, как он нежно обнял её за плечи, притягивая к себе. Что он делает?

— Почему бы тебе не рассказать ей о нашем браке? — сказал Джексон, целуя её шею. Ханна почувствовала, как подкашиваются её колени, а хватка Джексона усилилась, словно он знал, что она готова упасть.

— Брак? — спросила Джин.

Джексон кивнул.

Эллисон завизжала, вскочив так, что её кресло врезалось в стену.

Ханна украдкой наступила каблуком Джексона на ногу.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

— Вот тебе и благодарность, — хромая, проворчал Джексон, когда они оказались снаружи.

— Я знала, что ты психически нестабильный! — прошипела Ханна.

Холодный зимний воздух чувствовался хорошо на её пылающих щеках, когда они стояли на тротуаре, повернувшись лицом друг к другу. Люди проходили мимо них, был слышен звон колокольчиков Санта Клауса, но единственное, на чем Ханна могла сосредоточиться, это воспоминание о том, как Джексон говорит Джин, что завтра они женятся. Он окончательно сошёл с ума.

— Земля вызывает Джексона Пирса! — она сосредоточилась, пытаясь понять выражение его лица. Казалось, он был готов совершить убийство. Может быть, осознание того, что он предложил, наконец, дошло до него или, может быть, он действительно был расстроен, что она подвела Луис.

— О чем, черт возьми, говорила эта женщина? — его традиционно сжатая челюсть снова вернулась и Ханна знала, что он был очень сильно чем-то раздражён

— Что? Может сначала объяснишь то, о чем ты говорил? — Ханна оглянулась по

сторонам. В небольших городах всегда был кто-то, готовый подслушать разговор. Словно почувствовав её беспокойство, он схватил девушку за руку и пошёл к своей машине. Он шёл настолько быстро, что ей пришлось бежать, чтобы не отстать. Ханна резко остановилась, дёрнув его за руку, из-за чего остановился и он. Джексон повернулся, впившись в неё взглядом.

Он закрыл глаза, прежде чем заговорить:

— Давай. Садись в машину, и мы поедem.

Ханна скрестила руки на груди.

— Я никуда не поеду, пока ты не ответишь на мой вопрос, — она вскинула брови, выжидая, пока он делал несколько глубоких вдохов.

— Ханна.

— Да, — ответила она невозмутимо, все ещё держа руки скрещёнными.

Он вздохнул.

— Садись в машину, потому что каждый из этого дурацкого офиса не так уж и незаметно смотрит на нас через окно, и моя нога, кажется, требует ампутации. Так что либо поцелуй меня прямо сейчас, либо садись в машину, ладно?

Ханна обдумывала вариант с поцелуем около полусекунды.

— Хорошо, пошли к твоей машине, — надменно сказала она.

— Я надеялся, что ты согласишься со мной, — сказал он, снова схватив её за руку, и направившись к своей машине.

— Ну, у меня, на самом деле не было выбора, не так ли?

Ханна разбушевалась, когда они достигли его Range Rover. Джексон упёрся рукой о внедорожник, скрыв её от любопытных взглядов из окон офиса. Она могла понять по его глазам, что он все ещё был сердит. Он стоял так близко, что ветер был пронизан его одеколоном, и она почувствовала жар его дыхания, когда он заговорил. Она проигнорировала желание, возникающее из-за его близости. Тело бессовестно предавало разум.

— О, я дал тебе выбор, но ты струсила, — прошептал Джексон.

Ханна собиралась открыть рот, чтобы сумничать, когда Санта Клаус со звенящими колокольчиками направился к ним. Санта, как Ханна заметила, слегка прихрамывал, был очень взъерошенным, а его живот выглядел так, будто кто-то выпил слишком много пива. Джексон пихнул ему двадцать долларов, не отводя от неё взгляда. Санта наградил его звоном колокольчиков прямо в ухо. Ханна расхохоталась. Джексон тихо выругался и открыл для неё дверь. Он, садясь и закрывая за собой дверь, проворчал что-то о маленьких городах.

Через пять минут они остановились возле её дома. Это было единственное место, где они могли обеспечить себе полное уединение, но было немного тревожно осознавать, что Джексон сейчас окажется на её территории. Её дом был её собственным убежищем, единственный дом, который когда-либо по-настоящему принадлежал ей.

По дороге ни один из них не произнёс ни слова. Ханна знала, что если она заговорит, то в конечном итоге будет кричать на него и, принимая во внимание, что костяшки его пальцев побелели, когда он схватился за руль, она поняла, что он, в этот момент еле сдерживался. Что было хорошо, потому что теперь она была без работы, а Джин начала тотальную войну против неё и удочерения. Она искренне надеялась, что Джексон все ещё был таким же уверенным, как и тогда, когда сказал, что удочерит Эмили...

— Это твой дом? — спросил Джексон, заглушив машину и наклонившись вперёд, чтобы

лучше рассмотреть.

— Да, он, — сказала она по-прежнему сдержанным голосом.

Чтобы пересечь маленькую деревню Хоупс Кроссинг, потребовалось всего несколько минут. Из того что Джексон увидел в городе сквозь пелену злости, было ясно, что тот был похож на идеальное место из картины Нормана Роквелла. Милый, как-в-снежном-шаре тип деревни. Но он не очень был заинтересован в этом городе. Его ум работал сверхурочно, пытаясь обработать всю информацию. У него складывалось впечатление, что он играет главную роль в каком-то причудливом фильме о самом себе. Когда его жизнь стала настолько непредсказуемой?

Он через окно посмотрел на стоящий перед ним дом, в викторианском стиле из красного кирпича, и его горло сдавило спазмом. Он был таким чертовски идеальным. Он был маленький, с декоративной отделкой. Кедровый трос с темно-красными лентами обрамлял тяжёлый молдинг на окнах и нетронутое белое крыльцо. Урны были переполнены кедром и другой растительностью. Белые пышные снежинки, которые падали с неба, делали его ещё более волшебным.

На самом деле, на мгновение, он не мог проронить ни слова, потому что ничто и никогда в его жизни, не вызывало у него столь сильную потребность иметь свой, собственный дом. Настоящий домашний очаг. Дом. С женой. С детьми. Черт, может быть, даже с белым заборчиком. Но Джексон Пирс ни в коей мере не был мужчиной, у которого есть дом с белым заборчиком. Нет, он был парнем, который сохраняя анонимность, жил в пентхаусе с видом на красивый пейзаж. Сталь и стекло. Деньги и амбиции. Поверхностность и жадность. Одиночество.

— Это может и не особняк, Джексон, но он идеально подходит для меня.

Он услышал, как она отстегнула ремень безопасности, и знал, что она была готова выпрыгнуть из внедорожника.

— Это ты. Абсолютная ты.

Красивый, сентиментальный, ностальгический, настоящий как Ханна. Её щеки залились этим великолепным румянцем, от которого он стал зависим, как и её губы, которые заставили его проклинать тот факт, что они не переспали в ту ночь.

— О, — сказала Ханна, нахмутив лоб и продолжив смотреть на лобовое стекло.

— Что, я не получу никакого остроумного ответа? — поддразнил он, почувствовав себя на мгновение лучше. Затем он представил руки какого-то придурка на Ханне и почувствовал необходимость разбить кулаком стекло. Поэтому он нахмурился. После чего нахмурилась уже она.

— Давай зайдём внутрь и посмотрим, как мы можем исправить тот бардак, в который ты нас втянул, — она не дала ему шанса для возражений и закрыла дверь во время его ответа. Забавно, что именно она оказывает ему холодный прием.

Он последовал за ней до крытого крыльца. Им нужно было многое прояснить, это точно. Он приготовился к адской битве. Она была такой чертовски скрытной, когда дело касалось её жизни, что он задавался вопросом, как он мог чувствовать такую сильную связь с кем-то, о ком так мало знал. Но он узнал намного больше, чем рассчитывал благодаря той женщине по имени Джин.

Он ждал, пока Ханна возилась со старым замком. Через несколько мгновений он стоял в дверях, пока она вокруг включала свет. Он был поражён домашней атмосферой. Женственностью и жизнерадостностью, с бледно-жёлтыми стенами, глубокой отделкой и

молдингом, а также широкими дощатыми сосновыми полами, на которых были разбросаны яркие ковры. Он последовал за ней на кухню, где она уже начала заваривать свежий кофе. Она достала чашки и стучала используемыми вещами уж слишком громко.

— Ханна, — его голос прозвучал резче, чем он этого хотел, но ему нужны были ответы. Ему не хотелось пить кофе, и он не хотел ходить вокруг да около. — Не потрудишься ли ты мне объяснить, о чем это говорила та бой-баба?

— Что ты имеешь в виду? — сухо спросила она, расправив плечи и выпрямив спину, словно проглотила аршин. Часть его хотела сократить расстояние между ними и снять напряжение с её хрупких плеч, шепнуть на ухо и вызнать у неё все, что она от него скрывала. Но он знал, что она на это не купится. Он знал, что она воспримет это, как слабость.

— Не играй со мной в игры, Ханна.

— Я не играю в игры, — сказала она, поворачиваясь к нему лицом.

Он кивнул, смягчая свои черты, свой тон, ненавидя, что он должен спросить о том, что при одной только мысли его это убивало, не говоря уже о том, чтобы произнести это вслух.

— Ханна, она сказала, что ты была избита и почти изнасилована, — он наблюдал, как побледнело её лицо. — Что произошло?

— Это то, почему... из-за чего ты злишься? — спросила она дрожащим голосом, широко распахнув глаза, становясь такой душераздирающе уязвимой, что ему захотелось подойти и обнять её. Ханна никогда не показывала свою слабость, что означало... Его желудок скрутило, а дыхание перехватило при одной только мысли... Он получил подтверждение того, о чем он уже подозревал... Её реакция на определённые вещи... Та ночь, когда он коснулся её руки... Как она отказала ему в сексе.

— Джексон?

Он сосредоточился на её бледном лице и кивнул.

— А ты о чем подумала?

— Из-за твоей сестры, — она глубоко вздохнула, её глаза были наполнены болью. — Я виновата в том, что она убила себя. Я не увидела знаки...

— Боже, ты не можешь винить себя. Конечно, я не виню тебя за это. Как я могу? — он пересёк комнату, не в силах остановиться, не утешив её.

— Ханна, — сказал он грубо, придвинув её к себе. — Я никогда не винил тебя, — он крепко обнял её.

Он почувствовал, как напряжение покидает её тело, и она обняла его в ответ. Он хотел её успокоить, утешить. Как она могла винить себя за смерть Луис? Как она могла испытывать чувство вины сильнее, чем он? Он подвёл свою сестру. Не Ханна. Он поцеловал её в макушку, мягкие волосы на висках, его руки поглаживали уязвимое место на шее. Он хотел закрыться от всего мира и остаться в этом викторианском доме.

— Если кто-то и виноват, то это я. Я тот, кто повернулся к ней спиной.

Он никогда не признавался в этом вслух. Он провёл большую часть своей взрослой жизни, злясь на Луис, но в глубине души он знал, что это он отказался от неё. Он мог бы попробовать ещё раз. Он почувствовал, как Ханна вдохнула, чтобы успокоиться и медленно освободилась из его рук. Так же просто, как шквал облаков вдруг закрывают солнце, Ханна увеличила расстояние между ними.

Она посмотрела на него снизу вверх, и ему хотелось знать, что она видела, понимая с неким дискомфортом, что ему уже на протяжении длительного времени было плевать, кто и что о нем думает. После того как он стал богатым и успешным, он считал, что это все, что

ему нужно. Он добился этого, и ничто не могло коснуться его. Но сейчас, стоя здесь, в этой маленькой кухне, со смотрящими на него снизу вверх чудесными глазами на прекрасном лице, он поставил все это под сомнение. Все, чего он достиг, все то, чего он добился — было ли этого достаточно?

— Мы все делаем то, что должны, чтобы выжить. Ты дал ей так много. Никто не может обвинить тебя в том, что ты, наконец, решил позаботиться о самом себе.

Как она это сделала? Как она могла видеть его насквозь?

Она повернулась, чтобы взять кофе.

— Ханна?

— Ммм, — пробормотала она, обходя его, чтобы вытащить пакет молока из холодильника, как будто ничего не произошло, как если бы они были просто случайными знакомыми, которые решили выпить по чашке кофе.

— Ты так и не ответила на мой вопрос.

Он заметил, как у неё дрожали руки, когда она наливала кофе. Она была мастером увивливания.

— Ты голоден? — спросила она, вглядываясь в холодильник.

Он закрыл холодильник, и она нахмурилась, поглядывая на него снизу вверх.

— Ты не оставишь это просто так, не так ли?

Он покачал головой.

— Все, на самом деле, не столь драматично, как это могло прозвучать, — сказала Ханна, и он знал, что она пытается вести себя непринуждённо, когда она прошла мимо него, чтобы сесть за круглым столом. Он последовал за ней, захватив свою кружку кофе, садясь напротив неё.

— Значит, тебе не должно быть слишком трудно, рассказать об этом, — сказал Джексон, наблюдая, как в её глазах замерцало раздражение. Он сделал глоток кофе, плотно обхватывая пальцами кружку и ожидая момента, когда она заговорит. Он почти был уверен в её отказе говорить об этом.

Она откашлялась, сделав большой глоток.

— Это был один из моих первых случаев, на которые я была назначена. Она была подростком и жила с агрессивным отцом-алкоголиком. Короче говоря, когда она перестала отвечать на мои звонки, я узнала, что она получила одобрение на выход из нашей системы.

Она водила пальцем по гладкому ободку чашки, и он мог сказать, что она погрузилась в воспоминания. Он почувствовал, как его мышцы напрягаются в ожидании, куда заведёт эта история.

— Интуиция мне подсказывала, что дома не могло все наладиться каким-то волшебным образом. Поэтому однажды ночью я заехала к ним. Я, в общей сложности была новичком, — сказала она с небольшим смешком, в котором не было ни капли веселья. — Я услышала вопли. Мужские голоса. Потом я услышала голос Джен, но это было больше похоже на крик.

Джексон затаил дыхание, и ждал, чтобы она продолжила.

— Тогда-то я и должна была позвать на помощь, но я была молода и глупа, и я побежала туда и, Боже, какой же я получила урок в ту ночь, — сказала Ханна со смехом, который был настолько самокритичен и осудителен, что Джексон почувствовал, как сжалось его горло. Она посмотрела на потолок, смаргивая слезы, которые она не могла скрыть от него.

— Её отец ушёл, и двое его друзей прижали её к дивану, наполовину голой. И... Они мне были не по зубам, — сказала она, обратив свой взгляд на него. И в этот момент он

ненавидел больше, чем когда-либо думал, что мог ненавидеть кого-то. Ханна не отвела своего взгляда, когда продолжила.

— Они толкнули меня, прежде чем я могла убежать, прежде чем я могла сообразить, как защитить себя. Они смеялись, наносили удары везде, разорвали мою одежду. Чем больше я сопротивлялась, тем больше они смеялись. Они трогали меня, и когда я думала, что... когда я думала, что это конец, Джен подошла сзади и ударила парня, который был надо мной, сковородкой. Другого нам тоже удалось вырубить. Мы побежали к машине и поехали в полицейский участок.

Джексон разрывался между желанием обнять её и разбить что-нибудь. Он знал, что, судя по её напряжённой позе, наклону её подбородка и прохладному тону, она не хотела, чтобы он прикасался к ней. И он знал, это из-за того, что она расклеится, если он это сделает. И она потеряет контроль над своими эмоциями.

Но он не мог больше спокойно сидеть. Он не мог выбросить из головы образ Ханны, брошенной на землю, к которой прикасались эти животные. Джексон пережил свой собственный ад. Он не был наивным человеком. Но услышав, что кто-то пытался и навредил кому-то настолько доброму, о ком он заботился, ему хотелось выйти и нанести кому-нибудь серьёзные телесные повреждения.

— Они не... эмм...

Как, черт возьми, он мог закончить эту фразу? Он вцепился в толстый край соснового стола, в то время как Ханна покачала головой.

— Нет. И я не жалею, что пошла туда в ту ночь. Если бы я этого не сделала, они бы её изнасиловали, Джексон, — сказала она, эмоции вернулись, оживляя её глаза, смягчая голос... и, в конечном счёте, расплавляя его сердце. — Я только жалею, что пошла туда, не имея плана. На следующее утро я записалась на уроки по самообороне.

Он знал, что они оба думали о той ночи в его постели, когда она сказала ему, что смогла бы нокаутировать его. Он почти хотел улыбнуться, с гордостью за неё, за её силу, решимость и непоколебимое мужество. Потом он вновь подумал о прошлой ночи, когда она была в его руках и остановила его от занятия любовью с ней. Она все ещё боялась.

— Что с ними случилось?

Ханна пожала плечами.

— Отбывают срок в десять лет лишения свободы.

— Ты же знаешь, что так вышло лишь благодаря тебе.

Ханна рассеянно кивнула. Она чувствовала тепло оттого, как он смотрел на неё, от восхищения, которое она слышала в его голосе. Ханна не могла поверить, что так сильно открылась ему. Она годами не говорила о той ночи. Но она как-то почувствовала, что будет правильно поделиться этой её частью с ним. Она осознавала, как сильно он был напряжён, и видела, как во время её рассказа у него побелели костяшки пальцев. И как бы она ни отрицала, знать, что кто-то заботится о ней, было замечательным чувством. Как он позаботился о ней, когда нашёл её в снегу, так и сейчас заступился за неё перед Джин.

— Ханна, насчёт Эмили.

Ханна почувствовала, что её у неё внутри все перевернулось.

— Ты можешь воспитать её, Джексон, я знаю, что ты можешь сделать это.

— Но было бы лучше, если бы я был женат. Я хочу, чтобы у меня на руках были все карты, чтобы выиграть дело. Чтобы забрать Эмили навсегда.

Конечно, семейная пара была бы лучшим вариантом, но это не должна была быть именно она.

— Несмотря на то, что это действительно так, твоё дело имеет веские...

— Ты помнишь, что сказала мне сегодня утром?

Ханна медленно покачала головой, даже несмотря на то, что её осенило, что он имел в виду.

Он наклонился вперёд, сократив между ними расстояние за столом.

— Ты сказала, что сделаешь все, чтобы помочь мне.

Сердце Ханны яростно забилося.

— Я думаю, что женитьба выходит за рамки моей помощи.

— Воспринимай это как деловое соглашение.

Он точно спятил. Он на самом деле считал, что они должны пожениться. Он вбил себе это в свою, неоспоримо прекрасную голову, чтобы спасти свою племянницу. Теперь ему нужно было выяснить логику, и она была самым простым решением.

— Деловое соглашение?

— Ты и я женимся. Ты переезжаешь ко мне, помогаешь мне вырастить её. Я буду платить тебе за твою помощь.

— Я не позволю тебе платить мне, — Ханна скрестила руки на груди.

— Почему нет? Ты предоставляешь мне услугу.

— Так я что буду нянькой-слэш-экономкой?

— Нет, я хочу, чтобы ты помогла мне заботиться о ней. У меня уже есть экономка и повар. Мне нужно, чтобы ты направляла меня и заботилась о повседневных вещах, в которых нуждается малышка.

— Как долго будет длиться эта договорённость? Мне придётся бросить свою жизнь, продать дом и переехать на неопределённый срок?

— Ты улавливаешь смысл. И у тебя будет достаточно времени, чтобы продолжить учёбу. Я оплачу твоё обучение. Я не хочу, чтобы ты бросала учёбу.

Это было смешно. Ханна почувствовала, как нервная дрожь проползла вверх по её спине, когда он решительно на неё посмотрел. Легко ему было говорить — просто все бросить и уйти. Её домашний очаг, её дом был всем для неё. Это было первое место, которое никто не мог отнять у неё, а сейчас...

— Ханна, ты нужна мне, ты нужна Эмили.

Он нуждался в ней? Было замечательно думать, что он имел в виду её, но она знала, что он, конечно же, имел в виду, что она нужна ему для Эмили. И Эмили, как она могла расстаться с крошечным ребёнком, которого она уже отчаянно полюбила?

— Я не смогу жить с тобой, ведь ты, ты... ты...

— Красивый, богатый и неотразимый?

— Упрямый, высокомерный и властный.

— Ах, но это всего лишь маска.

— А под ней, на самом деле, скрывается парень с золотым сердцем?

— Именно.

— Значит, если я соглашусь...

— Мы поедем послезавтра в мэрию. Мои адвокаты возьмут на себя процесс удочерения. Я потеряю Эмили. Мы не потеряем её.

Ханна верила ему, но брак? Жить вместе? Она должна была думать об этом, как о

деловом соглашении. У Эмили будет большой дом со своим дядей. Ханна сможет спать по ночам, зная, что выполнила последнее желание Луис, и ей предоставлялся шанс присутствовать в жизни Эмили. Чего ещё она могла желать?

— До тех пор, если ты хочешь взять свои вещи из дома, мы закроем его, и устроим тебя в моем доме в городе, — сказал Джексон, так же небрежно, как будто упомянул захватить бутерброд на обед.

Ханна безучастно смотрела на него.

— Сейчас?

Он кивнул.

— Я думал, что мы уже обговорили это?

— Поселиться в твоём доме вот так сразу?

— Нам, очевидно, придётся жить вместе, чтобы быть семьёй, которой, по нашим словам, мы являемся, чтобы удочерить Эмили. Это твоя область знаний, Ханна. Я не тот, кто должен объяснять тебе, как это работает. Мы можем вернуться сюда на выходные или что-то вроде того.

Ханна почувствовала, как её сердце болезненно забилося.

— Джексон. Это фальшивый брак. Как только ты получишь Эмили, я буду не у дел.

Она не понимала, что эти слова могут причинить и, на самом деле, причиняли ей боль. На секунду она могла представить себя вместе с Джексоном и Эмили настоящей семьёй, но она никогда не будет подходящей женщиной для Джексона. Что тогда делать, если в один прекрасный день, когда его влечение к ней исчезнет, и он решит, что она ему больше не нужна? Она не могла позволить себе привязаться к нему, или к мысли о том, чтобы обрести с ним настоящую семью.

— Ханна, о чем ты сейчас беспокоишься?

— За какие-то два часа я потеряла работу, выхожу замуж, удочеряю малышку, переезжаю из своего дома Бог знает куда...

— В мой пентхаус, — сказал он, смеясь, — не Бог знает куда. Находится всего в часе езды отсюда.

— Ладно, значит, я оставляю свой маленький городок ради пентхауса какого-то плейбоя.

Она барабанила пальцами по столу, пока он смеялся.

— Ты действительно меня неправильно поняла, — сказал он, улыбаясь.

— У тебя имеется набор с женскими туалетными принадлежностями в коттедже.

Его громкий смех снова прервал её. Она посмотрела на него.

— Поэтому ты предположила, что я привожу к себе в дом толпы женщин, соблазняю их, а затем дарю подарочные наборы?

Его улыбка начинала беспокоить её, как и его логические объяснения.

— Ты единственная женщина, которая была в моем коттедже, Ханна, — сказал он, его голос был низким и хриплым. — А набор был оставлен дизайнером.

Она крепче сжала пальцы вокруг кружки холодного кофе.

— Это не так просто. У меня не было времени, чтобы все это переварить.

— Эй, кто кого нашёл, помнишь? — сказал он мягко.

На мгновение остановившись, она и сделала глубокий вдох. Она нашла его, и он делает именно то, чего она и хотела для Эмили. Может ли она винить его за то, что он пытается сделать так, чтобы все получилось? Так разве такое это уж и преступление — на время стать

женой Джексона? Её внутренности перевернулись. Выйти за него замуж. Притворство или нет, это имело большое значение.

— Почему бы нам не взять этот один день за один раз. Возьми свои вещи, устройся в моем доме, мы поженимся. Помоги мне подготовиться к прибытию Эмили, а там посмотрим.

— Знаешь, я вспомнила, что мне действительно нужно, эм, сделать кое-что. Я сейчас вернусь, — сказала Ханна и выскочила из комнаты. Она побежала в свою спальню, чувствуя себя полной идиоткой. Она не слышала, как он вошёл, и подпрыгнула при звуке его голоса. Джексон заполнил её крошечную спальню, как лев кукольный домик.

— Почему ты убегаешь от меня?

Она бросила свой взгляд на кучу рождественских подарков, которые она купила для Эмили. Отлично. Она могла бы упаковать их. Но когда она начала поворачиваться, Джексон осторожно протянул руку, чтобы схватить её за запястье. Она не пыталась отстраниться. Его прикосновение ощущалось, как глоток воздуха, от которого невозможно отказаться.

— Почему ты остановилась прошлой ночью?

Она почувствовала, как её лицо вспыхнуло румянцем от воспоминаний. Её взгляд метнулся к её антикварной кровати и она не могла стереть образ их двоих, расположившихся на ней. Что он сделал с ней? Она, наконец, посмотрела на него, и поняла, что он стоял слишком близко. И они оба стояли слишком близко к её кровати. Годы самоконтроля и самосохранения не имели никакой власти, когда она стояла так близко к этому человеку. И почему он так хорошо выглядит небритым? Все дело было в этой чёртовой твёрдой челюсти, и глазах, которые были так...

— Почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

Ханна посмотрела на него виновато.

— Какой был вопрос?

Затем он улыбнулся этой высокомерной, озорной улыбкой, которая больше не беспокоила её.

— Простой ночью, когда мы собирались заняться любовью.

Его голос стал хриплым, и его пальцы начали кружить на её запястье.

— Мы не собирались заниматься любовью, — сказала она, качая головой, продолжая врать сквозь зубы.

— Правда? — сказал он, опустив лицо к ней, вероятно, чтобы убедиться, что она могла видеть, что он ни на секунду не купился на её притворную наивность.

Она покачала головой.

— Неа. Это был просто...

— Ты не можешь утверждать, что это был алкоголь, так как ты находилась на собственном установленном пределе опьянения.

Она нахмурилась. Черт бы побрал его и его самодовольное напоминание.

Она скрестила руки.

— Ты очень забавный, Джексон.

Ей пришлось сделать паузу, так как не было смысла продолжать разговор, когда он смеялся.

— В одну минуту ты делишься со мной очень личной информацией, а в следующую — лжёшь.

— Я не лгу.

— Значит, ты не думаешь, что мы собирались переспать в ту ночь?

Она заставила себя посмотреть на него снизу вверх.

— Это было кратковременное отсутствие здравого смысла. Ты спас меня из пурги, так что, это естественно...

— Ты девственница, не так ли?

Джексон Пирс не имел никакого понятия о конфиденциальности. Ханне захотелось, чтобы её древний пол провалился и проглотил её.

— Что же заставляет тебя так думать?

— Я начинаю складывать два и два.

— Два и два равно четырём

Он подошёл к ней ближе. Температура её тела поднялась, по крайней мере, на десять градусов. Им нужно было оставить эту тему и её спальню.

— Знаешь, твоё увиливание только подтверждает мою теорию, — сказал он, снова сделав шаг к ней. Она отказалась отступить, дабы не выглядеть трусихой, но такая их близость никак не помогала игнорировать её влечение к нему. — Ты обычно не лжёшь, но ты мастер в увиливании.

Ханна театрально вздохнула.

— Итак, я снова спрашиваю тебя, Ханна. Ты девственница?

— Прекрати говорить это глупое слово, — сказала она, наконец, подчёркивая слово "глупое" и ткнув его в грудь.

Он усмехнулся. Низко и глубоко. Она посмотрела на него, пока он не остановился.

— Какое слово? Девственница?

Она вздохнула и сухо кивнула.

— Перестань смеяться надо мной.

— Ты думаешь, что я смеюсь над тобой?

Она кивнула.

Он двигался медленно, и у неё перехватило дыхание, когда она увидела теплоту в его глазах, которая превращала её ноги в желе. Он мягко коснулся её лица, его большой палец, задел её нижнюю губу. Она почувствовала тепло, распространяющееся по её телу и, не сумев сдержаться, повернула своё лицо к его ладони. А потом, шокируя их обоих, она поцеловала её. Она услышала низкий звук, что издал Джексон, а затем оказалась в его крепких объятиях, чувствуя тепло его твёрдого тела. Она почувствовала, что её сердце бьётся так же быстро, как и его. Все, что она делала — это чувствовала. Он осыпал поцелуями её лицо, пока не добрался до губ. Ханна не хотела ничего больше, только поцеловать его.

— Ты последний человек, над которым я когда-либо смеялся бы. Вообще, — сказал он тихим голосом.

Она почувствовала, как их тела слились, когда она обняла его.

— У меня никогда не было столько уважения к другому человеку.

Это была сладкая, сладкая пытка, слышать это, когда он прикасался к ней.

— Боже, ты заставляешь меня хотеть большего, Ханна.

Он застонал, разрушив всю её защиту. Она ответила на его поцелуй с таким же желанием, таким же пониманием. Она не могла уйти от него, от этого проблеска рая, что он ей предлагал. Он предлагал себя, свою племянницу — семью.

Джексон медленно отстранился, его глаза все ещё были тёмными от желания. Ханна почувствовала, как её тело задрожало, ощутив потерю его губ.

— Выходи за меня, — сказал он хрипло, мягко отодвигая волосы от её лица.

Ханна почувствовала, как её сердце наполнилось радостью, и она знала, что больше не может сказать нет. Она кивнула, понимая, что уже ничего и никогда не будет прежним.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

— Доброе утро, мистер Пирс.

Джексон на секунду замедлил шаг, смутно понимая, что все в офисе делают все возможное, чтобы не смотреть на него. Бюро Pierce & Dane Software было расположено на верхнем этаже одного из самых высоких зданий в центре Торонто. Джексон и Итан знали, что у них все получится в тот день, когда они смогли купить помещение, набрать персонал, и обеспечить работу бюро десять лет назад.

— Доброе, Энн, — кивнув, сказал Джексон и вновь быстро зашагал к кабинету Итана. Он постучал и вошёл, не дожидаясь ответа. Его друг оторвал взгляд от монитора и посмотрел на него с открытым ртом.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Я тоже рад тебя видеть.

Офис Итана находился рядом с его и был почти идентичным. Массивный, с современным сочетанием стекла и стали, с панорамными окнами, открывающими потрясающий вид на город.

Джексон плюхнулся напротив стола Итана, бросив свой портфель на кожаное кресло рядом с собой. Его друг продолжал смотреть на него, как будто он отрастил вторую голову. Как и все снаружи.

— Сейчас декабрь. Ты никогда не бываешь здесь в это время, — сказал Итан, нахмурившись.

— А, ты об этом, — решительно сказал он. — Я вернулся, потому что завтра женюсь.

Итан покачал головой и нервно усмехнулся. — Извини, я мог бы поклясться, что ты только что сказал мне, что женишься.

Джексон вздохнул и вытянул ноги на рабочий стол Итана, скрестив их в лодыжках. Это будет весело. — Ты не ослышался. Завтра. Женюсь.

Итан наклонился вперед. — *Ты* женишься?

— Да, — сказал Джексон, заметив, как интересно падал снег за окном, расположенном позади Итана. Забавно, что он никогда не замечал этого. Снег всегда так хорошо выглядел с этой высоты?

— На ком?

— На ком-то, кого я встретил.

— С тобой что-то случилось? Ты — Джексон Пирс, не так ли? Бесчувственный эгоцентричный, эгоистичный?

ЇЭй, эй, — сказал он, подняв руки. ЇПолегче. Я не бесчувственный.

— Не слишком рано для выпивки? — промямлил Итан, направившись к бару. Джексон не был уверен, должен ли он смеяться, оскорбиться или присоединиться к нему.

Он ждал, пока Итан присядет. — Позови Энн сюда, будь добр.

— Зачем? — спросил Итан, выглядя более обеспокоенным, чем раньше. Он заметил, что Итан выбрал кофе вместо алкоголя.

— Мне нужна её помощь со свадебными нарядами, — сказал Джексон, поглядывая на свой телефон. Он все ждал, что Ханна позвонит ему и скажет, что она передумала.

Итан громко выругался. — Планирование свадьбы?

Джексон нахмурился из-за его тона. — Да. Либо позовёшь Энн ты, либо это сделаю я.

Итан облокотился на стол. — Во-первых, скажи мне, какая женщина на земле согласилась выйти за тебя замуж.

— Ты встретишься с ней завтра.

— Почему я встречу с ней завтра? — протонал Итан, потирая виски.

— Потому, что завтра свадьба, — тяжело вздохнув, сказал Джексон. Итан посмотрел на него так, как никогда раньше не делал, а затем направился обратно к бару, на этот раз, потянувшись к виски вместо кофе.

— Слушай, приятель, ты находился чуть больше недели на своём ежегодном трёхнедельном празднике жалости к себе...

Джексон поднял руку. — Это не праздник жалости. Это отпуск для мужчин.

Итан наградил его долгим взглядом. — Если тебе от этого легче. Итак, теперь ты вернулся раньше, и говоришь мне, что ты, человек, который не встречается с одной и той же женщиной более трёх раз, женишься. *Завтра*. И эта женщина доверила тебе планирование свадьбы.

Что ж, возможно, это было немного на него не похоже. Джексон пожал плечами. — Изменение планов.

— По крайней мере, скажи мне, как вы познакомились.

— Она появилась у меня на пороге.

Он проигнорировал громкие ругательства Итана. — Значит, ты решил жениться на первой женщине, которая постучалась к тебе в дверь, в этом богом забытом коттедже черт знает где? Тебе никогда не приходило в голову, что она положила глаз на твои деньги? Я надеюсь, что ты имеешь достаточно здравого смысла, чтобы составить брачный контракт. Какая женщина будет стучать в дверь незнакомца?

Джексон подался вперед. — Очень хорошая женщина, вот кто. Она — социальный работник.

Итан громко вздохнул. — О, так она была там, чтобы проконсультировать тебя.

— Не смешно. Слушай. Короче. У моей сестры был... — Джексон откашлялся, стараясь проглотить странный комок, который образовывался в горле каждый раз, когда он думал о Луис и Эмили. — Моя сестра родила ребёнка, перед тем как умерла. И эта женщина — Ханна, была социальным работником Луис. Самый верный способ получить опеку над ребёнком, это жениться. — Итан знал все о его ненормальной семейке, включая его отношения с Луис. Джексон неловко поёрзал в своём кресле. Любое сочувствие от Итана будет отвратительным и неудобным.

Итан поднял взгляд от пустого стакана и хрипло прошептал: — Ты собираешься ещё стать и отцом?

Джексон тихо выругался и наклонился вперёд, нажав кнопку на телефоне Итана, чтобы соединить его с Энн. Этот разговор продолжался достаточно долго.

Энн бесцеремонно вошла в кабинет. — Мистер Пирс, как приятно видеть вас в это время года, — сказала она, садясь напротив него с блокнотом на коленях.

Джексон заметил, какой формальной и натянутой была её поза. Он заставлял её нервничать? Если подумать, все вели себя подобным образом рядом с ним. Когда же это произошло? Конечно, из них двоих, Итан всегда был более общительным, но люди на самом деле начали бояться его?

— Спасибо, Энн. Я тоже рад видеть тебя. Мне нужна твоя помощь в довольно странном

проекте, — сказал он, стараясь казаться расслабленным и милым в то время, как она приготовила свою ручку, наклонив голову в его сторону.

— Я завтра женюсь. — Джексон сделал паузу, когда запястье Энн дёрнулось в сторону и прочертило волнистую линию по чистой странице. Она быстро покраснела и подняла глаза, переворачивая страницу. Джексон проигнорировал столь очевидный смех Итана, и продолжил. — Мне нужна помощь с деталями.

Энн кивнула, выглядя так, словно её охватила паника.

— Это адрес, — сказал он, протягивая ей листок бумаги. — Мне нужно много, очень много белых и красных роз. И эти зелёные рождественские пушистые шкуки.

Энн посмотрела на него в ужасе. Джексон попытался улыбнуться. — Я доверяю тебе, Энн. Что-то милое.

Она медленно кивнула, и бросила взгляд в сторону Итана. Итан поднял руки и откинулся на спинку стула.

— Да, и ещё те ветви с красными ягодами на них?

— Э-э, я думаю, вы имеете в виду ветки остролистника, мистер Пирс.

Джексон щёлкнул пальцами. — Да, идеально. Парочку этих тоже. И свечи, — сказал Джексон, снова не обращая внимания на громкие звуки, издаваемые Итаном.

— Нужно ли Энн позаботиться также и о свадебном платье? — растягивая слова, задал вопрос Итан.

Джексон сердито посмотрел на него. — Нет, я сделаю это сам.

— Боже мой, — сказал Итан, качая головой.

— И последнее, мне нужно, чтобы ты разыскала эту пару рядом с моим коттеджем. Фамилия Сэмпсон. Убедись, что они будут присутствовать на свадьбе. Отправь за ними машину или что-то вроде этого. Я не думаю, что они смогут добраться на санях.

— Что, черт возьми, произошло в том коттедже? — взревел Итан.

Энн нервно переводила взгляд между ними. Джексон проигнорировал его. — Свадьба в пять часов. Ладно? У тебя есть все, что нужно?

Энн медленно кивнула, и Джексон мог поклясться, что она сдерживалась изо всех сил, стараясь не задавать никаких вопросов.

— О, Энн, ещё одна вещь. Ты дала адрес моего коттеджа той женщине?

Бледное лицо Энн стало ярко-красным, а её подбородок дрогнул. — Я, э-э, мне так жаль, мистер Пирс. Она была такой убедительной, и она сказала, что это был вопрос жизни и смерти.

Джексон проглотил свой смех. — Да, я знаком с этой фразой. Все в порядке. Спасибо за твою помощь, Энн, — сказал он, поднявшись, и пересёк кабинет. Ему нужно было сделать сегодня ещё массу дел, подумал он, мысленно вычёркивая пункт «сказать Итану» из своего списка. Он остановился у двери и посмотрел на своего друга и Энн.

— Энн, сделай завтра всем выходной.

От удивления Энн открыла рот и перевела взгляд на Итана. Итан пожал плечами.

— Итан, убедись, что появишься завтра по этому адресу к четырём Ты мой шафер, — с этими словами он вышел из кабинета.

— Я не могу поверить, что ты выходишь замуж, — сказала Эллисон, когда Ханна обувала туфли кремового цвета, стоя перед зеркалом в полный рост, которое располагалось в холле её дома.

Ханна покачала головой. — Как и я. — Она не смогла заснуть ночью. Все её мысли были заняты фиктивным браком, который должен был вот-вот состояться. Конечно, она понимала, что у них, на самом деле, нет выбора, если они хотят удочерить Эмили. Неужели от одной лишь мысли о том, чтобы быть женой Джексона Пирса у неё мурашки пробежали по коже? Ну, да, хорошо. Но это ещё не означает, что им предназначалось заключить брак на всю жизнь. Она взглянула на Эмили, которая смотрела на неё, посасывая свою розовую соску. Она улыбнулась малышке, засмеявшись, когда Эмили улыбнулась ей в ответ и выронила соску. Глядя на этого прелестного ребёнка, у неё не было никаких сомнений — она сможет обеспечить Эмили настоящий дом. Она собиралась сделать то, что никто никогда не был готов сделать для неё, и ничто, *ничто* больше не имело значения.

— Я не знала, что Эмили идёт с нами, — сказала Эллисон, присев на корточки, чтобы пощекотать пальцы Эмили.

— Как и я. Миссис Форд позвонила этим утром, сказав, что Джексон спросил её, не могла бы она позволить Эмили приехать на свадьбу.

— Ничего себе, она тотчас же согласилась? — поднимаясь, спросила Эллисон.

— Он может быть очень убедительным, — сказала Ханна, разглаживая ладонью простой белоснежный костюм. Она прикусила нижнюю губу, когда смотрела на своё отражение в зеркале. Она выглядела, как женщина, которая собирается на деловую встречу. Конечно, её волосы выглядели хорошо, она оставила их распущенными, и они естественно спадали вокруг её плеч. Это не имело никакого отношения к тому, что она не могла перестать думать о Джексоне, проводящем пальцами по её волосам. И дополнительный мазок блеска для губ? Просто для защиты от влаги против суровой ветреной зимы.

— И очень сексуальным, — сказала Эллисон с ухмылкой.

Ханна отказалась клюнуть на это. Она и так уже терзалась — если Эллисон обнаружит слабое место в её броне, ей крышка. — Кто, Джексон? Ну, если тебе нравится такой типаж.

— Э-э, если ты живая, дышащая женщина, тебе понравится такой типаж. Даже не пытайся отрицать то, что он нравится тебе, Ханна. Ты так и не сказала мне, что произошло в том коттедже.

Ханна нахмурилась. — Я потратила все время, пытаюсь убедить его удочерить Эмили. Я сказала тебе, мы это делаем только ради Эмили. Вот и все.

— Угу, — сказала Эллисон, её лукавая улыбка превратилась в широкую я-не-верю-ни-единому-слову ухмылку.

— Я практически не знаю этого мужчину, — сказала Ханна, схватив сумочку и избегая зрительного контакта.

— Правда? А выглядело так, будто вы очень хорошо знаете друг друга, он ведь так галантно тебя спас.

— Он спас свою *племянницу*. Вот и все.

— Я знаю тебя, Ханна. В этом кроется нечто большее, — сказала Эллисон, в её голосе больше не было насмешки.

Ханна заправила волосы за ухо. — Я не знаю, что тебе сказать. Он отличается от всех, кого я когда-либо встречала. И у него есть серьёзные проблемы. Но есть ещё кое-что, — сказала она, пытаясь выразить словами то, чего она действительно не понимала сама. — Он заставляет меня чувствовать безопасность и страх одновременно. Это похоже на безумие, не правда ли?

— Нет, это похоже на любовь, — прошептала Эллисон.

Ханна отмахнулась от этого понятия. Она не могла так никого любить, и она была достаточно мудрой, чтобы знать, что никто не полюбит так сильно её. Её мечты о и-жили-они-долго-и-счастливо были просто мечтами.

Шуршание гравия под тяжестью приближающегося автомобиля позволило Ханне избежать каких-либо дальнейших вопросов. Взгляд Эллисон какое-то время был прикован к Ханне прежде, чем она подбежала к окну, отодвигая занавес. — Так-так, чёрный лимузин Ауди.

Ханна нервно сглотнула и почувствовала, как к её лицу прилил жар. Это сделал Джексон? Он не говорил ей, что пришлёт лимузин.

— Теперь мне интересно, кто бы мог это сделать? Не тот ли высокий, темноволосый, красивый мужчина, который собирается стать твоим мужем? — спросила Эллисон, постукивая наманикюренным пальцем по подбородку, даже не пытаясь сдержать усмешку. — А вот и водитель. — Эллисон распахнула входную дверь прежде, чем он смог позвонить в дверной звонок.

— Мисс Вудс? — спросил мужчина без всякого выражения на лице, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Она прямо там, — сказала Эллисон, открыв дверь ещё шире.

— Да, — сказала Ханна, бросив суровый взгляд на Эллисон.

— Я здесь, чтобы доставить Вас к церкви, — любезно сказал он, делая жест рукой в сторону ожидающего лимузина.

Глаза Ханны метнулись от блестящего чёрного лимузина к мужчине. — Церкви? — Они должны были встретиться в мэрии. словно почувствовав замешательство Ханны, водитель вытащил конверт из внутреннего кармана своего безупречного чёрного пальто.

— Мисс Вудс, это от мистера Пирса, — сказал он с улыбкой, подавая ей белый конверт. Ханна взглянула на подругу, покачав головой, и отвернулась, чтобы получить немного личного пространства. Толстый, чёрный жирный шрифт выделялся на белой карточке.

Ханна, изменение планов. Вместо мэрии встретимся в часовне. Джексон.

А потом, как будто он ожидал её реакции, он нацарапал «*Пожалуйста*» вниз. Ханна почувствовала, как её сердцебиение набирает обороты. Свадьба в часовне вместо мэрии гораздо больше похожа на настоящую, чем на простую формальность. Зачем он это делает? Почему он не придерживается этого простого делового соглашения, как они планировали? Она сжимала записку, пока углы не начали скручиваться. Страх держал её в плену, приковал её ноги к полу, погружая в зыбучие пески, наполненные зловещими предупреждениями.

— Итак, давай покончим с этим фальшивым браком, да, Ханна, — сказала Элли со смехом, что вернуло Ханну обратно в реальность. Она моргнула, заставляя себя двигаться. Эллисон усадила Эмили в детское кресло и потащила Ханну на крыльцо.

— Не смешно, Элли. — Она молча проклинала Джексона пока они следовали за водителем к ожидающему лимузину. Может быть, она могла бы попробовать написать ему сообщение на пути к часовне, требуя хоть какого-то объяснения. А потом она поняла, что у неё даже нет его номера. Как можно выходить замуж, не зная даже номера мобильного телефона своего жениха?

— Прекрати паниковать и забирайся в лимузин, — смеясь, сказала её подруга, когда Ханна как вкопанная остановилась рядом с машиной. Ханна кивнула. Она сама себя подставляла под то, что могло разбить ей сердце, с ужасом осознала она, когда опустилась на мягкие кожаные сиденья лимузина.

Спустя немногим более часа, и около пятисот вопросов, лимузин мягко остановился возле обшитой белой вагонкой церкви. Она была расположена в сельской местности, окружённая заснеженными холмами и высокими деревьями, ветви которых прогнулись под тяжестью снега. Несмотря на то, что они были всего лишь в получасе езды к северу от города, казалось, они находились очень далеко. Район ей совершенно незнаком, глядя в окно подумала Ханна. На стоянке стояло три автомобиля. Единственный, который она могла узнать, был Range Rover Джексона.

— Как мило. Прямо как из картины Триши Ромэнс, — прошептала Эллисон, её лицо практически прижалось к окну.

Они ступили на недавно расчищенную и посыпанную дорожку, которая вела к церкви. Чем ближе они подходили, тем больше Ханна нервничала. Водитель распахнул дверь церкви, и у Ханны перехватило дыхание, и ей пришлось опустить автокресло. Она совершенно не знала Джексона Пирса.

Белые и красные розы, веточки падуба и кедра в элегантных серебристых вазах выстроились у прохода и украшали алтарь. Канделябры и ароматические кремового цвета свечи в подсвечниках создавали тёплое, романтическое сияние. Крошечная церковь, которой было, по крайней мере, сто лет, была простой, но ностальгически обаятельной и совершенно восхитительной.

— Сюда, дамы, — женщина позвала их, и Ханна оторвала взгляд от пустого алтаря, посмотрев в направлении голоса. Женщина, которую она не узнала, улыбалась им, как будто они все были старыми друзьями. Она была в преклонных годах, но все ещё статной. Женщина помахала им, указывая на комнату в конце коридора.

— Пойдём, — сказала Эллисон, схватив её за руку и взяв ребёнка, как будто бы знала, что Ханна была готова убежать. — Нам лучше поторопиться, — прошептала Эллисон, в её голосе была слышна улыбка. — Эта свадьба, которая является чистой формальностью, должна начаться в ближайшее время.

Ханна почувствовала, как её внутренности сжались. Она не могла сделать это. Она не могла вступить в фиктивный брак, который выглядел так... реально. Это была не мэрия; это было место, где женятся два влюблённых человека.

Они проследовали за седовласой женщиной в небольшую комнату. Запах роз заставил её почувствовать, словно они были в саду в тёплый июльский день. Десятки роз стояли в серебряных вазах. Из-за страха Ханна чувствовала себя на грани срыва. Женщина, стоявшая в центре комнаты, улыбнулась ей.

— Здравствуйте, дамы, меня зовут Гвендолин, и я жена священника Холбрук, — сказала она. — Он будет проводить сегодняшнюю церемонию.

— Привет, — сказали Ханна и Эллисон в унисон. Ханна почувствовала, словно они стали двумя детьми, когда позволили этой женщине взять на себя контроль.

— Боже мой, — выдохнула Эллисон, сжимая руку Ханны и указывая на что-то.

Это было платье, нет, шикарное платье. Длинное, украшенное матовым бисером платье висело на напольном зеркале из красного дерева. Глаза Ханны задержались на изысканной отделке бисером, отметив, как она изящно мерцала и переливалась в свете ламп, очевидно ручная работа, выполненная в деталях. Это была, попросту говоря, самая восхитительная вещь, которую она когда-либо видела.

— Боже мой, — снова сказала Эллисон.

— Что это? — прошептала Ханна, подходя к платью, чувствуя себя кем-то между Золушкой и Алисой в стране чудес. Ханна протянула руку, чтобы кончиками пальцев дотронуться до шелка и бисера. Она быстро опустила руку, чувствуя вину, как ребёнок, которого поймали с поличным. Может быть, это была часть той маленькой девочки в ней, которой никто никогда раньше не дарил ничего особенного, или, может быть, это была женщина, которая никогда не думала, что когда-либо наденет такое платье. Это было слишком хорошо.

— Я не могу это надеть, — сказала Ханна, качая головой. Она не собиралась принимать участие в игре, которую затеял Джексон. Она не могла претендовать на место настоящей невесты.

— Моя дорогая, не могли бы вы сообщить жениху, что вы с Ханной приехали? — сказала жена священника со спокойной улыбкой, когда выталкивала Эллисон из комнаты. Эллисон, впервые с тех пор, как Ханна познакомилась с ней, не смогла ничего сказать. Миссис Холбрук закрыла дверь и повернулась, чтобы посмотреть на Ханну.

Ханна покачала головой, когда женщина подошла к ней.

— Мне нужно поговорить с Джексонем, это не то, на что я соглашалась...

— Я знала Джексона ещё когда он был ребёнком, — сказала миссис Холбрук. Она сократила расстояние между ними, все ещё со спокойной улыбкой на лице, и начала растёгивать пальто Ханны. Ханна была слишком потрясена смелостью женщины, чтобы сказать что-нибудь. Женщина обладала властными манерами, но в то же время её присутствие было успокаивающим и утешающим.

— Каждое воскресенье он приходил в церковь со своей матерью и сестрой, — сказала она, положив пальто Ханны на кресло. Ханна попыталась представить Джексона ребёнком — Он всегда держал руку матери и помогал со своей младшей сестрой. Он был таким красивым маленьким мальчиком, даже тогда, с большими карими глазами и копной каштановых волос на голове. Иногда его глаза блестели озорством, но когда его мать заболела, они потеряли свою искру. — Ханна почувствовала, как комок подходит к горлу и не возразила, когда женщина начала снимать с неё пиджак.

— Его мать была замечательной женщиной — сильной и доброй, и любящей. Она любила своих детей всем сердцем, вплоть до самого конца. И знаете, Джексон, — прошептала она, и Ханна могла бы поклясться, что увидела, как женщина сморгнула слезы, когда помогала Ханне снять одежду. Ханна затаила дыхание, едва заботясь о том, что стояла в комнате только в своём нижнем белье. Миссис Холбрук сняла платье с вешалки. — Джексон провожал свою мать в церковь каждое воскресенье. И когда она была слишком больна, чтобы ходить, он привозил её на коляске, в то же время держа за руку свою сестру. — Она надела платье через голову Ханны, прохладный шёлк которого скользнул по её телу, но Ханна едва заметила это, слушая и пытаясь переварить это беглое знакомство с прошлым Джексона. Женщина застегнула платье стремительными, нежными движениями, и Ханна почувствовала, как оно облегает её фигуру, словно было сшито специально для неё.

— В последний раз я видела Джексона на похоронах его матери. Ему было всего лишь десять лет, и я никогда не забуду его лицо в тот день. Слезы лились у него из глаз, но он не издал ни звука, просто обнимал свою сестру. Это был последний раз, когда я видела его, пока однажды ночью он не постучал в мою дверь, рассказывая мне о вас, Эмили, о своей сестре.

Женщина медленно повернула Ханну лицом к напольному зеркалу. Она удерживала взгляд Ханны в зеркале, её глаза были искренними. — Он сказал мне, какая вы храбрая, какая особенная, — тихо прошептала она, нежно улыбаясь, когда глаза Ханны наполнились слезами. Джексон сказал это о ней? Она едва узнала своё отражение. Кто была эта женщина с эмоциями, отражавшимися в её взгляде, заставляющими сверкать и сиять её глаза? А платье... Бретели на обнажённых плечах подчёркивали её сливочную кожу, спереди платье имело слишком низкий вырез, намного ниже, чем она осмелилась бы надеть, но она должна была признать, что платье сидело на ней хорошо, облегая её фигуру, которую она обычно прятала. Оно облегало её талию, как перчатка, а затем постепенно расширялось к низу, ложась мягкими фалдами. Джексон выбрал это для неё?

— Ты выглядишь замечательно, дорогая моя. — Женщина просияла, и Ханна действительно, в тот момент, чувствовала себя Золушкой. Ну что плохого, если она позволит себе эту фантазию? Ну что плохого, если она будет наслаждаться этим великолепным платьем? Она подумала о ночи в своей комнате, когда он прошептал ей: " *я никогда не имел столько уважения к другому человеку... выйди за меня завтра, Ханна*". Она почувствовала, как сладкая дрожь пронеслась по её обнажённым рукам. Она дурачила себя, если думала, что они делают это исключительно ради долга.

— И этот прелестный маленький ребёнок, — сказала она, присев на корточки перед Эмили, — это должно быть маленькая девочка Луис. — Ребёнок смотрел на неё широко раскрытыми голубыми глазами, взгляд которых остановился на улыбке женщины. А когда Ханна подумала, что Джексон не мог сделать что-нибудь ещё, чтобы удивить её, миссис Холбрук открыла небольшой шкаф позади Эмили, и вытащила ангельское шёлковое платье цвета слоновой кости с розовыми крошечными бутонами вокруг талии.

— Это Джексон выбрал для этой маленькой малышки, — сказала она, показывая платье Ханне.

— Джексон выбрал это для неё?

Миссис Холбрук кивнула. — Да, он выбрал оба платья. Он сказал, что, когда он увидел ваше платье в витрине ателье, он понял, что оно для вас. Он немного колебался насчёт платья Эмили, спросив меня, подходит ли размер. — Миссис Холбрук уже отстегнула ремень безопасности на автокресле Эмили, как будто бы знала, что Ханна была не в состоянии двигаться.

— Я не знаю, что он делает, — прошептала Ханна, на самом деле ни к кому не обращаясь.

— Джексон точно знает, что он делает, Ханна. Вы то, что ему нужно, моя дорогая, — сказала женщина с ободряющей улыбкой, поднявшись на ноги и держа Эмили в руках. — И вскоре вы поймёте, что Джексон именно то, что нужно вам.

Джексон нервничал... нет, *боялся*, впервые за очень долгое время, пока стоял у алтаря. Пошлёт ли Ханна его к черту? Уйдёт ли, как только поймёт, что он изменил их планы? Понравится ли ей платье?

В тот же день, после того, как он отвёз Ханну домой, и поехал обратно в город, он не мог отделаться от ощущения, что жениться в мэрии было неправильно. Для Ханны это было неправильно. Он хотел, чтобы у неё было всё, всё самое лучшее. После того, что она сказала ему в своём доме, о своём прошлом, он хотел, чтобы она почувствовала себя особенной. Он изо всех сил старался убедить себя, что это просто влечение к красивой женщине, но он

понимал, что это было ложью. Если бы это было правдой, он не связался бы с семьёй Холбрук. Он не купил бы платье, которое, как он знал, идеально подойдёт Ханне потому, что он запомнил каждый дюйм, каждый соблазнительный изгиб её тела. Он не выбрал бы именно ту церковь, которая многое для него значила. Он никогда не впустил бы её в эту часть своего прошлого.

— Джексон, приятель, ты выглядишь, как будто тебя сейчас стошнит. — Итан засмеялся, хлопнув его по спине. Джексон сдержал проклятия, взглянув на человека, которого он считал своим лучшим другом. Итан, казалось, оправился от шока со вчерашнего дня. Сегодня он был просто слишком раздражающим, задавая ему вопросы, связанные с чувствами. Он не собирался вступать в эту дискуссию с парнем, у которого отношения с женщинами были ещё хуже, чем у него.

— Меня не стошнит, идиот, — сказал он, поправляя галстук, и задумался, не этим ли объясняется чувство дискомфорта внутри, которое он испытывал.

Его друг качался на пятках туда-сюда и выглядел слишком счастливым. — Ты пил?

Итан сердито посмотрел на него. — Нет. Но кто эти люди, которые продолжают махать тебе? — пробурчал Итан себе под нос.

Джексон выдавил улыбку и помахал мистеру и миссис Сэмпсон. — Друзья жениха.

— Кто это? — сказал Итан, когда красивая, стройная брюнетка появилась в начале прохода, а затем начала приближаться к ним.

— Лучшая подруга Ханны, Эллисон. Они работают вместе. И руки прочь. Она не твой тип. — вырвалось у Джексона, когда Эллисон подошла к ним.

— Что это должно означать?

— Она хорошая, — сказал Джексон шёпотом

— Ханна будет через минуту, — сказала Эллисон, широко улыбаясь. Джексон пытался не показывать своего облегчения.

— Спасибо, — сказал он, направив свой взгляд от неё к задней части церкви. Эллисон подмигнула ему, а затем ушла.

Ханна находилась в начале прохода и была ещё красивее, чем он себе представлял, что-то между ангелом и богиней. Он не мог прочесть выражение в её глазах, но мог поспорить, что она разрывалась между яростью и замешательством. Его сердце сжалось, когда Эллисон и Эмили прошли прямо по проходу. Маленькая Эмили вызвала в нем такое всепоглощающее чувство любви, что он опешил.

Джексон услышал, как пожилой священник его юности направился к алтарю, чтобы присоединиться к нему. Он ободряюще кивнул Джексону, так же, как и раньше, когда Джексон был мальчиком, приходя в церковь вместе с матерью и сестрой. Он так давно отвернулся от своей веры. Но вчера в машине, после проведённого времени с Ханной и своей племянницей, Джексон почувствовал необъяснимую тягу прийти сюда, как будто это место могло вернуть его в период мира и спокойствия. Все вокруг него исчезло, пока Ханна шла по проходу с простым букетом из роз кремового цвета в руке.

Ханна едва ли замечала хоть что-нибудь, кроме Джексона. И, боже, там было на что посмотреть. Высокий и стройный, с широкими плечами и благородным взглядом, он был человеком, который мог бы остановить движение. Он стоял в тёмно-сером костюме, ожидая, и смотрел на неё глазами, искрящимися от волнения. Она увидела намёк на эту уязвимость, когда уголок его рта поднялся. Как только она встала рядом с ним, он взял её за руку.

— Это не мэрия, Джексон.

Он тихо хмыкнул, заставив её забыть все причины, почему это было безумием. — Мэрия слишком проста для тебя, Ханна, — прошептал он хрипло, сжимая её руку. — Ты прекрасно выглядишь.

— Сэмпсоны здесь, — сказала она, сжимая его руку в ответ.

Она не забудет улыбку, которой он её наградил. — Я знаю, как ты их любишь. Единственная проблема заключается в том, что они думают, что я глухой, поэтому кричали от самого прохода. — Ханна проглотила нервный смешок и уставилась на него на мгновение дольше, не веря, что это был тот же человек, что и неделю назад.

Это была настоящая свадьба, подумала она, когда священник начал говорить. Слова плыли по воздуху, и Ханна услышала, как даёт обещания человеку, чей взгляд говорил ей, что он воспринимает все это очень серьёзно. Когда он говорил свои обеты этим глубоким, уверенным голосом, вся неуверенность улетучилась до последней капли. И когда пришло время обменяться кольцами, Джексон вытащил из кармана два кольца, прежде чем она смогла запаниковать. На его губах играла лёгкая улыбка, когда он спокойно надел ей на палец кольцо. Она посмотрела вниз на обручальное кольцо, поражаясь красоте изящных филигранных и мерцающих бриллиантов. Затем он передал ей своё широкое, простое из белого золота обручальное кольцо. Её руки дрожали, когда она продвигала его на пальце, их символ единства.

И, наконец, Джексон наклонился и подарил ей сладкий, нежный поцелуй, который вызвал слезы на её глазах, и заставил сцепить их руки.

— Привет, миссис Пирс, — прошептал Джексон у её губ.

Она сжала его руки, ощущая плотные мышцы под кончиками пальцев. — Я никогда не говорила, что поменяю свою фамилию.

Джексон засмеялся и снова поцеловал её.

Сэмпсоны, Итан и Эллисон аплодировали. Ханне даже показалось, что она услышала звенящие колокольчики. Эмили выбрала этот момент, чтобы взволновать их своим собственным визгом восторга. В этот момент она была ближе всего к своей мечте иметь семью, подумала Ханна, когда они втроём стояли вместе.

И если она смогла так близко приблизиться к своей мечте, то она умрёт счастливой женщиной.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Джексон одной рукой придерживал для неё дверь, а другой — нёс её багаж. Ханна послала ему небольшую улыбку, прежде чем пройти мимо него прямо в его пентхаус. Он положил её сумку на пол и включил настольную лампу в фойе. Ханна проигнорировала нервное чувство внутри, которое сопровождало её от церкви до самого города. Они отвезли Эмили в дом миссис Форд, зная, что на следующей неделе они смогут вернуться домой вместе с ней. Поездка была спокойной, большая часть свадебного волнения медленно перетекла в нервозность, когда реальность того, что она собиралась переехать к Джексону, дала о себе знать.

— Пойдём, я устрою тебе экскурсию, — сказал Джексон, его глубокий голос звучал громко в тишине мансарды. Он взял её за руку, и повёл внутрь. Ей было любопытно увидеть его дом, и она нервничала, вот так просто находясь здесь с ним. Основное освещение было все ещё выключено, и комната, сквозь сверкающие в десять футов окна, была залита светом мерцающих огней Торонто. Это была впечатляющая комната, заполненная кожей, стеклом, и

тёмным деревом. Потрясающая, но безликая, холодная, и совершенно не похожа на человека, которого ей удалось узнать.

— Что думаешь? — Он ослабил галстук, когда стал в центре комнаты.

Ханне с трудом удавалось придумать умный ответ, ведь её отвлекало то, как он выглядел. Образ, как в коттедже их тела переплетаются, захватил её. Она вспомнила, точный оттенок его кожи, его мужской запах, каждую чётко очерченную мышцу, и как великолепно он чувствовался, прикасаясь к её обнажённому телу.

— Ханна?

Она попыталась наградить его обычной улыбкой и отвела от него свой взгляд, пока не покраснела. — Она такая, как я и предполагала.

— Почему это не звучит как комплимент?

— Это, гм... — Она закусил губу. — Как бы мне выразиться? Это очень хорошее место для кого-то вроде тебя. — *Вот.*

Его улыбка стала шире, и она подавила желание подогнуть пальчики на ногах. Его улыбка должна идти с прилагающимся предупреждением. Слова Эллисон о его внешности всплыли в её голове, и она мгновенно отвела от него взгляд. Этот вечер будет ещё более неловким, чем она первоначально думала, и они ещё даже не заглянули в спальню.

— Кого-то вроде меня?

— Ну, нет, на самом деле, это не так, — сказала она, хмурясь, когда он снял пиджак. Стройное, подтянутое тело было прекрасно подчёркнуто отлично сшитым костюмом. Он был прекрасным мужчиной. Она знала это ещё в коттедже. Но, вид на то, во что он одет, напомнил ей о другой его стороне — успешном, влиятельном миллионере.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хм? — Она оторвала свой взгляд, и попыталась вспомнить, о чем они говорили. Она сняла туфли, рассеянно касаясь расшитого бисером великолепного платья, которое он для неё выбрал. Он сказал миссис Холбрук, что она была особенной.

— Я думаю, ты готовилась оскорблять меня, — сказал он, подойдя к бару. Когда он снова послал ей эту мальчишескую усмешку, образ его в детстве, как он в церкви помогал своей матери с Луис, возник в её сознании. Утром, пару дней тому назад, Ханна представляла, как он говорит ей, что собирается удочерить Эмили. И тут она вспомнила о нем сегодня в церкви, которую он заполнил цветами и выглядел красивее, чем кто-либо, кого она когда-либо видела.

— Ханна? — спросил он и его голос прозвучал немного грубо.

— Я пыталась придумать что-нибудь умное, — сказала она, на её глаза навернулись слезы, когда он от беспокойства нахмурился. Она глубоко вдохнула и, отбрасывая свой страх быть отвергнутой, сказала чистую правду, какую когда-либо кому-то говорила. — Спасибо за сегодня. Спасибо за это платье, — сказала она, стараясь не беспокоиться из-за того, что его глаза блестели, выражая эмоцию, которую она никогда раньше не видела. *Сделай это, Ханна. Скажи это.*

— Спасибо за то, что заставил меня почувствовать себя особенной. — Она глубоко вдохнула, стараясь не заплакать. Она не собиралась прятаться от него, подняв дрожащий подбородок, подумала она. Этот человек заставил её чувствовать себя более важной и более желанной, чем кто-либо, кого она знала.

Джексон перестал дышать, потому что внезапно из комнаты исчез весь воздух. Все, что

ему было нужно, чтобы дышать — это была она. Его грудь запульсировала незнакомой, всепоглощающей болью. Черт, она имела власть поставить его на колени. Она забрала всю вину, которую он возложил на себя, и исцелила его. Она увидела что-то в нем, что заставило его чувствовать себя хорошо, и он поблагодарил Бога, к которому он не обращался в течение десятилетий, за неё.

Джексон взял её лицо в свои ладони, потому что он не мог не прикоснуться к ней. Он отказывался дальше скрывать свои чувства, он нуждался в ней, и он был уверен, что и она также нуждалась в нем. Он говорил себе, что сегодня не прикоснётся к ней. Он будет ждать, когда она сама придёт к нему, но её слова, её откровенность потрясли его до глубины души.

— Спасибо. — Он сделал паузу, её взгляд был сосредоточен на нем, её тело было напряжено. — Спасибо за то, что постучала в мою дверь, что спасла меня и Эмили. — Её мягкая кожа находилась в его руках, и он знал, что сегодня не будет никакого пути назад. Он прочёл желание на её лице, в том, как поднималась и опускалась её грудь, и знал, что она хотела его так же сильно, как и он её. — Благодаря тебе мне хочется верить, Ханна. Во все это. — Он склонился к её губам.

— Я доверяю тебе, Джексон. — Её слова разогнали его кровь, заставляя её течь ещё быстрее. Она приоткрыла рот, её язык, лаская, встретил его, и он застонал от её сладкой капитуляции. Она прижалась к нему, и он почувствовал себя так, как будто её тело было единственным, которое он когда-либо знал. Он почувствовал, как её руки легли на его затылок, а затем спустились ниже, касаясь его груди, рук.

Ханна слышала, как он втянул в себя воздух, скользя руками по нему, она испытывала наслаждение, ощущая пульсацию его мышц. Он издал глубокий приглушённый стон, и подхватил её на руки, оказавшись сверху над ним, она удивилась, что вовсе не испугалась. Он заставил её отбросить все мысли, все воспоминания. Он заставил её *чувствовать*. Когда его губы боготворили её кожу, её губы, и, когда его сильные руки боготворили её тело — её единственная мысль была о чистой, сладкой потребности. Ей нужен был Джексон, ей нужно было быть с ним, чтобы он заполнил эту пустоту тем, чего ей не хватало всю жизнь.

— Джексон, — сказала она. Его рука обхватила её грудь. Он не ответил, лишь только издал хриплый звук, а его большой палец задел её сосок. И когда у неё от чистого наслаждения перехватило дыхание, он обхватил её ягодицы, поднял её выше, напротив себя, и опустил голову, чтобы через платье заняться любовью с её соском.

— О, — она громко застонала, и схватилась за его плечи, даже не понимая, что говорит. Она слышала, как он выругался, и в следующее мгновение она оказалась у него на руках, его рот все ещё сливался с её, и он нёс её в большую спальню, освещённую заревом заходящего солнца. Он положил её на кровать и Ханна протянула руку, чтобы притянуть его к себе ближе, не в силах вынести хоть какое-то расстояние между ними. Она провела свою жизнь, не зная о его существовании, и теперь мельчайшая секунда без него была пыткой.

Он высвободил её из платья. Она возилась с пуговицами на его рубашке. Он расстегнул её кружевной бюстгальтер цвета слоновой кости и опустился на неё. Ханна думала, что никогда не чувствовала ничего столь же эротичного, как ощущение его мощной груди напротив её, пока он не наклонил голову и не захватил её сосок в рот, облизывая и посасывая, пока все, что она могла делать — это стонать его имя, выгибая спину над кроватью, нуждаясь в большем.

— Боже, ты так красива, Ханна, — сказал он, его губы осыпали поцелуями и словами

восхищения её разгорячённую кожу. Она задышалась. Он, наблюдая за ней, поцеловал живот над трусиками. Она кивнула, и он, избавившись от её нижнего белья, издал низкий стон, когда она предстала перед ним полностью обнажённой. Она не чувствовала ни унции страха. С ним она была в безопасности. Его прикосновения ласкали её, говоря своими руками и поцелуями, как сильно он её желал, как он заботился о ней, когда не мог произнести ни слова. И когда она потянула его за брюки, он стремительно избавившись от них, накрыл её своим телом, в этот момент она могла думать лишь о том, как он в неё входит, заполняет её собой, излечивает её, любит её.

— За всю свою жизнь, я никогда не видел и не пробовал на вкус ничего более восхитительного, чем ты, — сказал он низким охрипшим голосом, нежно касаясь и целуя её тело, медленно опускаясь вниз. Все, что она могла сделать, это прижать его голову ближе к себе и просить, чтобы он никогда не останавливался. Она не понимала, что сказала это вслух, пока не услышала его приглушённый смех.

— Поверь мне, если я умру, именно так я хочу уйти. — Он прикоснулся к ней, терзал её изнутри пальцами, и впервые она почувствовала, как рассыпается на части. Он лежал на ней, его пальцы увеличивали свой эротический, настойчивый ритм, пока она не выгнулась рядом с ним. — Ханна, — прошептал он, тяжело дыша, — давай, дорогая. Я держу тебя. — И Ханна сделала это, распавшись под ним на части, волна за волной в этой сладкой капитуляции. Когда она медленно начала приходить в себя, она потянулась к нему, зная, что этого было недостаточно, она не была бы цельной без него.

— Ты уверена?

Она кивнула, схватив его бедра и прижав их к своим. Он, опираясь на предплечья, медленно и осторожно вошёл в неё. Ханна знала, что такое сильное сдерживание, убивало его. Она откинула голову, а её руки медленно путешествовали вниз по его телу, пока она не схватила его за упругие ягодички. — Войди в меня, Джексон, пожалуйста, — сказала она и, наконец, он одним мощным толчком полностью вошёл в неё. Боль была мимолётной, страсть снова завладела ею, пока все, что Ханна могла сделать, это ухватиться за него, притягивая к себе. Он продолжал вбиваться в неё снова и снова. Она выкрикнула его имя, впиваясь ногтями в его спину, даже не представляя, что она могла чувствовать такое. Полностью отказавшись, полностью отвернувшись от человека, которым, как она думала, она была ради этого... сладкого рая и они оба, вместе сдались своей страсти.

Джексон смотрел на женщину, которая мирно спала в его объятиях, и удивлялся, как до неё, его жизнь казалась ему столь значимой. Он не жил ради кого-то, кроме себя самого, и теперь он живёт для неё и Эмили. Он наклонился, чтобы поцеловать её в макушку, такой естественный для него жест, который раньше он совершенно не использовал. Он услышал её тихий вздох, и крошечная улыбка появилась в уголке её соблазнительного рта. Она крепче к нему прижалась и продолжила спать. Он думал, что ничто и никогда не казалось таким правильным, как сейчас, Ханна в его объятиях и удочерение Эмили в процессе. Ничто никогда не разлучит их.

Вибрация его BlackBerry на стоящей рядом тумбочке прозвучала громко и резко. Он осторожно высвободился из объятий Ханны и потянулся к телефону. Это был его адвокат, Николас Райт. Он, Ник, и Итан вместе ходили в колледж, и он считал Ника хорошим другом, а также лучшим адвокатом в городе. Джексон встал, укрывая Ханну одеялом, и влезая в свои боксеры. Он вышел из комнаты и, закрывая за собой дверь, ответил на звонок.

— Джексон, прости, что я звоню так поздно. Я пытался связаться с тобой в течение всего дня, — сказал Николас, его голос звучал не мрачнее обычного.

— Да, я был занят женитьбой, помнишь? — сказал Джексон сухо, стоя перед окнами в гостиной.

— Хорошо, хорошо. Все прошло гладко?

Джексон усмехнулся. — Ну, она не оставила меня у алтаря, так что я думаю, что это хороший знак.

Когда он не услышал смеха своего друга на другом конце, он понял, что все серьёзно

— Я не знаю, как тебе это сказать, но со службой опеки над детьми связался человек, утверждающий, что он — отец Эмили.

Отец Эмили. Эти слова срикошетили по нему, и он почувствовал себя плохо. — Нет никакого отца, — прошептал он хрипло, глядя через плечо на закрытую дверь спальни.

— Мы не знаем наверняка, отец ли он ей. Мы проверим это, сделаем генетический тест на отцовство. Для паники нет причин.

— Кто он, Ник? Если он был с моей сестрой, он наркоман. Он, вероятно, охотится за деньгами. Мы можем откупиться...

— Мы должны сделать все по правилам, если хотим обеспечить постоянную опеку. Он сейчас не в городе. Мы узнаем больше, когда он доберётся сюда.

— Моя сестра не знала никого достаточно приличного, кто был бы в состоянии вырастить ребёнка. У тебя есть записка оставленная Луис. На ней моё имя. Я и есть семья этой малышки, — сказал он, сжимая до боли руку державшую телефон.

— Знаю, знаю. Как я уже сказал, пока не паникуй. Возможно, в этом нет ничего опасного. Я просто хотел, чтобы ты был в курсе, что происходит.

Джексон сделал глубокий вдох, думая о женщине, которая спала в его постели. Она наконец-то полностью доверилась ему. Он не собирался подводить её. Он не собирался подводить свою племянницу, или сестру. Ему был дан второй шанс, и никто не встанет у него на пути.

— Держи меня в курсе. — Он бросил свой телефон на диван и со вздохом провёл рукой по лицу. Что он скажет Ханне? Он у себя в голове разыграл каждый возможный сценарий, и его разрывало чувство вины. Но видеть, как из-за чего-то, великолепное лицо Ханны наполняется болью, что может даже и не быть реальным, помогло ему сразу же принять решение. Он не собирался говорить ей о чем бы то ни было. Это может быть просто ложная тревога. Почему он должен волновать её безо всякой на то причины?

Он посмотрел в окно, а затем на своё отражение. Его мать умерла. Его отец был мёртв. Его сестра была мертва. Остались только он и Эмили. Они были семьёй, и он никогда не смог бы позволить ей уйти. Потребность обеспечить защиту, которая, как он думал, умерла вместе с Луис, всколыхнулась в нём. Он никому не позволит прийти и поставить под угрозу жизнь, которую они собирались строить.

Джексон остановился у двери спальни, наблюдая, как Ханна спит. Мирно. Красиво. Он ненавидел то, что собирался солгать, зная, что это был единственный способ, чтобы уберечь её от боли. Но спокойствие на её лице укрепило его решение, что он, не говоря ей об этом, поступает правильно. Она заслуживает счастья.

Она открыла глаза, и его внутренности скрутило, когда она сразу же посмотрела на него.

— Привет, — сказал он, входя в комнату, отталкивая свою вину. Он делал это для неё,

это всё, что он должен был помнить.

— Это было лучше, чем я когда-либо думала, что это возможно, — прошептала она.

Джексон улыбнулся, поражённый её откровенностью. Он забрался в постель рядом с ней, целуя её гладкое плечо. Он увидел, как мурашки пробежали по её нежной коже.

— О, я знал, что это возможно. — Он вдохнул аромат её кожи, не в силах держать свои руки и рот подальше от неё.

— Помнишь тот день в коттедже, когда ты нашёл мой тайник с книгами? — Спросила она, полностью застав его врасплох. Он кивнул.

— Я начала читать романы уже давно. — Уголок её рта слегка поднялся вверх, но почему-то он уже знал, что это не была улыбка человека, который собирается рассказать счастливую историю своей молодости. Может быть, потому что он чувствовал, что уже знал её очень хорошо, или, может быть, потому, что он прекрасно понимал, что значит эта поза, и печальная улыбка, которую он сам использовал много раз.

— Моя жизнь началась так же, как и у Эмили, — сказала она мягко. — Меня оставили на холоде, на пороге церкви, разница лишь в том, что не было никакого дядя, ни давно потерянного родственника, так что я вошла в систему патронатного воспитания.

Джексон не мог дышать, не мог думать. Он видел, как она быстро заморгала, её взгляд был сосредоточен на потолке. Его накрыло осознание, и он задался вопросом, как раньше этого не увидел.

— Все, что я помню — я никогда не чувствовала себя любимой. У меня было не особо много вещей, которые я могла бы назвать своими. У меня не было дома, родителей, никого и ничего... — Ханна на мгновение сделала паузу, и Джексон использовал каждую унцию самообладания, чтобы ничего не сказать, чтобы она продолжила говорить. — Все, что я имела, находилось в чемодане, готовом быть упакованным, в случае если пришло время, для переезда в другой дом. У меня никогда ничего не было, что было по-настоящему моим, пока я не купила свой дом.

Джексон стиснул зубы, злясь от её имени, его сердце болело за неё.

— Когда я стала достаточно взрослой, чтобы понять, что я могу выйти из системы, как взрослый человек, именно на этом я и сконцентрировалась. Но были времена, в зависимости от приёмной семьи, в которой я находилась, когда выход из системы казался чем-то недостижимым. Некоторые приёмные семьи были лучше, чем другие.

Он услышал слабую дрожь в её голосе и увидел, как слегка задрожал её подбородок, но она продолжила, говоря ему то, что он просил у Бога, чтобы ей никогда больше не пришлось терпеть снова. — А потом, в один прекрасный день, по дороге домой из школы, я проходила мимо библиотеки, у них проходила распродажа поддержанных книг. Я остановилась возле бледно-фиолетовой книги, название на корешке книги гласило «*Королевство грёз*». И с того момента, как я открыла эту книгу, я не закрыла её, пока не закончила читать. Она перенесла меня в место, где любовь побеждала все, где люди были благородными и... — Она на мгновение остановилась, и ему показалось, что, когда она откашлялась, она тем самым пыталась остановить слёзы. Он ждал, когда она закончит, чувствуя, что от её слов его собственное напряжение нарастает, представляя её подростком, который научился верить в и-жили-они-долго-и-счастливо.

— Героиня, на самом деле, в конце получила своё королевство — своего рыцаря, и его любовь. — Она прикоснулась к его щеке, а затем притянула к себе, он поцеловал её, поняв соприкоснувшись с ней, её потребность в нем, ведь она соответствовала его собственной.

Он снова отодвинул свою вину — он защищал её. Он делает всё правильно ради неё, ради всех них. Когда их тела сливались, Джексон пообещал, что в один прекрасный день он подарит Ханне её королевство.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

— Хочешь помочь?

Он быстро, на всякий случай покачал головой. Он не имел ни малейшего представления, что задумала Ханна. Придя домой с работы и не обнаружив Ханну на её обычном месте, среди стопки книг по психологии, он нашёл её на кухне. Она выглядела чертовски сексуально в джинсах и облегающем свитере, её волосы были собраны в хвост, а щеки покрывал румянец от... он понятия не имел от чего.

— Я бы помог тебе, если бы знал, что ты делаешь, — сказал он, целуя её мягкие губы.

— Отлично! — Сказала Ханна, и протянула фартук в его сторону. — *Я занимаюсь выпечкой*, Джексон. Уже почти Рождество и у нас в этом доме нет никаких угощений, — сказала она, обходя его, чтобы вынуть из духовки противень с печеньем.

— Эмили спит? — Его любовь к Эмили была самым неожиданным осознанием. Никакого ощущения долга или обязанности, а лишь только любовь. Это чувство просто накатывало на него, когда он держал её или разговаривал с ней, и когда Ханна привезла её в офис во время их неожиданного визита, и Эмили срыгнула, полностью испачкав стол Итана, потому что была так рада видеть Джексона.

Ханна кивнула. — Да, но скоро должна проснуться.

— Младенцы едят печенье?

— Нет, младенцы не едят их. — Она нахмурилась. — Ты слышал что-нибудь от Николаса?

Его сердце болезненно сжалось. Джексон покачал головой. — Нет, но всё должно быть завершено к концу недели. Ты знаешь всё это, Ханна. Я ближайший её родственник, мы женаты, и стабильны в финансовом плане, и даже наш визит с соработником был идеальным. — До настоящего времени отец Эмили даже не объявился. Николас согласился, что это, вероятно, была отчаянная попытка наркомана получить хоть какие-то деньги.

Она кивнула, закусив нижнюю губу. — Я буду чувствовать себя лучше, как только всё будет подписано, и она будет нашей. Это всегда беспокоило меня, что отец Эмили неизвестно где.

Во рту Джексона все пересохло. — Мы её родители. — За последние две недели, жизни с Ханной и Эмили укоренили его решимость сделать законным то, что он знал своим сердцем, было правдой. Черта с два он позволит кому-то прийти сюда и разрушить семью, которую они строили вместе.

Ханна улыбнулась ему. — Ты прав.

— Просто потерпи.

Его желудок громко заурчал, и он направился напрямик к противню, заполненному печеньем. Ханна рассмеялась и подняла руку, блокируя его.

— Ни за что. Ты должен помочь мне. И к тому же, они ещё не оформлены, — сказала она, тщательно размещая каждое печенье, одно за другим, на охлаждающую подставку.

— А как насчёт этого? — Он взял коробку, заполненную красным блестящим печеньем.

Ханна вырвала коробку из его рук. — Это для Итана. Возьмёшь их завтра в офис, — сказала она, закрыв коробку крышкой.

— Почему ты печёшь печенье для Итана?

Ханна вздохнула и поправила фартук. Он старался не отвлекаться. Ему следует просто снять этот фартук.

— Потому что он звонил сюда пару минут назад. Я упомянула, что пеку рождественское печенье, и он спросил, могу ли я сделать парочку для него.

— Итан? Мой бизнес-партнер? — Джексон не думал, что когда-либо видел, как Итан ест печенье.

Она кивнула, положив руки на её бедра. — Видимо, он любит с красной посыпкой.

— С красной посыпкой?

Она кивнула, на этот раз улыбка расцвела на её лице. — Да.

— Ему не нужно печенье. Итан вырос в окружение множества нянь, домработниц и поваров. Я, с другой стороны, был просто бедным, отвергнутым мальчиком, поэтому печенье моё, — сказал он, смеясь, когда Ханна покачала головой. Это был первый раз, когда он шутил о своём детстве.

— Хорошо, Крошка Тим, закатывай рукава и помоги мне с ним.

— Я ничего не знаю о печенье, кроме того, что его нужно есть.

— Боишься?

Её руки находились в миске, и тесто выглядело густым и рыхлым. Он не был тем, кто страшится вызова. — Это ты должна бояться, — сказал он, улыбаясь, когда она засмеялась. Он снял пиджак и засучил рукава. Очевидно, ради неё, он сделает всё что угодно.

— Так что мне делать?

— Мы раскатаем его и затем создадим разные рождественские формы. Так как у тебя нет никаких формочек для печенья, мы сделаем это вручную.

Он нахмурился. — Рождественские формы?

Он наблюдал, как она раскатала тесто, пока оно не стало тонким и гладким. Она издала раздражённый вздох. — Ёлочки, колокольчики, ангелы, знаешь, что-нибудь *рождественское*.

Верно, сказал он, решительно кивая. Схватив кусок теста, он сосредоточился на том, чтобы сделать дерево, пока звук рождественских песен наполнял кухню. До Ханны, ни одна рождественская песня не была проиграна в его пентхаусе.

— *Это* ещё что! Это похоже на какого-то инопланетянина. — Заливистый хохот Ханны заставил Джексона посмотреть вниз на печенье, что он делал. Это *действительно* было похоже на инопланетянина. Он нахмурился и посмотрел на её работу. Конечно, она смогла сделать идеальную форму дерева. Затем он подумал кое о чем, воспоминание о той ночи, которая теперь, казалось, была так давно.

— Ханна, — сказал он, схватив её за талию, не заботясь о том, что их руки были испачканы тестом, когда она охотно оказалась в его объятиях. — Прости меня из-за того чертового печенья, — сказал он хрипло, наклоняясь, чтобы захватить её губы. Она легко, с любовью поцеловала его в ответ.

— Ты пробовала печенье, — сказал он между поцелуями. Она притянула его ближе, притягивая его за затылок, и вскоре Джексон пытался решить, накричит ли она на него или нет, если он сметёт со столешницы все тесто для печенья и займётся с ней любовью прямо здесь и сейчас.

Джексон заметил её сумку для книг возле кухонного стола, напомнившую ему, что она до сих пор не распаковалась. Всякий раз, вечером, когда она заканчивала заниматься, она упаковывала свои книги и вещи в эту рождественскую сумку. Несмотря на то, что он

предложил разделить своё домашнее офисное помещение с ней, она настаивала на том, что ей удобнее просто хранить все в своей сумке. Она не использовала свою сторону шкафа для большего, кроме свадебного платья. Она просто держала чемодан открытым на его багажной полке в углу.

— Можно вопрос?

— Ты на самом деле просишь моего разрешения? — спросила она с дразнящей улыбкой.

— Я стараюсь быть джентльменом, — ответил он, утончённо пытаясь выхватить печенье. Она шлёпнула его по руке.

— Почему ты ни цента не использовала из денег, которые я тебе дал?

Её лицо побледнело, а затем стало красным.

— В этом не было надобности. — Она пожалала плечами, а затем начала возиться с разделыванием уймы теста, что она собрала на противне для печенья.

— В этом не было надобности? — Он старался быть терпеливым. Она покачала головой, отбрасывая волосы на плечи, и ему пришлось подавить пульсацию своего желания, когда ощутил запах её шампуня. — Как ты платишь за обучение?

Она отвела глаза. — Я оплачиваю одной из своих карточек.

— Это глупо, тебе влезать в долги, когда у меня есть более чем достаточно средств, чтобы оплатить твоё обучение.

Она вызывающе подняла подбородок. — Я не влезая в долги.

— Правда? Тогда зачем расплачиваться за обучение своей кредитной карточкой?

— Чтобы получить бонусные мили, Джексон.

Бонусные мили. Он глубоко вздохнул. Ему нужно было посчитать до десяти. — Планируешь куда-нибудь уехать?

Она покачала головой, улыбка появилась на её губах. — Но я бы взяла тебя с собой, если бы планировала поездку.

— Приятно слышать, — сказал он, двинувшись ближе к ней. Было трудно злиться на неё. — Но помни, мы заключили сделку. Я плачу за твоё обучение.

— Сделка, на которую меня принудили согласиться?

— Насколько я помню, Ханна, именно ты постучала в мою дверь во время пурги...

— Только, чтобы ты захлопнул её перед моим носом.

Телефон зазвонил. Им обоим потребовалась минута, чтобы понять, что их прервало. Джексон наклонился, чтобы подарить ей ещё один поцелуй, наслаждаясь, какой растрёпанной она выглядела.

— Кто это? — спросила Ханна, пытаясь поправить свою одежду, когда он взглянул на идентификатор вызывающего абонента.

Он положил телефон обратно в карман. — Просто работа. — Он ненавидел врать ей, но ему придётся перезвонить Нику позже. Чувство вины пронзило его насквозь в то время, как Ханна стояла рядом, улыбаясь и доверяя ему.

— Хочешь сходить за рождественскими покупками?

Ханна прищурилась. — Прости, я могла бы поклясться, что ты только что пригласил меня сходить за рождественскими покупками.

Он выхватил печенье. — Все верно. Ты, я, Эм. — Он посмотрел вниз, на печенье. — Эти очень вкусные. Не думаю, что Итану нужно аж шесть печенюшек. Две более чем достаточно. Дай ему то печенье в форме инопланетянина, что я сделал.

— Нет, даже Чарли его есть не будет, — сказала она. Чарли, услышав своё имя, поднял

потрёпанную голову, посмотрел на печенье в форме инопланетянина, и снова закрыл глаза.

Джексон сделал глоток пикантного, мягкого варева Starbucks Holiday, о котором Ханна безудержно болтала на протяжении последних двух недель, направляя коляску Эмили вдоль тротуара.

— Это твой новый любимый кофе, не так ли? Согласись, — сказала Ханна. Он смеялся, идя рядом с ней, когда они уже направились домой. — Ты очень настойчива.

— Разве тебе не *нравится* рождественский дизайн на чашке?

Джексон поднял свою чашку. Да. Северный олень. — Я никогда не замечал этого раньше.

Ханна закатила глаза. — Это первая вещь, которую я ищу в ноябре, — сказала она, делая глоток.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь. — Он улыбнулся ей, искушённый притянуть её для поцелуя, несмотря на толпу вокруг них. Но Ханна продолжала идти.

— И ты тайно в восторге от рождественского шопинга, не так ли?

Вероятно, это был один из лучших дней его жизни. Он, удерживая гигантский стакан кофе, перевёл взгляд с великолепной женщины рядом, в красном пальто и джинсах, к довольной племяннице, сидящей в коляске. Большие, тяжёлые снежинки падали вниз, когда они шли через центр Торонто. Он послал Ханне улыбку. — Хорошо, мне нравится рождественский шопинг. С тобой и Эм, — сказал он, замедляясь, когда они приблизились к светофору.

— О, кстати говоря о рождественских покупках, когда ты хочешь доставить наш подарок Сэмпсонам?

Джексон застонал. — Ты ничего не упоминала о том, что мы будем доставлять подарок.

— Конечно, мы собираемся сделать это. Разве ты не думаешь, что они хотели бы снова увидеть Эмили? — Ханна улыбнулась ему, когда они переходили дорогу.

Джексон заметил человека, прислонившегося к углу их здания, как только они вышли на тротуар. Волосы на затылке мгновенно встали дыбом, когда их взгляды встретились. Джексон замедлил шаг, передав коляску Ханне.

— Джексон, что случилось? — Спросила она, беря коляску.

— Я хочу, чтобы ты зашла внутрь. Я приду через несколько минут, хорошо? — Он не сводил глаз с худощавого мужчины с растрёпанными волосами, в грязных джинсах и свитере. Он знал его. Он *знал* это лицо. *Откуда?*

— О чем ты говоришь?

— Просто поверь мне. — Его инстинкты все ещё были во всеоружии, усовершенствованы реагировать на любую угрозу. Ему нужно было, чтобы Эмили и Ханна оказались внутри. Но прежде, чем Ханна и Эмили смогли войти в здание, мужчина двинулся вперёд, ухмылка появилась на его небритом лице.

— Джексон Пирс? — Крикнул он уверенным хриплым голосом.

— Кто ты?

— Я отец этого ребёнка

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Джексон попытался проигнорировать вздох Ханны и сосредоточиться на этом мерзавце.

— Черта с два. Зайди внутрь, — сказал он, не отводя взгляд от лица мужчины. Ему нужно было вспомнить, где он видел его.

— Нет, — услышал он неистовый шёпот Ханны.

— Джексон Пирс, не так ли? Так ты называешь себя сейчас? — Мужчина ухмыльнулся. Гнев вырывался из него. Это был человек, утверждающий, что он отец Эмили? Джексон пытался обуздать своё желание засадить кулаком в лицо этому мужчине. Каждой клеточкой своего тела он хотел услышать, как эта тощая челюсть сломается от удара. Отвращение пронзило его, когда он вспомнил, как этот парень разгромил его дом в поиске денег. Это не был отец Эмили.

— Я тебя помню, — сказал Джексон, продолжая говорить спокойным голосом.

— Рад слышать это. Жаль, что Луис умерла, она была хорошенькой шл...

— На твоём месте, я бы замолчал.

Мужчина посмотрел на Джексона, а затем окинул пристальным взглядом Ханну. — Но, я должен сказать, что вот эта, определённо шаг вперед.

Джексон быстро двинулся вперёд, толкнув мужчину к зданию, прижимая его своим предплечьем, пока Джексон не почувствовал, как тому стало сложно говорить. Его взгляд обратился к небольшому проулку между зданиями. На секунду ему захотелось стать тем подростком, который сначала действовал, а потом думал.

Он наклонился, показывая свой гнев, позволяя тщательно контролируемым эмоциям выйти наружу. — Держись подальше от моей семьи. Не смотри на мою жену. Не говори с ней. Не говори о ней.

— Я пришёл за ребёнком

— Она не твоя.

— Я готов вести переговоры. Твоя сестра всегда говорила, что ты станешь богатым.

Джексон придвинул своё лицо ближе, испытывая отвращение от исходившей от него вони от дешёвого пойла. — Я, как и ты вырос в самых низах, но выбрался оттуда. Я знаю, как играть грязно, и я клянусь тебе, я так и сделаю. Я заставлю тебя сожалеть о том дне, когда ты всего лишь думал о моей дочери или же посмел посмотреть на мою жену. Я оберегаю то, что принадлежит мне. Не забывай это. Так что убери свою жалкую задницу подальше от моей семьи. — Джексон сильнее прижал его к стене, не видя больше в нем мужчину, а только лишь угрозу.

— Джексон. — Мягкий голос Ханны прорвался сквозь его ярость. Он, стиснув зубы посмотрел на неё, и увидел, что она побледнела, и у неё задрожал подбородок.

И все, что она рассказывала ему о своём детстве, о насилии, с которым ей пришлось столкнуться, всплыло в его памяти. Он посмотрел на сонную Эмили, ангельски невинную. А потом, переведя взгляд на отморозка перед ним, Джексон подумал о его с Луис отце, и твердо знал, что не мог этого сделать. Он не мог поднять руку на Ханну или Эмили, как бы разгневан он не был. Никогда.

— Держись подальше от моей семьи, — сказал Джексон тихим, с нотками угрозы голосом, прежде чем отпустить его и отступить.

Мужчина схватился за горло, пытаясь дышать глубже, и посмотрел на Джексона с такой ненавистью, что Джексон нутром чуял, это ещё не конец.

— Пойдём, — сказал он, обращаясь к Ханне, заставляя себя успокоиться. Он должен быть сдержанным. Он должен быть её опорой. Джексон схватил её за руку и, взяв коляску, провёл их к входу. Швейцар открыл для них двери, и они были поглощены роскошным мраморным вестибюлем. Он повернулся, чтобы посмотреть в окно, пока они ждали лифт. Его глаза сканировали толпы людей, но тот мужчина ушёл.

Ханна не сказала ни слова. Она не могла смотреть на Джексона. Она последовала за ним в квартиру и просто стояла у входа, смутно осознавая, что Джексон вытащил Эмили из коляски, и ушёл из комнаты. Она стояла там, все ещё не сняв пальто, слушая звуки, к которым привыкла.

Когда Джексон вернулся, его лицо осунулось, а глаза наполнились болью. — Она не проснулась, — сказал он, его голос был напряжённым. Он бросил свои ключи и пальто на кожаное кресло у входа. Ханна не могла заставить себя заговорить.

Джексон подошёл к ней. — Я, э-э, мне очень жаль, если я напугал тебя.

Ханна покачала головой, глядя на него снизу вверх. Он не напугал её. Он заставил её почувствовать себя в безопасности. Он боролся за неё. Во многих отношениях они родом из того же места.

— Он сказал, что он её отец.

Джексон, сжав губы в тонкую линию, медленно кивнул.

Почему она позволила себе надеяться? Почему она думала, что на этот раз, все будет по-другому? Все было как и в те времена, когда её забирали из хорошего дома. Кто-то приходил, сообщая, что Ханне пришло время уходить. Всегда было слишком рано. В хороших домах это всегда было слишком рано. А теперь все это произойдёт с Эмили. Никто не любил Ханну достаточно, чтобы удочерить её, но они любили Эмили. Этого должно быть достаточно. Этого не может быть. Ханна покачала головой, она не могла смотреть на Джексона, не могла обнять его, шок от всего произошедшего парализовал её.

Её глаза затуманились, когда она почувствовала, как Джексон прижался к ней, его сильные руки обняли её. Она почувствовала в его словах боль, которую невозможно было высказать. Она не хотела поворачиваться к нему лицом. Она вздрогнула, пряча рыдания, которые грозились вырваться, когда он прижался губами к её шее. Это был конец. Она потерпела неудачу. Она не могла спасти Эмили. Их семья будет разорвана в клочья. Они не могли конкурировать с её отцом.

— Никто не сможет забрать её у нас. — Она могла услышать неприкрытые эмоции в его голосе, когда он прошептал ей это на ухо. Она повернулась в его руках и посмотрела на него снизу вверх. На его скулах играли желваки, а тёмные глаза блестели. Ханна покачала головой, когда его тёплые, сильные руки обхватили её лицо.

— Ты не понимаешь. Её отец победит... ты просто дядя... существует процесс. Мы потеряем её в пользу её отца.

— Я клянусь тебе прямо сейчас, никто не заберёт Эм у нас. Я обещаю тебе...

— Ты не можешь это пообещать, никто не может. Я знала, что это случится. Я подвела её, — сказала Ханна, сжимая ткань его рубашки.

— Нет, не подвела, — прошептал он ей в волосы. — Мы ещё не потеряли её.

Ханна почувствовала поцелуи, проникающие прямо в сердце. После сегодняшнего, больше нет никакого смысла притворяться замужней парой. Её руки пробежались вверх по его гладкой хлопковой рубашке, чувствуя, как его упругие мышцы перекачиваются под ней. Она усилила хватку. Он бережно обхватил её лицо руками, целуя её с желанием и жадой, которую она понимала, и ответила поцелуем на поцелуй.

— Сделай так, чтобы это исчезло, Джексон, сделай так, чтобы боль исчезла. — Он застонал и посмотрел на неё сверху вниз, сдерживаемое желание запечатлелось на его лице. Он потянулся, чтобы обхватить её попку, поднимая её так, чтобы она оседлала его. Она, не разрывая поцелуя, обвила ноги вокруг его талии. Их одежда быстро исчезала, пока между

ними не осталось ничего, они неистово любили друг друга, дикие и наполненные болью, которая теперь стала в два раза больше.

Ханна потянулась, притянув его голову к себе ближе. — Сейчас, — прошептала она, её слова были прерваны, когда он захватил её рот в неистовом поцелуе, и вошёл в неё с трудом сдерживая страсть.

Она почувствовала его твёрдую длину. Он полностью вошёл в неё, заполняя пустоту, одиночество. Все, что осталось ей — капитуляция — блаженная капитуляция, которую предлагал Джексон. Через секунды после того, как её мир взорвался, она почувствовала, как он присоединился к ней.

Джексон проснулся от распространившегося запаха кофе и лимонных и клюквенных кексов. Он слегка улыбнулся. Несмотря на все, что случилось прошлой ночью, мысль о Ханне до сих пор заставляла его улыбаться. Она провела большую часть ночи расхаживая туда-сюда и держа Эмили на руках, и один раз, когда она не спала, лежа рядом с ним, он занялся с ней любовью медленно и сладко, пока они оба не забыли обо всей боли и не сдались в плен любви, о чём ни один из них не признался бы вслух.

Ханна, сегодня утром, не пела ту песню о пяти утках. До сих пор он не понимал, как сильно ему нравилась эта песня. Он надел джинсы и пошёл босиком на кухню, благодаря Бога за Ханну. Они пройдут через это вместе, они будут бороться за Эмили.

Джексон остановился. Её сумки были аккуратно сложены в коридоре. Сумка с остролистом и ягодами была набита книгами.

— Ханна? — Крикнул он, входя на кухню. Она стояла спиной к нему. Когда она медленно повернулась, он понял по следам на её лице, что она плакала. Она подняла руку, и эти милые зелёные глаза наполнились слезами.

— Я ухожу.

— Почему? — Он чувствовал, как гнев и страх накрыли его.

— Николас только что звонил. Как долго ты знал об отце Эмили

Ханна пыталась говорить сквозь слёзы.

Она подняла трубку после первого звонка, когда увидела, что это их адвокат, и когда Николас упомянул его разговор о биологическом отце Эмили с Джексонем, она почувствовала разъедающее чувство от его предательства.

Ханна дрожащими руками вытерла слёзы, ненавидя стоять здесь, вот так, в комнате, которая двадцать четыре часа тому назад была заполнена лепетом малышки и улыбающимся Джексонем. Она смотрела на его напряжённое лицо, ненавидя то, что даже сейчас он был самым прекрасным мужчиной, которого она когда-либо знала.

Он поник — Мне очень жаль, дорогая. Я не хотел, чтобы ты паниковала...

— Ты солгал мне. Как давно ты знал об этом?

Он, на мгновение, отвёл взгляд. — С ночи нашей свадьбы.

Ханна закрыла лицо руками. Это была полная неразбериха. Он солгал. Отец Эмили вернулся. И она была...

— Я пытался защитить тебя.

— Эмили уедет, — прошептала она, её голос дрожал. Он подошёл к ней и взял её за плечи, она почувствовала власть его рук, и это напомнило ей о прошлой ночи. Нежность, страсть...

— Нет, — сказал он медленно. — Перестань думать, что мы проиграли. Результаты на отцовство ещё не известны.

Ханна покачала головой, не воспринимая его слова. — Если он её отец, он получит опеку. Независимо от того, насколько хорош Николас Райт, мы не сможем удочерить её.

— Ты знаешь, что я никогда не позволю им забрать её. Подумай об этом рационально. Он наркоман, ему нужны деньги, а не ребёнок, Эмили наша, и мы никогда не потеряем её. Я боец, и ты тоже. — Он притянул её к себе. Она недолго сопротивлялась, не желая разделить свою боль, не желая принять утешение. Но она не могла сопротивляться убежищу, которое он предлагал, и она уткнулась лицом в его грудь, рыдая за Эмили, за них, за себя. Её мечты о королевстве принадлежат её книгам, её фантазиям. Он разрушил её стены, и она соблазнилась его добротой, его прикосновениями, его уязвимостью. И теперь она собиралась потерять все.

— Я не могу это сделать, — сказала она у его груди, крепко его удерживая.

— Я буду бороться за нас обоих. Тебе не придётся говорить ей прощай, — сказал он, касаясь губами её волос.

— Ты не понимаешь, как сильно меня это разрушит. Если ты заботишься обо мне, то отпустишь меня, — прошептала она, все ещё не отходя от него. Она почувствовала, как его тело напряглось.

— Ханна, — сказал он, когда она, наконец, собралась с силами, чтобы выбраться из его объятий, из этого ложного чувства безопасности.

— Прошу, Джексон. — Она услышала по радио няне, что Эмили начинает просыпаться, и замерла. Она почувствовала, что он пристально смотрит на неё, а затем Эмили вскрикнула снова. Ей нужно было уйти, прежде чем он пойдёт за Эмили.

— Хорошо, — сказал он грубо. — Если это то, что тебе нужно сделать, тогда иди. Но я клянусь перед Богом, я собираюсь сделать все правильно. Я не собираюсь потерять тебя или Эм.

Она не встретила с ним взглядом, просто повернулась и пошла по коридору, остановившись, лишь чтобы забрать свои сумки. Она должна была уйти прямо сейчас. Она почувствовала, как задрожало её тело, когда она услышала плач Эмили, и его голос окликнул её. — Когда ты будешь готова, я буду здесь.

Она закрыла дверь, отрезая от себя его слова и плач Эмили.

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Ханна сделала глубокий вдох, позволяя холодному воздуху декабря заполнить лёгкие, когда споткнулась на людном тротуаре. Но она не могла идти в ногу с пешеходами, она не могла двигаться вперёд, она не могла продолжать уходить от единственных двух людей в мире, которых она по-настоящему любила. Санта на углу улицы звенел своим колоколом и образ Джексона в Кроссинг Хоуп возник в её голове. Он боролся за неё, защищал её, спас её. Джексон сделал решительный шаг. Она умоляла его удочерить Эмили, чтобы бороться за его племянницу, и он сдержал своё обещание. А теперь это была Ханна, убегающая, когда все пошло наперекосяк. Она потратила так много лет на бегство. Она понимала, почему он солгал ей. Он был защитником. Он делал это для своей матери, своей сестры, и теперь для неё и Эмили. Она совершенно никак не могла уйти от Джексона. Она должна была вернуться.

Она медленно повернулась, когда услышала своё имя над шумом дорожного движения и болтовнёй пешеходов. Это был глубокий, насыщенный голос, который произносил её имя так, как никто другой. Он был там. Джексон гордо стоял прямо посередине тротуара, его чёрное пальто было присыпано снегом.

Она на мгновение отвела от него свой взгляд, и её шаг загнулся, как это было в ту ночь, когда она нашла Эмили. Джексон был не один. В его руках, полной противоположностью его чёрному пальто, был розовый свёрток. Мир на мгновение замедлился, даже когда Джексон бросился к ней. Из-за слез все было размыто, она не верила своим глазам. Несмотря на то, что она ушла от него, он был здесь ради неё.

— Ханна, — сказал он грубо.

— Джексон.

Он протянул свободную руку к её щеке. Он был реальным.

— Прости, что я солгал тебе, и я знаю, что ты сказала, что тебе нужно время, но, черт возьми, я не могу позволить тебе уйти.

— Я была на обратном пути к тебе, — сказала она, смеясь и плача одновременно. — Прости, что ушла от тебя.

— Я люблю тебя. Ты женщина, с которой я хочу провести остаток своей жизни, и любить каждый день. Я не хочу прожить и дня, не имея возможности целовать тебя или держать в своих объятиях. Ты, Ханна. Я хочу тебя навсегда. — Он подошёл к ней ближе, вытирая слезы, которые текли по её лицу. — Мне нужны ты и Эмили. Навсегда. Если ты позволишь, конечно же, — сказал он с улыбкой, в которой светилась любовь.

Она глубоко вздохнула. — Эмили?

— Я знаю, что этот парень, фальшивка. Ты это тоже знаешь. Эмили наша, и ты должна верить в это. И если нам придётся бороться за неё, мы будем. И мы победим, — сказал он, поцеловав Эмили в лоб.

Джексон протянул ей Эмили. Любовь, которую она не могла описать, наполнила её сердце и исцелила душу, пока малышка не моргая смотрела на неё, прежде чем на её лице вспыхнула неуверенная улыбка. Она не могла уйти от этого ребёнка. Она так сильно за неё боролась, ради неё потеряла работу, ради неё сражались с пургой. Она не могла бросить её сейчас. Никогда.

Она оторвалась от ангельского лица Эмили и посмотрела на Джексона. И улыбнулась ему. — Я тоже тебя люблю.

— Я хочу, чтобы мы вместе нашли дом, какой ты захочешь. Если ты хочешь жить в Кроссинг Хоуп, то мы так и сделаем. Я хочу, чтобы у тебя был дом твоей мечты. Мы собираемся быть семьёй, которой ни у кого из нас никогда не было. Настоящей, Ханна. Я хочу быть твоим мужем. Боже, я хочу быть этим человеком.

— Где бы ни были ты и Эмили — это и есть мой дом. — Когда она почувствовала его объятия и вдохнула его запах, Ханна знала, что была дома. Джексон был её домом. Не здание, не строение, он. Она подняла к нему лицо, видя любовь и мерцающее желание, когда он опустил голову, чтобы слиться с ней в поцелуе. Она ощущала вечность на его губах, пока они стояли под осыпающим их снегом, держа между собой самое ценное, Эмили. Она нашла своего рыцаря, королевство своей мечты.

Ханна нашла свою семью на Рождество.

Она нашла свою семью навсегда.

ЭПИЛОГ

— Папочка, не забудь звезду!

Джексон посмотрел на Эмили, которая смотрела на него снизу вверх большими карими глазами, сжимая в руке сверкающую золотую звезду. Он улыбнулся, когда наклонился и поднял трёхлетнюю дочь в свои объятия. Мягкая, красная ткань бархата, из которого было

сделано её платье, задевала его предплечье, когда он поднёс Эмили близко к верхушке ёлки. Он поправил украшение и хмыкнул, когда она всплеснула руками на то, что получилось в результате.

Все ещё держа Эмили на руках, он подошёл к выходящему на заснеженный передний двор окну, на этот вид он никогда не устанет смотреть, передний дворик в их коттедже светился как Лас-Вегас.

Ханна и Эмили провели весь день, добавляя белые огни к вечнозелёным растениям, венкам и саням Санты на крыльце. Каждый год Ханна настаивала на том, чтобы повесить гигантский венок на входной двери. Она даже смогла заставить его забраться на лестницу и добавить огни по фронтому крыши. Но он не жаловался. В этом году, он мог даже признаться, что ему это нравилось.

— Когда придут тётя и дядя Сэмпсон, папочка? — Спросила Эмили, глядя в окно. Джексон вздохнул. Это была ещё одна ежегодная традиция, которую начала Ханна — Сэмпсоны в канун Рождества. Другое дело, что он не жаловался. Как он мог, когда пожилая пара прирасталась к его дочери, как будто бы они были её бабушкой и дедушкой?

— Скоро, дорогая. Просто слушай колокола, — сказал Джексон, поворачиваясь, когда услышал шаги Ханны.

Его жена подошла к ним, приложив указательный палец к губам. — Он, наконец, уснул, — прошептала Ханна, прижимаясь к нему.

— Малыш Кристофер слишком много спит! — Эмили воскликнула нахмурившись.

— Это только так кажется, Эмили. Но новорожденным нужно намного больше сна, чем нам, — сказала Ханна, нажав на нос Эмили.

Буйный звон колоколов свидетельствовал о том, что Сэмпсоны приближались. Джексон вздохнул и посмотрел на Ханну.

— Я люблю тебя, Джексон, — сказала она с ослепительной улыбкой и блеском в зелёных глазах, когда она ущипнула его за бок.

— Я тоже тебя люблю, Ханна, — сказал он, наградив поцелуем её мягкие губы. Целовать Ханну было тем, что никогда ему не надоедало. На самом деле, это было тем, на что он намеревался потратить много времени после того, как Сэмпсоны уйдут.

Эмили рассмеялась и подпрыгнула в его руках, когда пара появилась на их дорожке. Большой красный мешок был доверху набит и находился в задней части саней.

— Они такие милые, — прошептала Ханна, глядя в окно.

Джексон согласился, но молча думал, что его жена была гораздо милее. Женщина рядом с ним показала ему силу прощения. У них была дочь Эмили, и два месяца назад, в семье появился сын. Джексон узнал значение выражения бескорыстная любовь.

И благодаря Ханне, он понял, что чудеса на праздники случаются.

Больше книг на сайте - Knigolub.net